

ноябрь – декабрь
6 (98) 2020 год
Научный журнал

Вестник

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ
И ИСКУССТВ

Содержание

ТЕОРИЯ И
ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ	6 САРАФ М. Я., ЯНКОВА Н. А.
КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ
	15 КЛИМОВА С. М.
РУССКИЙ АНАРХИЗМ КАК ТЕОРИЯ
И РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЙ ОПЫТ
	24 ДУБИН Р. Ш.
СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА
КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА
В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ
	34 ПРОКУДИНА Д. А., ПРОКУДИНА Е. К.
ЖИВОЙ МУЗЕЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЗЕЯ В КОНТЕКСТЕ
ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)
ДИСКУССИОННЫЕ
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ
КУЛЬТУРЫ	50 ГЕРТНЕР С. Л., КИТОВ Ю. В.
ПРОБЛЕМА МЕТОДА В НАУКЕ О КУЛЬТУРЕ
	ЭСТЕТИКА
	70 АСТАФЬЕВА О. Н., ШЛЫКОВА О. В.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ
И ИСКУССТВЕ: В ПОИСКАХ ОБРАЗА
	84 ЗОРИЛОВА Л. С., ШИЛОВА О. Е.
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. В. РАХМАНИНОВА
В КОНТЕКСТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА
	93 ЖАГУН-ЛИННИК Э. В.
ВОЗОБНОВЛЕНИЕ АВАНГАРДНО-МОДЕРНИСТСКИХ СТРАТЕГИЙ
И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ В ГЛИТЧ-МАНИФЕСТАХ

**СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

- 106 ШАРКОВСКАЯ Н. В.**
ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ОТРАСЛЕВЫХ ИНСТИТУЦИЯХ КУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ:
ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД
- 114 ВАСИЛЬКОВСКАЯ М. И., ПОНОМАРЁВ В. Д.**
«ВОЛОНТЁРЫ КУЛЬТУРЫ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ
- 122 ГОРЛОВА Н. И.**
ФОРМИРОВАНИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА ВОЛОНТЁРОВ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19:
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

**КУЛЬТУРА
В ЭПОХУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ**

- 130 ДИНЕР Е. В., ЛОПАТИНА Н. В.**
ЕДИНОЕ ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗНАНИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО
КОДА ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ
- 139 МЕЛЕНТЬЕВА Ю. П.**
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧТЕНИЯ
- 144 КУЗНЕЦОВА Т. Я.**
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ
БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

**ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ
КУЛЬТУРЫ**

- 152 КАЛУГИНА Т. Н.**
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ ЗАПАДА
- 164 КУПРИЯНОВ Б. В.**
СТАНОВЛЕНИЕ ЮНОГО МУЗЫКАНТА В КОНТЕКСТЕ
ОТНОШЕНИЙ «УЧЕНИК – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ»
- 179 ЖУКОВ А. Д.**
МЕДИАМАСТЕРСКАЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

НОВЫЕ КНИГИ 192 ЧЕРНЫХ С. С.

ФИЛОСОФИЯ СМЫСЛА: ОТ ЭКЗИСТЕНЦИИ К ТАЙНЕ БЫТИЯ.
Рецензия на книгу В. В. Варавы «Седьмой день Сизифа.
Эссе о смысле человеческого существования»
(Москва : Родина, 2020. 320 с.)

November – December
6 (98) 2020
Scientific
Academic Journal

The Bulletin

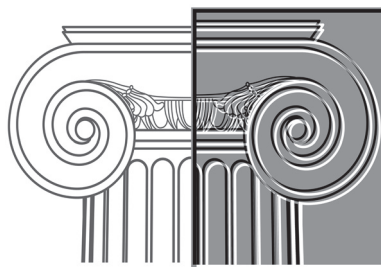
OF MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF CULTURE AND ARTS

Content

THEORY
AND HISTORY
OF CULTURES	6 SARAF MIKHAIL YA., YANKOVA NATALIA A.
CULTURAL AND LINGUISTIC REPRESENTATION
OF SOCIAL PROCESSES
	15 KLIMOVA SVETLANA M.
RUSSIAN ANARCHISM AS A THEORY
AND A RELIGIOUS EXPERIENCE
	24 DUBIN RADIK S.
SOCIOCULTURAL SPACE OF THE CITY AS A MULTIFUNCTIONAL
SYSTEM IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE
	34 PROKUDINA DARIA A., PROKUDINA ELENA K.
LIVING MUSEUM: TRANSFORMATION OF THE MUSEUM
IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE ECONOMY
(FOREIGN EXPERIENCE)
DISCUSSION
ISSUES OF
CULTUROLOGY	50 GERTNER SVETLANA L., KITOV YURI V.
PROBLEM OF THE METHOD OF CULTUROLOGY
AESTHETICS	70 ASTAFIEVA OLGA N., SHLYKOVA OLGA V.
PUBLIC ADMINISTRATOR IN CONTEMPORARY
CULTURE AND ART: IN SEARCH OF AN IMAGE
	84 ZORILOVA LARISA S., SHILOVA OLGA E.
SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS
OF S. V. RACHMANINOV'S CREATIVE ACTIVITY
IN THE CONTEXT OF THE SILVER AGE
	93 ZHAGUN-LINNIK ELVIRA V.
THE RENEWAL OF AVANT-GARDE AND MODERNIST STRATEGIES
AND ETHICAL ASPECTS IN THE GLITCH MANIFESTOS

- SOCIAL AND CULTURAL ACTIVITY** **106 SHARKOVSKAYA NATALIA V.**
FUNCTIONS OF SOCIOCULTURAL TECHNOLOGIES
IN SECTORAL INSTITUTIONS CULTURAL PROFILE:
AN ACTIVITY APPROACH
- 114 VASILKOVSKAYA MARGARITA I., PONOMAREV VALERY D.**
"CULTURAL VOLUNTEERS" OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A SOCIAL MOVEMENT AND SOCIAL INSTITUTION
- 122 GORLOVA NATALIA I.**
FORMATION OF AN ONLINE COMMUNITY OF VOLUNTEERS
OF CULTURAL INSTITUTIONS DURING THE COVID-19
PANDEMIC: FOREIGN EXPERIENCE
- CULTURE IN THE ERA OF DIGITALIZATION** **130 DINER ELENA V., LOPATINA NATALIA V.**
A SINGLE DIGITAL SPACE OF KNOWLEDGE IN THE FORMATION
OF THE CULTURAL CODE OF AN INDIVIDUAL:
DESIGN METHODOLOGY
- 139 MELENTIEVA YULIA P.**
PEDAGOGICAL APPROACH IN READING RESEARCH
- 144 KUZNETSOVA TATIANA YA.**
PROFESSIONAL STANDARDIZATION OF LIBRARY AND
INFORMATION ACTIVITY: CONCEPTUAL APPROACHES
- EDUCATION IN THE FIELD OF CULTURE** **152 KALUGINA TATIANA N.**
UNIVERSITY CULTURE UNDER THE SANCTIONS OF THE WEST
- 164 KUPRIYANOV BORIS V.**
YOUNG MUSICIAN FORMATION IN THE CONTEXT
OF THE RELATIONSHIP "STUDENT – MUSICAL INSTRUMENT"
- 179 ZHUKOV ANDREY D.**
MEDIA WORKSHOP AS A PEDAGOGICAL
TECHNOLOGY OF INTERACTIVE TRAINING
- NEW BOOKS** **192 CHERNYKH SERGEI S.**
PHILOSOPHY OF MEANING: FROM EXISTENCE
TO THE MYSTERY OF BEING.
Review of the book by V. V. Varava "The Seventh Day
of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence"
(Moscow, Publishing House "Rodina", 2020. 320 p.)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ
КУЛЬТУРЫ

Культурно-лингвистическая репрезентация социальных процессов

УДК 81:1

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-6-14>

М. Я. Сараф¹, Н. А. Янкова²

¹Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация, e-mail: ssaraf@yandex.ru

²Международный юридический институт, Москва, Российская Федерация, e-mail: natachayankova@yandex.ru

Аннотация: Авторы статьи исходят из того, что в любые периоды развития общества человечество шло по пути гомогенизации способов и форм коммуникации, а следовательно, гомогенизации языкового пространства. Эта направленность социального развития вырабатывает свои типы монолингвизма, соотносящиеся с типами социального устройства и культурного воспроизводства: локальный монолингвизм, национальный монолингвизм, глобальный монолингвизм. На современном этапе развития общества в условиях формирования глобального коммуникативного пространства в социальном и культурном воспроизводстве проявляются некоторые новые тенденции развития глобального монолингвизма. Среди них наиболее заметны прагматизация языка, унификация и шаблонизация языковых средств с характерной для них актуализацией наглядно-чувственных знаков для воспроизводства и передачи информации, разрушение языковой основы единого национального культурного пространства и его субкультуризация, что становится предпосылками формирования новой социокультурной реальности.

Ключевые слова: язык, культура, социальный процесс, коммуникация, глобальное коммуникативное пространство, культурное пространство, глобальный монолингвизм.

Для цитирования: Сараф М. Я., Янкова Н. А. Культурно-лингвистическая репрезентация социальных процессов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 6–14. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-6-14>

CULTURAL AND LINGUISTIC REPRESENTATION OF SOCIAL PROCESSES

Mikhail Ya. Saraf¹, Natalia A. Yankova²

¹Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: ssaraf@yandex.ru

²International Law Institute, Moscow, Russian Federation, e-mail: natachayankova@yandex.ru

Abstract: The authors assume that in any period of development of society and mankind was on the way homogenization methods and forms of communication, and therefore, the homogenization

САРАФ МИХАИЛ ЯКОВЛЕВИЧ – доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Московский государственный институт культуры

SARAF MIKHAIL YAKOVLEVICH – DPhil, Full Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, the Moscow State Institute of Culture

ЯНКОВА НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, Международный юридический институт

YANKOVA NATALIA ALEKSEEVNA – PhD in Philology, Associate Professor, International Law Institute

© Сараф М. Я., Янкова Н. А., 2020

of language area. This orientation of social development develops its own types of monolingualism, correlated with the types of social structure and cultural reproduction: local monolingualism, national monolingualism, global monolingualism. At the present stage of development of society in the emerging global communicative space, which is characterized by the transformation of communication means an end in itself, social and cultural reproduction is subject key trends of the global monolingualism, including pragmatic language, unification and standardization of the language means, characterized updating visual-sensory signs for the reproduction and transmission of information, destruction of the linguistic foundations of the national cultural space and its subcultural that becomes the prerequisites for the formation of new social and cultural reality.

Keywords: language, culture, social process, communication, global communication space, cultural space, global monolingualism.

For citation: Saraf M. Ya., Yankova N. A. Cultural and linguistic representation of social processes. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 6–14. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-6-14>

Общество как социокультурная система имеет разноаспектное содержание своих структурных, функциональных и динамических характеристик. Культурно-лингвистический аспект является одним из ключевых в изучении социальных процессов как в исторической ретроспективе, так и в современных условиях, поскольку взаимосвязь и взаимообусловленность культуры и языка вскрывают смысловые основания общественного воспроизводства. Язык как знаково-символическая моделирующая система человеческого сознания выступает конституирующим основанием и атрибутом культуры, которая выступает как система устойчивых, воспроизводимых субординационных и координационных связей между символическими программами поведения людей. В свою очередь, культурные трансформации неминуемо приводят к трансформации языка культуры, в том числе её вербальной сферы. Кроме того, функции языка коррелируют с функциями культуры в осмыслении и проектировании реальности и управлении ею. Так, природно-географическое пространство, в котором складываются общественные отношения, наполняясь духовными значениями и

закрепляясь в сознании субъектов посредством языка, становится пространством культурным. Через экстра- и интралингвистические ресурсы выражаются духовные значения (ценности, нормы, образцы поведения и т.п.), порождённые воспроизводственными процессами жизнедеятельности человека как самосознающего и самоценного субъекта, а также значимая для воспроизводственной деятельности информация. Сохранение и воспроизводство единого культурного пространства осуществляется посредством его лингвистической компоненты, позволяющей любому индивиду или социальной группе в любой точке пространства включиться в общественные отношения, становясь их субъектом. Изучение социальных процессов с точки зрения их культурно-лингвистического содержания позволяет не только выявлять синхронное состояние конкретного исторического общества, но и проследивать тенденции его изменений.

Методологическим основанием нашего рассмотрения культурно-лингвистического содержания современных социальных процессов служит концепция В. С. Степина о движении культурных универсалий, обу-

словливающим историческую смену типов рациональности (классического, неклассического и постнеклассического), и следующая за ней концепция А. Я. Флиера о соответствующих типах культуры [7].

Согласно им социокультурные трансформации проявляются в формировании потребности в научном знании, в смене моделей экономики, технологических укладов, типов легитимизации власти (например, в переходе от династийно-монархического к национально-гражданскому и наднациональному типу), положения человека в обществе (например, движение к суверенизации личности) и образа жизни.

Динамика социокультурных процессов связана также со сменой типов коммуникации и воспроизводства культуры, что проявляется в переходе от устного и рукописно-письменного типов к письменнопечатному и печатно-цифровому. Каждый из этих типов вырабатывает свой способ передачи и хранения информации, свою коммуникативную модель и свою специфику использования ресурсов вербального языка [3].

Наконец, в любые периоды исторического развития так или иначе осуществляется гомогенизация способов и форм коммуникации и, следовательно, гомогенизация языкового пространства. Если рассматривать исторический процесс с позиции изменчивости форм социального существования и трактовать такую динамику в культурно-лингвистическом аспекте, то для каждого из типов социальной организации можно выделить свой тип монолингвизма (локальный монолингвизм, национальный, глобальный, или наднациональный) с присущим ему механизмом передачи духовных значений конкретной эпохи, который вырабатывается в единообразном использова-

нии языка в многообразном существовании его форм.

В общественно-историческом процессе типы монолингвизма, сменяя друг друга, выражали накопительный эффект сохранения способов коммуникации и соответствующих им культурно-лингвистических форм. Так, современный этап развития общества, характеризующийся формированием глобального коммуникативного пространства с его тенденцией к складыванию глобального монолингвизма в сущности развивает и усиливает общее устремление к гомогенизации социокультурного (в том числе языкового) пространства.

С возникновением цивилизации как исторически первого типа социального устройства с его чётким делением на религиозные, сословно-родственные, этнические, профессиональные общности гомогенизация социокультурного пространства выражалась в формировании локального монолингвизма, связанного с культурно-лингвистическими различиями и идентификационными категориями членов общностей. Например, этнонациональные разграничения устанавливались на основании языкового фактора, отсюда распространённость синкретизма понятий «народ» и «язык» (А. С. Пушкин: «... и назовёт меня всяк сущий в ней язык ...»). Вместе с тем локальный монолингвизм поддерживал бинарные оппозиции, на которых строился классический тип культуры: «низкая» культура – «высокая» культура, низшие – высшие слои общества, мирское – сакральное, благостное – греховное, правильное – неправильное, свой – чужой [7].

Одной из основных институциональных основ этого типа, наряду с государственной властью, выступали надэтнические религии, вырабатывающие свои куль-

товые языки (языки священных текстов или языки культуры), владение которыми определяло принадлежность человека к «высокой» культуре. Это формировало культурное двуязычие как одно из проявлений локального монолингвизма, при котором разграничение высших и низших слоёв общества осуществлялось на основании владения/невладения письменной языковой традицией, требующей специальной длительной подготовки и соотнесённой с конкретной религиозной практикой. Достаточно вспомнить ситуацию русского двуязычия, сохранявшуюся вплоть до XVIII века, когда церковнославянский язык закреплялся за книжно-письменной традицией, а русский язык в его диалектных формах – за повседневным общением [6].

Одно из следствий локального монолингвизма – культурно-лингвистическая маркированность «высокой» культуры, которая всегда требует охранительных механизмов. В богослужении, науке, образовании было характерно использование универсальных языков (латыни, древнегреческого языка, арабского языка, санскрита и других), которые не вытесняли народные языки, а создавали особую книжно-письменную традицию в пределах культурных ареалов. Рукописный тип воспроизводства культуры, соответствующий «высокой» культуре и находящийся в отношениях взаимной дополнительности к устному типу, также определял специфику гомогенизации языкового пространства в условиях локального монолингвизма.

С переходом к индустриальному обществу поддержание такого рода социокультурных барьеров утратило смысл. Наоборот, индустриализация требовала унификации языковых навыков в пределах конкретного общества. Язык становится решающим

фактором включения разнородного в культурном плане населения определённой страны в государственную политико-административную систему. Монолингвизм, формируемый государственной властью в пределах нации как государственно-гражданской общности, становится основой развития национального государства, поэтому национальное самосознание начинает формироваться посредством выработки и законодательного закрепления единого государственного языка как интегративного фактора нации. Так формируется новый тип гомогенизации языкового пространства, называемый нами национальным монолингвизмом. Он сформировал основные культурно-лингвистические черты индустриального общества.

К ним относятся:

- преимущественно письменно-печатный способ воспроизводства и самоописания культуры, ориентированный на передачу большого объёма информации;
- всеобщая грамотность, которая даёт доступ к высокой культуре всем социальным группам;
- развитая система коммуникации и соответствующий ей единый, стандартизованный язык, который создаётся специально для целей закрепления паттернов национального самосознания, хотя такой язык, безусловно, связан со своими историческими источниками, прежде всего с «высокой» письменной культурой цивилизационного общества;
- превращение в общественном сознании унифицированного государственного языка в критерий лояльности к национально-государственным ценностям;
- дисфункциональность многих этнических языков в пределах формируемого единого национального культурного простран-

ства и их последующая деградация, особенно тех, которые не имели длительной письменной традиции [5].

Однако необходимо отметить, что национальный монолингвизм как тип гомогенизации языкового пространства в индустриальном обществе характерен прежде всего для европейской цивилизации. За её пределами такая логика социокультурной динамики начинает распространяться в результате колонизации или вестернизации незападных обществ, а следовательно, атрибуты национального монолингвизма начинают заявлять о себе повсеместно (например, Индия, страны Африки) установлением государственных языков, формированием идеологии лингвистического национализма, ужесточением языковой политики с её охранительными установками по отношению к государственному языку и другими.

В ходе формирования глобального коммуникативного пространства и принципиальных изменений технических средств постепенно снимаются ограничения пространственно-временных параметров общения, возникают виртуальные сообщества и виртуальное общение, формируется виртуальное пространство языка, существенно отличающееся от географического и создающее условия для изменения положения конкретного языка, которое для создания текстового контента обычно определялось возможностями использования таких программных инструментов, как переводчики, орфографические корректоры, системы распознавания речи и т.п. Усиливающаяся тенденция к расширению надэтнического общения приобретает новое содержание, поскольку в условиях глобального монолингвизма гомогенизация языкового пространства служит не столько для

выражения духовных значений как матриц культуры, сколько для обеспечения, расширения и интенсификации коммуникации как таковой. Это порождает ряд особенностей культурно-лингвистических процессов современности.

Во-первых, естественный язык начинает менять духовно-смысловую функцию, постепенно уступая своё системообразующее первенство в процессах культуuroобразования. Это выражается в заметной редукции функции языка к утилитарно-прагматической. Если в предыдущие периоды социального развития ценность языка устанавливалась прежде всего по его культуuroобеспечивающему содержанию (этнический язык, сакральный язык, государственный язык, язык науки, язык искусства), то в условиях глобального монолингвизма ценность языка всё заметнее приобретает утилитарно-прагматическое содержание (экономическая целесообразность, эффективность, конкурентоспособность, рентабельность и т.п.). Освоение языков происходит не столько из интереса к его культурному содержанию, сколько вследствие использования его как наиболее актуального средства общения, и функционирование языковых средств начинает подчиняться так называемой технологии юзабилити, связанной с удобством и эффективностью их использования в поиске и обработке информации.

Во-вторых, в условиях глобального коммуникативного пространства коммуникация из средства социального взаимодействия преобразуется в его цель, а глобальный монолингвизм выражается не столько в доминировании конкретного языка на глобальном уровне, сколько в унификации коммуникативных технологий поверх границ и культур. В основе глобального

монолингвизма лежит принцип «коммуникация ради коммуникации», при котором разные виды деятельности направлены прежде всего на расширение и интенсификацию коммуникации.

На протяжении последних двадцати лет многими исследователями высказывалась мысль о том, что в условиях глобальной коммуникации будет вырабатываться единый язык международного общения, и на роль такого языка стал претендовать английский язык в силу доминирующего положения англоязычных стран в ключевых сферах общества: производство и распространение знаний, информации, товаров и услуг. Формально сегодня английский язык становится международным языком науки, политики, IT-общения. Однако, на наш взгляд, говорить об английском языке как о знаково-символической системе, применяемой повсеместно для целей глобальной коммуникации, не приходится, поскольку активно используется не английский язык как язык англосаксонской культуры, а его вторичные формы, во многом примитивные, оторванные от духовных смыслов культуры, их породивших, а лишь обеспечивающие быстроту коммуникации, понятность, эффективность. Не случайно появилось понятие Basic English, наряду с ним эксперты выделяют гибридные языковые формы, складывающиеся на базе национальных языков, такие как дэнглиш (немецко-английский макаронизм), рунглиш (русско-английский макаронизм) и т.п.

Создание глобального коммуникативного пространства приводит к ослаблению самобытного этнонационального содержания культуры, а в языковом аспекте – к упрощению и унификации конкретных языковых систем, что порождает «царство мёртвой тождественности при огромной внеш-

ней активности» [4, с. 342]. Глобальное коммуникативное пространство устраняет зону непересекаемого между культурами и расширяет зону тождества, навязывая тем самым унифицированные элементы, в результате чего вырабатываются единые стереотипы коммуникации в глобальном масштабе, которые приводят к общемировым интегративным языковым тенденциям, таким как глобализация языка, его прагматизация и утилитаризация. Это провоцирует разрушение традиционной системы ценностей и возникновение новых ценностных ориентаций, внешних по отношению к духовной жизни индивида, данной культуре в целом, неадаптированных ею, то есть приводит к понижающему аксиологическому сдвигу. Диалог между культурами, формирующий, по выражению В. М. Межуева, цивилизацию диалога, теряет эту роль, поскольку навязываемые параметры должного поведения ориентированы на смысловое упрощение общения (активизируется то, что доступно большинству) и его унификацию [2, с. 387].

В-третьих, всё большая шаблонность коммуникации, постепенная утрата навыка языковой рефлексии над написанным или прочитанным текстом, который во многом не создаётся, а конструируется, пассивно-отстранённое восприятие информации как готового интеллектуального продукта приводит и ко всё большей востребованности наглядно-чувственных знаков. Следовательно, логика развития глобального монолингвизма разворачивается в сторону развития визуальных форм коммуникации, характерных для бесписьменных эпох или раннеписьменных языковых традиций, при которых слова заменяются картинками и актуализируются краткие визуализированные сообщения.

Такие типы знаков начинают заменять интеллектуально-символические знаки, соответствующие рационально-логическому освоению мира. В этих условиях слову как единице языка, выражающей понятие, отводится второстепенная функция, его место для обозначения эмоций начинают занимать такие наглядно-чувственные знаки, как, например, «смайлы» и знаки препинания (скобки, вопрос, восклицание и другие), аббревиатуры (*др* – день рождения, *СПС* – спасибо, *ОК* – О, *Кей*, *имхо* – по моему мнению, от английского *IMHO*, то есть *In My Humble Opinion*), мемы (однозначно декодируемые картинки-символы или фразы-символы). Это приводит к антропологическим метаморфозам, выражающимся в формировании нового типа мышления – «клипового мышления», к неспособности человека воспринимать объёмные тексты, имеющие многомерные смыслы, а значит, к незрелости его аналитического и критического мышления [8, с. 58].

С учётом перечисленных тенденций можно сказать, что сегодня в условиях развития глобального монолингвизма формируется новая коммуникативная технология – глобалистский «новояз», для которого характерны активная унификация понятий, взаимопереводимых с языка на язык, насаждение слов, лишённых лингвокультурных компонентов, маргинализация традиционных речевых форм общения.

Глобалистский «новояз» имеет своё выражение и применительно к русскоязычной коммуникации. Так, активно насаждаются англицизмы как более ёмкие средства коммуникации не только на лексическом уровне (типа *дедлайн*, *стартап*, *ангрейд*, *тренд* и другие), но и на уровне грамматики (например, отказ от образования падежных форм слов в построении словосочетаний

и предложений). В публичной коммуникации получает распространение интонация по типу английского языка (с повышением тона в конце повествовательного предложения). Активно используются графические средства английского языка или смешанные графические формы (*IT-общение*, *web-дизайн*, *Yandex* и другие). Актуализируются денотативно пустые слова и словосочетания, как правило, кальки английского языка, не имеющие чёткой дефиниции. Номинации типа *демократические свободы*, *права человека*, *гражданское общество*, *экспорт демократии* становятся своего рода позитивными клише, при этом содержание понятий, ими обозначенных, остаётся неопределённым. Девальвируется ценность русского языка как государственного языка Российской Федерации, а его нормативная система подвергается резкой трансформации в результате активизации ненормативных единиц в публичной коммуникации. Слова, отражающие духовно-нравственные ориентиры, такие как *совесть*, *кошунство*, *благородство*, *милосердие*, уходят из широкого оборота, образуя семантические лакуны, а на смену им приходят слова, выражающие развязность, необузданность поведения человека, освободившего себя от духовно-нравственных норм, – *хайп*, *троллинг*, *кибербуллинг* и т.п.

Развитие глобального монолингвизма обнаруживает новые существенные противоречия динамики современных социальных систем. Во-первых, формирование глобального коммуникативного пространства сопровождается автономизацией социальных общностей и субкультуризацией, унификация коммуникации – её фрагментацией. Это выражается в отказе от практик унификации и культурно-языковой гомогенизации граждан в пределах националь-

ных государств и ревитализации этнического самосознания; в поддержке наднациональных форм идентичности в рамках межгосударственных интеграционных союзов (франкофония, панарабизм, финно-угорский мир и другие), создаваемых на культурно-лингвистических основаниях; в актуализации этнонациональной языковой идеологии в разных странах, используемой политическими силами в качестве механизмов взлома сложившихся политических и культурно-цивилизационных границ [1, с. 11].

Во-вторых, это противоречие усиливает направленность социальных процессов в сторону атомизации общества, разрушения единого национального культурного пространства. Оно углубляет дискредитацию идеи национального государства и дезактуализирует государственный язык как интегрирующий фактор государственно-гражданской общности. Вместе с тем оно укрепляет наднациональные (глобальные) формы управления, в том числе за счёт культурно-лингвистических ресурсов, что соответствует идеологии глобализма, выражающей интересы транснациональных корпораций и элит.

Поэтому рассмотренные тенденции развития современных социальных процессов по-новому ставят вопросы о свободе человека и его зависимости от информаци-

онной метареальности в условиях формирования так называемого информационного тоталитаризма, о степени социального отчуждения, о расширении возможностей манипулирования сознанием посредством коммуникативных технологий, о выработке новых этических принципов социального бытия, которые требуют специального изучения.

Таким образом, социальные процессы, рассмотренные диахронически и синхронически с точки зрения культурно-лингвистического содержания, обнаруживают общую тенденцию к гомогенизации и унификации языкового и культурного пространства, что формирует новые типы монолингвизма, существенно меняющие механизмы воспроизводства культуры.

Принципиальная особенность глобального монолингвизма с его прагматизацией и примитивизацией языка связана с изменением характера коммуникации в условиях формирования глобального коммуникативного пространства, когда любая человеческая деятельность подчиняется расширению и интенсификации коммуникации («коммуникация ради коммуникации»). Возникающие в связи с этим проблемы и противоречия порождают новый тип социальной реальности, при котором разрушаются исторически сложившиеся воспроизводственные механизмы культуры.

Список литературы

1. *Малыгина И. В.* Динамика этнокультурной идентичности : мировые тренды и российская специфика // Столкновение идентичностей и принципы межкультурных коммуникаций в современном мире : коллективная монография / под научной редакцией И. В. Малыгиной. Москва : МГИК, 2016. С. 8–21.
2. *Межуев В. М.* Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва : Университетская книга, 2012. 406 с.
3. *Мечковская Н. Б.* Философия языка и коммуникации : учебное пособие. Москва : Флинта : Наука, 2017. 520 с.
4. *Мионов В. В.* Философия и метаморфозы культуры : монография. Москва : Современные тетради, 2005. 424 с.

5. Ремизов В. А. Культурно-цивилизационные процессы : монография. Москва : МГИК, 2020.
6. Успенский Б. А. История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Избранные труды. Том III. Общее и славянское языкознание. Москва : Языки русской культуры, 1997. С. 121–143.
7. Флиер А. Я. Классическая, неклассическая и постнеклассическая культура : опыт новой типологизации (начало) [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2017. № 3. URL: <http://www.cult-cult.ru/classical-nonclassical-and-post-nonclassical-culture-a-new-typology-part-1/>
8. Шакирова Е. Ю., Листвина Е. В. Современная социокультурная ситуация : антропологические метаморфозы // Вопросы философии. 2018. № 1. С. 55–65.

References

1. Malygina I. V. Dynamics of ethnic and cultural identity: global trends and Russian specifics. In: Malygina I. V., ed. *The clash of identities and the principles of intercultural communication in the modern world*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2016. Pp. 8–21. (In Russ.).
2. Mezhuев V. M. *The idea of culture. Essays on the philosophy of culture*. Moscow, University Book Publishing House, 2012. 406 p. (In Russ.).
3. Mechkovskaya N. B. *Philosophy of language and communication*. Moscow, FLINTA Publishing House, 2017. 520 p. (In Russ.).
4. Mironov V. V. *Philosophy and the transformation of culture*. Moscow, Publishing House “Modern notebooks”, 2005. 424 p. (In Russ.).
5. Remizov V. A. *Cultural and civilizational processes*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2020. (In Russ.).
6. Uspenskii B. A. The history of the Russian literary language as an Inter-Slavic discipline. In: Uspenskii B. A. *Selected works. Volume III. General and Slavic linguistics*. Moscow, LRC Publishing House, 1997. Pp. 121–143. (In Russ.).
7. Flier A. Ya. Classical, nonclassical and post-nonclassical culture: a new typology (part 1). *Culture of culture*. 2017, no. 3. Available at: <http://www.cult-cult.ru/classical-nonclassical-and-post-nonclassical-culture-a-new-typology-part-1/> (In Russ.).
8. Shakirova E. Yu., Listvinova E. V. Modern sociocultural situation: anthropological metamorphosis. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2018, no. 1, pp. 55–65. (In Russ.).

*

РУССКИЙ АНАРХИЗМ КАК ТЕОРИЯ И РЕЛИГИОЗНО-ДУХОВНЫЙ ОПЫТ

УДК 329.285 (470)

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-15-23>

С. М. Климова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва,
Российская Федерация, e-mail: sklimova@hse.ru, WoS Researcher ID F-8361-2015, Scopus Author ID 55390794700

Аннотация: В статье рассмотрены эτικο-политические и экзистенциальные характеристики русского анархизма на рубеже XIX–XX веков. Исследована динамика этого понятия в досоветских и советских словарях. Анархизм описан в свете оппозиционности философии свободы и её экзистенциального прочтения. Основанием такого противопоставления является различие между теорией анархизма и анархизмом как субъективным опытом переживания. Особое внимание уделено идее анархизма у Н. Бердяева и Л. Н. Толстого. Рассмотрена этика свободы и жизненное остранение как общее основание неучастия в бюрократической системе управления и насилии власти. Показано, что остранение у Толстого означает не равнодушие, но лишь практическую реализацию миссии, возложенной на человека Богом. Божественная воля у Толстого становится модификацией кантовского императива, предстающего в форме духовно-религиозного опыта личности. Выявлена связь толстовского гуманистического учения с его опытом интерпретации американских религиозных гражданственных теорий.

Ключевые слова: Лев Толстой, Николай Бердяев, Анатолий Луначарский, христианский анархизм, политический анархизм, философия свободы, духовно-религиозный опыт.

Благодарности: Публикация подготовлена в ходе/в результате проведения исследования/работы (№ 20-01-024) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 годах.

Для цитирования: Климова С. М. Русский анархизм как теория и религиозно-духовный опыт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 15–23. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-15-23>

RUSSIAN ANARCHISM AS A THEORY AND A RELIGIOUS EXPERIENCE

Svetlana M. Klimova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation,
e-mail: sklimova@hse.ru, WoS Researcher ID F-8361-2015, Scopus Author ID 55390794700

Abstract: This article is considered the ethical-political and existential descriptions of Russian anarchism in the second half of the 19th century. The dynamics of this concept in pre-Soviet and Soviet dictionaries are explored. Anarchism is describing through some opposition to the philosophy of freedom or its

КЛИМОВА СВЕТЛАНА МУШАИЛОВНА – доктор философских наук, профессор Школы философии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

KLIMOVA SVETLANA MUSHAILOVNA – DPhil, Professor at the School of Philosophy, the National Research University Higher School of Economics

© Климова С. М., 2020

existential reading. The basis of this opposition, is differentiation between an Anarchism theory and an Anarchism as subjective experience. Special attention is paid to the theory of N. Berdyaev and L. N. Tolstoy. The ethics of freedom and life-alienation considered as a common ground of non-participation in bureaucratic governance and the violence of power. Tolstoy went much further than his educators, linking the ethics of freedom and life rejection into a single whole of non-participation in the bureaucratic system of government and violence of power. It is shown that Tolstoy's defamiliarisation does not mean indifference, but only the practical realization of the mission entrusted to Man by God. As Tolstoy emphasis Divine Will becomes a modification of the Kantian imperative, primarily in the performance of moral duty to God and himself. The connection between Tolstoy's humanist teaching and his experience of interpreting American religious citizenship theories is revealed.

Keywords: Leo Tolstoy, Nikolai Berdyaev, Anatolii Lunacharskii, Christian anarchism, political anarchism, philosophy of freedom, religious experience.

Acknowledgements: The publication was supported in the course /as a result of research/work (No. 20-01-024) within the framework of the Science Foundation of the National Research University Higher School of Economics in 2020–2021.

For citation: Klimova S. M. Russian anarchism as a theory and a religious experience. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 15–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-15-23>

Введение

Анархизм – явление неоднородное; его нельзя представить через прямолинейную связь теории и практики, этимологии и её исторического контекста; греческая этимология слова (*ἀν-* (*ἀ-*) ‘без-’ + *ἀρχή* ‘начало, начальство’) не ведёт нас непосредственно ни к конкретным историческим примерам безначального существования мира подобного рода, ни к теориям анархизма или проявлениям анархического мировоззрения в разных областях социальной, политической или духовной жизни. Любопытна своеобразная этимологическая «эволюция» его словоупотребления в России. В словаре В. И. Даля слово «анархизм» отсутствует, но есть слово «анархия», означающее «отсутствие в государстве или общине главы, устроенного правления, силы, порядка; безвластие, безначалие, многобоярщина, семибоярщина. Анархический, анархичный – к анархии относящийся. Анархист м. анархистка ж. заступник, покровитель, любитель безначалия, смут, крамол» [2, с. 16]. Исходя из этого дореволюционного опре-

деления, можно предположить, что слово «анархия» вовсе не имело однозначной отрицательной коннотации, ведь безначалие не выступало синонимом отрицания всякой власти. «Многобоярщина» у того же Даля расшифровывается как «поликратия»: «многовластие, многовластное правление, многобоярщина» [2, с. 16]. То есть анархия представляла собой полисный/демократический тип управления¹, который был синонимом свободолюбия, выступал формой правления, противоположной традиционной монархии или авторитарному типу управления.

Таким образом, до революции 1917 года этот термин имел разнообразную семантическую коннотацию и, что особенно любопытно, обнажал связь с религиозно окрашенной моделью поведения, с мировоззренческой установкой, отражённой в дентатах – *заступник, покровитель*. Неявно здесь можно обнаружить связь и с народ-

¹ Сегодня и с этими словами произошли такие же негативно-политические метаморфозы в их употреблении

ническими течениями – весьма анархичными, не только по поведенческим проявлениям их идеологов, но и благодаря идеологии «заступничества», жажде личной святости и самопожертвования, о чём наиболее отчётливо было написано С. Н. Булгаковым в «Вехах».

Смешение личного и политического компонентов в разговоре о свободе привело к тому, что многие теоретики XIX–XX веков, далёкие от политики и революционной активности, но близкие к экзистенциально понимаемой философии свободы, характеризовались как анархисты и продолжают пребывать в этом качестве сегодня. Яркий пример – Н. А. Бердяев, который считал своей главной философской и жизненной темой – поиск свободы, которая для него нечто фундаментальнее и бытия, и даже Бога. Он и сам объявляет себя анархистом, отождествляя это состояние с поиском и преклонением перед абсолютной свободой. «Кто свободу любит больше насилия, любовь ставит выше власти, внутренне-организованное общество предпочитает всякому внешне-организованному государству, тот должен признать себя анархистом, хотя бы в мечте. Ведь анархизм как радикальное отрицание власти, государственного союза и насилия в нём над личностью, не есть непременно анархия и хаос» [1, с. 129].

Из этой краткой формулы вытекает вполне ясное различие между стремлением к субъективной жажде свободы и политической тягой к практическому хаосу и разрушению общественного строя. Философ разделяет здесь анархизм как философскую установку ума и анархию как революционную (политическую) поведенческую модель человека. Именно этот зазор затрудняет отождествление мыслителя с тем или

иным политическим течением или идеями. Размышляя об анархизме, мы должны учитывать, что критика и самокритика как основание науки и философии, идея свободы в выборе жизненного пути могут стать основанием для политического выражения анархизма. Но возможен и обратный путь. Эволюция Бердяева в этом смысле весьма наглядна: он искал свободу сначала в политике, в своей и чужой среде, в литературе, в Боге и нашёл её в творческом акте автономно (свободно) мыслящего субъекта. Проблема заключается, однако, в том, что внутренней творческой свободы почему-то оказывается недостаточно для пребывания во внешне несвободном мире.

Отрицание анархизма в советской модели мира

Ещё задолго до революции 1917 года А. В. Луначарский пытался провести демаркацию между анархизмом, утопизмом и научным социализмом, стремясь убить сразу двух «враждебных зайцев». «Анархисты-теоретики, сохраняя все недостатки абстрактного утопического рационализма, зачастую обладают каким-то почти телячьим добродушием. Между тем довести анархическую мысль до конца, до мрачного величия, до чёрного блеска какого-то ангела суда над нынешним порядком может только изболевший человек, не головой, а всем своим кровью истекающим сердцем осудивший. Какой-нибудь вековечный безработный, потерявший детей и жену от голодного тифа; мелкий ремесленник, выкинутый на мостовую; бродяга, затравленный как волк; интеллигент, которому за кусок хлеба наплевали в самую душу, – вот кто может быть анархистом не на словах, а на деле» [4, с. 357]. Довести анархическую мысль до истины, утверждал Луначарский,

может лишь организованный партией большевиков пролетариат и лишь в деятельном уничтожении причин, которые и породили его праведное насилие: «Пролетариат несёт с собою организацию всего хозяйства в совокупности. И он найдёт хозяина земли – не в отдельном человеке найдёт он его, – а в сотрудничающем человечестве. Бог станет не нужен, странен» [4, с. 358].

Луначарский не только не признал индивидуализма, подобного тому, который исповедовал Николай Бердяев. Будущий нарком просвещения до революции ищет механизм идеологического подавления «отдельных индивидуалистов», делающих ставку на собственное критическое мышление, независимо от «воли и сознания» масс. «Критическая мысль марксиста сама общественна, он её рассматривает как отражение в его голове назревших в обществе изменений; критическая мысль анархиста довлеет себе, и поэтому естественными являются те пробы блестяще мироразрушающего нигилизма ...» [4, с. 356].

В советское время анархическая модель безначального управления, которую в России теоретически разрабатывал П. А. Кропоткин, в целом уже трактовалась как реакционное учение, враждебное марксизму. Его понимали как идеологию, «отрицающую всякую государственную власть (в том числе и диктатуру пролетариата), организованную борьбу рабочего класса» [6, с. 36]. В это же время получает развитие взгляд на анархизм как на нравственно порочное явление. По сути, «ярлык» анархиста обнуляет импульс движения к индивидуальной свободе. Свобода же индивида возможна только в коллективе. Тем самым пафос индивидуальной свободы теряет свой революционный смысл. Теперь он ассоциировался с волюнтаризмом, который не может

способствовать справедливому устройству общества.

В «Толковом словаре русского языка», изданном в советское время (1935–1940) под редакцией Д. Н. Ушакова, слово «анархизм» присутствует, но имеет явный негативный смысл, обозначая: «мелкобуржуазное политическое течение, проповедующее анархию, враждебное марксистско-ленинскому учению о пролетарской революции и диктатуре пролетариата, как единственному пути к уничтожению классов и отмиранию государства» [7, с. 38]. В этот период понятие анархизма уже имеет более узкую семантическую коннотацию. Есть в словаре и слово «анархия», однако его значение также стало политически негативным: «анархия – 1. реакционная утопия, предполагающая возможность перехода к обществу, в котором нет государственной власти, без политической борьбы пролетариата против буржуазии, без создания пролетарской партии и без диктатуры пролетариата. 2. Отсутствие власти, безначалие, беспорядок (раз.)» [7, с. 38].

Таким образом, в анализе анархизма, в сравнении с дореволюционным его звучанием, серьёзным образом меняются смысловые значения. Речь идёт о переходе от идеи поликратии или демократического отсутствия единоначалия – «верховного главы» – к его политическим и даже этическим характеристикам как примера реакционного мышления. Анархизм, как альтернативное коммунистической теории учение, уже характеризуют прежде всего как асоциальное поведение индивида, ставящего собственное Я выше нужд общества. Анархия превращается в учение не о новой форме коллективизма, а о враждебной философии индивидуалистов, несовместимой с логикой пролетарской революции.

Анархизм как способ мысли и образ жизни людей, который исторически был связан с утопизмом и идеалом ненасильственного и справедливого общественного устройства, в советской идеологии вводится в дискурс, связывающий соответствующую модель поведения с угрозой коллективизму и социальной жизни в целом. Идеальная модель безначального управления превращается в реакционное учение, «отрицающее всякую государственную власть (в том числе и диктатуру пролетариата), организованную борьбу рабочего класса» [6, с. 36]. В итоге ярлык анархизма на долгие годы становится не только политической, но и этической оценкой определённого общественного движения и отдельной личности, перечёркивая идеи и смыслы, которыми это явление наделялось в дореволюционной философской и художественной жизни.

Лев Толстой: анархизм между теорией и опытом переживания

Глубина смыслов, которые скрывались в идее анархизма в дореволюционной России, раскрывается там, где мы разводим в этом явлении его политическую и религиозную ипостаси, рассматриваем его в том числе как особый опыт экзистенциального переживания мира. Причём зачастую анархизм политический и религиозный не только не пересекаются, но находятся в конфликте. Исторически анархизм не является однородным и чётко сформулированным течением политической мысли. При пристальном анализе анархизм в политике становится разновидностью и социализма/коммунизма/утопизма; в жизни же он проявляется как способ экзистенциального переживания мира; в идеологии – как критика политического строя и страстный призыв к терроризму и всё очищающим рево-

люциям. Особняком стоит религиозный анархизм, также имеющий свою градацию и историческую специфику.

Это затрудняет понимание общности таких его разных представителей, как Франциск Ассизский и Н. Ф. Фёдоров, П. Ж. Прудон и М. Штирнер, М. А. Бакунин или П. А. Кропоткина и т.д. Весьма парадоксальной, например, выглядит принадлежность к анархизму таких фигур, как Фёдоров и Лев Толстой.

Те, кого принято причислять к анархистам, часто были не союзниками, а именно антиподами [5]. Вспомним, что анархист Бакунин был атеистом, выступая как противник *всевластия идеи Бога* и считая именно её источником всех исторических/политических форм насилия. Толстой, напротив, был сторонником этой идеи, требуя свободного и полного подчинения человека Богу как своему Хозяину и властителю. Анархист Кропоткин обнажал зависимость человека от того общества, внутри которого он только и может стать личностью и проявить свои лучшие качества коллективиста. «Наше дело, – пишет он, – ... заняться уже теперь, и в особенности с наступлением революционного периода, разрушением учреждений и предрассудков, стесняющих развитие этих стремлений» [3, с. 445].

Для Толстого здесь всё обстоит иначе. Будучи субъективистом, он знает лишь один источник возможного внешнего изменения – это внутреннее религиозное преобразование человека. «Политического изменения социального строя не *может быть* (курсив наш. – С. К.). Изменение только одно нравственное, внутреннее человека. Но каким путём пойдёт это изменение? Никто не может знать для всех, для себя мы всё знаем. И как раз все озабочены в нашем мире этим изменением для всех, а только

не для себя» [8, т. 50, с. 41–42]. Он здесь незримо следует за важнейшей Христовой заповедью о самоизменении как условии всеобщего изменения мира.

Казалось бы, такая сугубо религиозная практика ведёт к невольному субъективному (психологическому) и стоическому самоустранению от реальной практики жизни. Но всё в толстовской концепции предстаёт парадоксальным образом наоборот. Для уточнения любопытно указать на связь толстовского гуманистического учения с его опытом интерпретации американских религиозных и гражданственных теорий Э. Баллу, Дж. Генри, У. Л. Гаррисона, Дж. Уитмена, Г. Д. Торо и других. Он ищет пути для мирного развития гражданского самосознания в современном мировом пространстве жизни и культуры разных народов, опираясь в том числе на опыт американских гуманистов и пацифистов. Исторический опыт США, исследованный Толстым, и критическое его переосмысление позволяют обнаружить диверсификацию представлений о наиболее адекватном «диалоге» человека с властью, опираясь на ненасильственные средства, открытые в искусстве, публицистике и религиозных практиках жизни. Так как «царство Божие» внутри каждого из нас, для достижения искомого нет никакой необходимости становиться аскетом или уходить в пустынь. Христов путь – внутренняя метанойя – есть понимание своей задачи служения Богу и её реализация именно в мире, а не вне его пределов. Когда Торо отказывался платить налоги или когда Толстой призывал не участвовать в военных кампаниях, оба меньше всего думали о государстве. Главная идея – быть работниками Христовыми, то есть спасать свою душу. Если при этом государство окажется разрушенным – это станет

лишь закономерным итогом отчуждения человека от любой системы в любые времена, а самой системы – от Божьего закона и от собственного народа, который из цели стал средством для поддержания и укрепления власти. Такой анархизм был лишь разновидностью христианского «монархизма» (выражение В. Г. Черткова) и означал потребность человека уйти от общественного жизнеустроения к божественному. (В этом пункте Толстой мыслит синхронно с В. С. Соловьёвым.)

На разных примерах Толстой иллюстрировал закон первичности развития разумного сознания с последующим созданием мирных форм оппозиции «бессовестности» властей и их законов. Анархичнее всего это он делал в религиозных трактатах. Убедительнее всего – в художественном творчестве. Наиболее страстно – в публицистике.

В статье «Неужели так надо?» Толстой приводит рассуждение «религиозного крестьянина», который вёл себя точно так же, как Торо, отказавшись платить налог, который может пойти на неблагочестивое дело. Толстой неоднократно упоминал этот так восхищавший его поступок американского гуманиста: «Мало известный американский писатель Торо ... рассказывает, как он отказался заплатить американскому правительству 1 доллар подати, объясняя свой отказ тем, что не хочет своим долларом участвовать в делах правительства, разрешающего рабство негров...» [8, т. 31, с. 209]. Торо за неповиновение властям отсидел в тюрьме, русскому крестьянину пришлось распрощаться с коровой в уплату долга. Но наказание ничего не означало по сравнению с этикой разумного мирного протеста, который для России означал начало формирования чувства достоинства в человеке, весьма редкого для нашей культуры во все времена.

Баллу, Гаррисон, Торо и люди, подобные им, вовсе не анархисты в политическом смысле. У них нет цели захвата власти или смены одного строя другим. Более того, они принципиальные противники такого анархизма. В статье «К политическим деятелям» Толстой чётко оппонирует «извечному анархизму» двух борющихся сил в России: либералам и революционерам. Власть, какими бы лозунгами она ни прикрывалась, всегда вредна как для тех, кто ею владеет, так и для тех, кто жаждет ею обладать, считал Толстой. Опыт сопротивления возможен лишь как субъективная перестройка, которая начинается и заканчивается человеком «кантианского типа». Для этого человека нет утилитаристской логики самооправдания и теории меньшего зла. Вся сила такого человека в следовании долгу и нравственным принципам, которые невозможно поколебать даже угрозой смерти. Такая субъективная теория неповиновения (Civil Disobedience) – самая опасная и разрушительная для государственной системы.

Всякая другая активность разрушительна уже не для системы, а исключительно для человека и мира. Толстой это прекрасно понимал, предостерегая от любых революций. Сознательное неучастие в политике, то есть отказ от пребывания в наиболее насильственных структурах – судах, армии, полиции и т.д., и есть мирное разрушение системы. *Неучастие* в злодеяниях системы нужно совершать – не ради себя, не ради справедливости, а ради реализации божественной воли, которая является религиозной модификацией кантовского императива для Толстого.

Результатом такого мирного «разрушения Карфагена», независимо от намерений самого Толстого, который, как известно,

не выносил политического дискурса, должно было стать рождение общественного самосознания, проявляемого в актах мирного неповиновения, саботажа, мирных забастовках и прочих способах обнаружения своей религиозной и сознательной позиции. Общественное самосознание – это одновременно и плод духовного развития личности.

Заключение

Николай Бердяев в своё время писал о том, что анархистов всех оттенков объединяет радикальное отвержение суверенности государства и в то же время признание суверенности личности, хотя и во имя разных целей. «Все анархисты, – пишет он, – ненавидят насилие и власть над личностью и все хотят организовать общественность из свободных стремлений личности, хотя бы одни, как Толстой, полагали это свободное стремление в христианской морали, другие, как М. Штирнер, – в эгоизме, третьи, как Прудон, – в присущей человеку справедливости и т.д. Анархизм, как *настроение* (курсив наш. – С. К.), очень могуществен и значителен, но анархизм *как теория* (курсив наш. – С. К.), как философское учение, слаб и почти жалок» [1, с. 131].

Анархизм, таким образом, в своей духовной основе рождается из состояния духа и даже психологической предрасположенности к абсолютной свободе, делающей человека приверженцем анархического видения (или образа) жизни; и этот экзистенциальный «настрой на свободу» становится толчком к проявлению активной (политической, религиозной, этической) позиции сопротивления любым законам, «необходимости», фатуму, истории, Богу и даже самой жизни. Но как раз это толкает многих анархистов к политическому насилию. При этом, как замечает Толстой:

«анархисты совсем правы, только не в насилии. Удивительное затмение. Впрочем, об этом предмете мне думается, как думалось, бывало, о вопросах религии, то есть представляется необходимым и возможным решить, но решения ещё нет» [8, т. 50, с. 22]. Важнейший вывод, к которому приходит Толстой, состоит в этом расхождении политики и этики в вопросах, связанных с анархизмом. Это расхождение внешних законов и внутреннего чувства свободы как априорного чувства для формирования личности.

Молодой С. Л. Франк в «Дневнике» 1902 года (не без влияния Толстого) точно так же указал на этическое основание политики. Он точно заметил, что людей толкает к революции ошибочная инверсия «средств» и «целей»: «... социальные и политические вопросы суть вопросы этические. Эта великая истина ныне в забвении» [9, с. 43].

Толстой и Кропоткин апеллируют к народу, их волнует «творческий дух народных масс» [3, с. 42]. Как и в других утопиях, мы здесь видим идею естественной кооперации людей на нравственной основе.

«Теория взаимопомощи даёт нам представление о природе как о мире, неразрывно связанном с социальным, тем, который мы хотим изменить; но не как о борьбе, а как об освобождении и спасении» [10, р. 270–272]. Но в трактовке анархизма Толстой противоположен Кропоткину в силу того, что новая жизнь невозможна без особого духовно-религиозного опыта личности, что у Толстого сопряжено с широким прочтением категории «свободы» и образом Христа¹. Именно в этом своеобразии русского христианского анархизма, к которому был близок Толстой². «Меня причисляют к анархистам, – писал он, – но я не анархист, а христианин. Мой анархизм есть только применение христианства к отношениям людей. То же с антимилитаризмом, коммунизмом, вегетарианством» [8, т. 55, с. 239].

¹ Напомним, например, что в эпоху хиппи в середине 60-х годов XX века одним из распространённых образов Христа стало Его изображение в образе бродяги, хиппи, «разыскиваемого полицией» за антисоциальное поведение.

² Оставим без рассмотрения не менее любопытное и популярное определение идей Л. Н. Толстого, названных «аристократическим анархизмом».

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Анархизм // Новое религиозное сознание и общественность. Санкт-Петербург, 1907.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 томах. Москва : Русский язык, 2000. Том 1: А-З. 699 с.
3. Кропоткин П. А. Анархия : сборник / составление и предисловие Р. К. Баландина. Москва : Айрис-Пресс, 2002. 576 с. (Библиотека истории и культуры).
4. Луначарский А. В. О настоящих анархистах. Заметки философа // Анархизм : pro et contra : социально-политическое явление глазами его российских сторонников, критиков и отечественных учёных-исследователей : антология / Русская христианская гуманитарная академия ; [составитель П. И. Талеров]. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2015.
5. Рябов П. В. Философия классического анархизма (Проблема личности). Москва : Вузовская книга, 2007. 340 с.
6. Словарь русского языка : в 4 томах /АН СССР, Институт русского языка ; под редакцией А. П. Евгеньевой. 2-е издание. Москва : Русский язык, 1981. Том 1. А-Й.
7. Толковый словарь русского языка : в 4 томах / под редакцией Д. Н. Ушакова. Москва : ОГИЗ, 1935–1940. Том 1. А-КЮРИНЫ.

8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 томах / под общей редакцией В. Г. Черткова. Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1928–1958. В тексте даются ссылки на том и страницу.
9. Франк С. Л. Дневник / публикация Е. П. Никитиной ; подготовка текста : Ю. Н. Борисов, А. А. Гапоненков ; комментарии А. А. Гапоненкова // Франк С. Л. Саратовский текст / составители А. А. Гапоненков, Е. П. Никитина. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2006.
10. Kinna R. (1995) Kropotkin's theory of mutual aid in historical context. *International Review of Social History*.

References

1. Berdyaev N. A. [An Anarchism]. In: Berdyaev N. A. *New religious consciousness and society*. St. Petersburg, 1907. (In Russ.).
2. Dalh V. I. *Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes, volume 1*. Moscow, Publishing House "Russian Language", 2000. 699 p. (In Russ.).
3. Kropotkin P. A. *An Anarchy. Collection*. Moscow, Publishing house "Airis-Press", 2002. 576 p. (In Russ.).
4. Lunacharskii A. V. On real anarchists. Notes from a philosopher. In: Tarelov P. I., comp. *Anarchism: pro et contra: a socio-political phenomenon through the eyes of its Russian supporters, critics and national scientists-researchers: an anthology*. St. Petersburg, Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2015. (In Russ.).
5. Ryabov P. V. *Philosophy of classical anarchism (The problem of personality)*. Moscow, Publishing house "Vuzbook", 2007. 340 p. (In Russ.).
6. Evgenyeva A. P., ed. *Dictionary of the Russian language. In 4 volumes, volume 1*. Moscow, Publishing House "Russian Language", 1981. (In Russ.).
7. Ushakov D. N., ed. *Explanatory dictionary of the Russian language. In 4 volumes, volume 1*. Moscow, 1935. (In Russ.).
8. Tolstoi L. N. *Full composition of writings, in 90 volumes*. Ed. by Chertkov V. G. Moscow, Leningrad, Publishing House "Imaginative literature", 1928–1958. (In Russ.).
9. Frank S. L. Diary. In: Frank S. L. *Saratov text*. Comp. A. A. Gaponenkov, E. P. Nikitina. Saratov, Publishing House of the Saratov University, 2006. (In Russ.).
10. Kinna R. (1995) Kropotkin's theory of mutual aid in historical context. *International Review of Social History*. (In Russ.).

*

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА КАК ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА В СОВРЕМЕННОМ НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

УДК 316.3:001.12

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-24-33>

Р. Ш. Дубин

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: radd24@mail.ru

Аннотация: В статье интерпретируется город как полифункциональная система. Представлены основные научные и философские подходы к исследованию социокультурного пространства города. Проанализированы физические, социальные и экологические аспекты устойчивости городской полифункциональной системы. Обоснована значимость эстетической составляющей городского пространства и необходимость её включения в комплекс факторов, от которых зависит устойчивость существования города как сложной системы. Показано, что полифункциональность городского социокультурного пространства и степень эстетической привлекательности среды отражают уровень его качества для жителей города, а также решают проблемы плотности населения. Представлена взаимосвязь эстетики пространства и психологической устойчивости его жителей. Подчёркивается, что воплощение полифункциональной концепции городского пространства на практике позволяет оптимизировать функциональную эффективность города и повысить комфортность его среды.

Ключевые слова: многофункциональное пространство, городское пространство, плотность, устойчивость, эстетика городской среды.

Для цитирования: Дубин Р. Ш. Социокультурное пространство города как полифункциональная система в современном научном дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 24–33. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-24-33>

SOCIOCULTURAL SPACE OF THE CITY AS A MULTIFUNCTIONAL SYSTEM IN MODERN SCIENTIFIC DISCOURSE

Radik S. Dubin

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation, e-mail: radd24@mail.ru

Abstract: The article interprets the city as a multifunctional system. The main scientific and philosophical approaches to the study of the sociocultural space of the city are presented. A number of physical, social and environmental aspects of a sustainable form of an urban polyfunctional system are presented. The author presents the grounds within which it is possible to add an aesthetic aspect to

ДУБИН РАДИК ШАМИЛЕВИЧ – аспирант кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

DUBIN RADIK SHAMILEVICH – PhD student at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Дубин Р. Ш., 2020

these aspects, on which the formation of the urban space as a complex system also depends. It is shown that the polyfunctionality of the urban sociocultural space and the degree of aesthetic attractiveness of the environment reflect the level of its quality for city residents, and also solve the problems of population density. The interrelation between the aesthetics of space and the psychological stability of its inhabitants is presented. It is emphasized that the embodiment of the multifunctional concept of urban space in practice allows to optimize the functional efficiency of the city and the comfort of its environment.

Keywords: multifunctional space, urban space, density, sustainability, urban aesthetics.

For citation: Dubin R. S. Sociocultural space of the city as a multifunctional system in modern scientific discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 24–33. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-24-33>

Феномен города и специфику городского пространства сегодня исследуют специалисты многих областей современного социально-гуманитарного знания: социологами, антропологами, культурологами. Большой интерес к проблеме проявляют философы. Город как сложная система взаимодействия множества подсистем рассматривается урбанистикой, которая получила мощный импульс к развитию в условиях новых социокультурных реалий в конце XX века.

Особое значение имеет эстетическая составляющая городского пространства, под которой мы понимаем всё многообразие чувственно воспринимаемых (визуальных и аудиальных) форм городского пространства. Важнейшими объектами эстетического опыта в пространстве города являются: ландшафт (равнинный или холмистый и т.д.), планировка (регулярная, рационально упорядоченная или стихийно-хаотическая и т.д.), наличие или отсутствие водных ресурсов (водная гладь или горная река и прочее), архитектура (монотонная типовая застройка или уникальные сооружения, современная или историческая и т.д.), особенности цветовой гаммы, освещённости, ритм, соотношение вертикалей и горизонталей, даже климатические особенности (туманный Лондон, солнечный Ташкент, заснеженная Москва и т.д.).

Все эти многообразные объекты эстетического восприятия способны вызывать у горожанина то или иное эмоциональное переживание – гармонии или дисгармонии, покоя, статики или динамики, устремлённость в будущее или ориентацию на прошлое, историю и т.д.

По мнению В. И. Захаровой, разнообразие и специфика применяющихся современными исследователями научных подходов, используемых для изучения городского пространства, позволяют охватить и подробно рассмотреть самые разные его аспекты. Так, в рамках социокультурного подхода особое внимание уделяется анализу таких тесно связанных элементов жизни городского пространства, как особенности организации социальных отношений в пространствах различных видов деятельности – производственном, экономическом, образовательном, и культурная составляющая жизни городского пространства [8]. Те исследователи, которые заняты в сфере теории искусства, при изучении феномена города в первую очередь рассматривают его как целостный художественно-эстетический объект, в котором находит воплощение некий устоявшийся образ, отражающий специфику жизнедеятельности людей, которые населяют город. Важным аспектом искусствоведческого исследования города явля-

ется рассмотрение специфики художественных образов, представленных в городском пространстве.

Городскому пространству присущи как динамичность изменений, так и постоянство структуры: мы можем видеть это на улицах многих городов, где рядом со старинными зданиями, выполненными в архитектурных стилях прошлых веков, соседствуют торговые центры и жилые комплексы, в облике которых отражены новейшие способы проектировки зданий. Город формируется в процессе исторического творчества людей и является открытой социокультурной системой.

Развитие, изменение социокультурной городской среды обусловлено влиянием внешних условий и спецификой внутренних процессов. В рамках социально-философского подхода различные социокультурные процессы изменений городской среды анализируются во всей их совокупности [13; 16]. Свойства и динамика социокультурных изменений обусловлены множеством факторов существования современного человечества – глобализацией, виртуализацией, информатизацией.

В рамках социальной философии особый акцент делается на таком результате этих изменений, как сохранение социальной и культурной идентичности городского населения [8]. Нарастающая динамика изменений социальной и культурной сред, а также трансформация способов общения горожан друг с другом обуславливают особую важность поддержания устойчивой системы ценностей, коллективных форм городской идентичности у жителей. Ценной при использовании социально-философской методологии является возможность формирования обобщённого целостного взгляда на феномен города.

Специфика системы пространства города также исследуется в рамках социологического подхода, в частности, этой проблематике уделяли внимание такие учёные, как М. Вебер [6] и Г. Зиммель [9], которые в своих работах представили развитие современной цивилизации как процесс, тесно связанный с урбанизацией и возрастанием роли городов. В рамках социологического подхода город рассматривается как новая форма организации индивидов на основе системы их социального взаимодействия [5; 15].

Исследователи, опирающиеся на средовой подход, рассматривают город как целостную систему, включающую не только утилитарную материально-техническую составляющую, но и собственно культурный, ценностно-смысловой её аспект. Использование средового подхода позволяет оперировать методами антропологии, психологии и социологии для изучения городской среды, в том числе и архитектурной её компоненты.

Е. А. Мясникова утверждает, что эвристически значимым представляется исследование феномена города в рамках антропологического подхода, использование которого характеризуется особым акцентом на проблемах человека в социокультурной среде городского пространства, а жизнь горожан рассматривается как особый социальный и культурный феномен. Городская среда при рассмотрении её с точки зрения антропологического подхода понимается как разноплановая система, представляющая собой как объект, подверженный воздействию людей, так и субъект, который также оказывает влияние на человеческое сообщество и имеет особые психические характеристики [12].

Таким образом, по мнению С. О. Лебедевой, городское пространство представ-

ляет собой сложную многогранную саморазвивающуюся систему, что отражается в существовании большого разнообразия форм и элементов городской жизни. Отличительными чертами образа жизни в городе являются:

- высокий уровень социальной дифференциации: видов деятельности, территории и пространства;
- социокультурная гетерогенность;
- высокий уровень социокультурной мобильности;
- высокий уровень социокультурной динамики;
- высокий уровень вариативности и альтернативности сознания и поведения;
- интенсивность социопропространственной мобильности – взаимодействие с большим числом различных социальных групп;
- широкие возможности выбора моделей поведения;
- высокий уровень инновационной активности;
- информационная насыщенность городской среды (территорий и пространства);
- личностная локализация городской жизни;
- личностный выбор оснований и стратегий поведения.

С точки зрения урбанистики определяющим свойством городского пространства является укрупнение и развитие населённых пунктов, в первую очередь городов [10, с. 29–32].

Ключевым компонентом социальной и культурной среды городского пространства являются сами жители города и те социальные взаимосвязи, что сформированы и продолжают перманентно формироваться между ними [17, с. 132]. Городская социокультурная среда является продуктом социальной и культурной деятельности горожан.

В результате социального взаимодействия горожан аккумулируется социокультурный опыт, который заполняет «сеть» связей целостного пространства города.

Неравномерный характер аккумуляции социокультурного опыта по «каналам» городской среды обуславливает разнообразие социальной и культурной сред города [7, с. 28]. При изучении города важно обращать внимание на то, что расстояния в нём между индивидами следует мерить не только в плане территориальном, но и в первую очередь в плане социокультурном: социальная и культурная близость играют важнейшую роль в объединении сообществ людей, проживающих в городе. Социокультурная дифференциация также отражается и в материальном мире, что отражено в разделении городской среды на различные зоны, например, по таким критериям, как финансовая достаточность (элитные районы и гетто) или этническая принадлежность. Поддержание нормального существования города возможно только в том случае, если оно организовано с учётом как физических, так и социокультурных особенностей городского пространства.

Городская среда также играет важную роль в определении образа жизни горожан, их интересов и потребностей, но это влияние носит взаимный характер – так как условия жизни в городе зависят в значительной степени от деятельности людей, в нём проживающих. Город является наиболее удобной средой для молодёжи, в то время как такие категории населения, как пожилые люди или инвалиды, могут быть хуже адаптированы к жизни в городе, что обуславливается уровнем развития городской инфраструктуры.

Таким образом, как показывают в своих работах А. Гхафоури, Ц. Вебер, город как

сложное социокультурное пространство включает в себя ряд функционирующих зон и субъектов, которые формируют его сущность. В связи с увеличением роли города и усложнением его системы современный научный дискурс сталкивается с проблемой выработки нового понятия, которое характеризовало бы его как полифункциональную систему. Таким понятием становится «многофункциональное пространство» [18, с. 35]. Всеобъемлющее определение данного понятия может помочь по-новому взглянуть на городской дизайн, улучшая функциональные характеристики существующих городских пространств и таким образом снижая необходимость в строительстве новых объектов при сохранении качества жизни в густонаселённых городах.

Полифункциональность с древности уже была присуща таким сооружениям, как агоры, термы, ратуши, средневековые замки и т.д. На современном этапе развития городских пространств совмещение различных функций является распространённым типологическим признаком общественных зданий. Однако вместе с тем в истории архитектуры существовал период строгой функциональной детерминированности. Высокая функциональная детерминированность была обусловлена промышленной революцией и возникновением новых видов производства, требующих актуальных архитектурных решений [14, с. 98]. В конце XIX века на городских окраинах возникли заводы, рядом с ними – сети железных дорог и жилые кварталы для рабочих. Активная индустриализация провоцировала социальный и экологический кризисы, и на фоне этого сформировались утопии, такие как город-сад Эбенизера Говарда, Лучезарный город Ле Корбюзье, которые отрицали многофункциональность городской ткани и

организовывали относительно строгое зонирование города [12, с. 152].

Афинская хартия¹, принятая в 1933 году, выделяла четыре самостоятельные функции города с соответствующей типологией зданий: жилище, работа, отдых и передвижение [12, с. 153]. Однако эта типология оказалась недолговечной. Со временем городская структура экспериментальных районов начинала уплотняться, а различные функции сплетались и образовывали сложную систему связей, тем самым подчёркивая неэффективность своего автономного существования.

В противоположность Афинской хартии 1933 года в 1954 году «Группа десяти» (Team X)² (Элисон и Питер Смитсон, Альдо ван Эйк, Яап Бакема, Жорж Кандилис, Джанкарло де Карло, Шадрах Вудс и другие) представила манифест, в котором среда обитания интерпретировалась как гибкая открытая система, находящаяся в постоянной взаимосвязи с окружением. Отрицая анонимность модернистской архитектуры, «Группа десяти» настаивала на том, что город должен обладать определённой идентичностью и тем самым развивать у жителей чувство общности, то есть общение, сопереживание, ответственность, самопожертвование, ради общественных интересов [12, с. 154].

¹ Градостроительный манифест, составленный Ле Корбюзье и принятый четвёртым конгрессом CIAM в Афинах в 1933 году. Включает кардинальный пересмотр принципов и целей градостроительства в исторически изменившихся условиях функционирования мегаполисов.

² Команда 10 – так же часто называемая командой X или Team Ten – группа архитекторов и других приглашённых участников, которые собрались на девятом Международном конгрессе современной архитектуры (CIAM) и выступили с острой критикой доктринёрского подхода к урбанизму.

На современном этапе развития общества более половины населения мира проживает в городах, и это соотношение неуклонно растёт. По мнению Е. А. Мясниковой [12, с. 154], в результате устойчивого развития происходит уплотнение городов. Следовательно, ландшафты и формы городов постоянно меняются, развиваются и расширяются по горизонтали и вертикали [8, с. 122]. Кроме того, в исследованиях Л. Б. Федосимовой мы видим, что разрастание городов признано вредным процессом из-за увеличения выбросов CO_2 , увеличения искусственной почвы, фрагментации ландшафта в пригородных районах и прочего [15, с. 85].

С одной стороны, города создают экологические проблемы, но, с другой стороны, также предлагают возможности закрыть материальные и энергетические петли и соединить многочисленные социальные и экологические услуги. Связанные с распространением функционала городов затраты имеют первостепенное значение.

Устойчивая форма городской полифункциональной системы складывается из определённых характеристик её аспектов, среди которых исследователи А. Гхафоури, Ц. Вебер выделяют физические, социальные и экологические [18, с. 35–36]. Рассмотрим их подробнее.

1. Формальные и физические аспекты:

- компактность и плотность населения (повышенная структурная компактность в городском развитии: увеличение численности населения и плотности застройки, направление структурного городского развития компактным образом вдоль путей скоростных линий общественного транспорта, создание множества городских центров в мегаполисе с учётом доли населения и возможностей трудоустройства в каждом рай-

оне, переход к моделям городских деревень для жилых кварталов и предотвращение разрастания путём создания зоны смешанного использования);

- полицентрическая структура, разная плотность размещения (в центре города, промежуточном районе и пригороде);

- городская форма, способствующая активной мобильности (ходьба, езда на велосипеде, катание на коньках и т.д.);

- пешеходные районы, адаптивное и гибкое зонирование и план землепользования.

2. Социальные аспекты: смешение поколений и адаптация поколений, социальное разнообразие (устойчивый город – это город с разнообразием, которое поддерживается людьми, не разделёнными по социальным или доходным группам, то есть все люди и группы имеют доступ к услугам и основным объектам, а жители имеют равный статус).

3. Экологические аспекты: город интегрирован с природой, дизайн здания адаптирован к изменению климата (материалы, компактная форма, вентиляционные коридоры и т.д.), а также решения, основанные на природе.

Представляется, что к указанным аспектам устойчивости полифункциональной системы города может быть добавлен *эстетический аспект* – чувственно воспринимаемая выразительность городского пространства, проявляющаяся в специфике градостроительной планировки, архитектуре зданий, ландшафтном дизайне, иллюминации, рекламе и т.д.

Концепция устойчивого урбанизма отражает полифункциональность городской системы через различные выявленные проблемы: социальные проблемы (мобильность и справедливость), технические вопросы (инфраструктура и городская фор-

ма), мобильность (транспорт, маршруты и инфраструктура) и ресурсы (энергия, продовольственные ресурсы и материалы) [13, с. 815–816]¹. Как утверждает Т. А. Холодова, сочетание различных видов функционала (жилье, офисы, производственные и рекреационные объекты) увеличивает плотность городского населения и плотную концентрацию людей в городских центрах и, следовательно, создаёт более устойчивую городскую форму [16, с. 57].

По мере усложнения города как системы происходит переформатирование функциональности различных городских подпространств, в том числе программ деловых, культурно-просветительских и торговых центров. Постепенно все они превращаются в полифункциональные комплексы (ПФК), то есть гибкие структуры без ярко выраженной специализации.

Полифункциональная городская система включает в себя такие функциональные цели, как демократия, социальное благополучие, сохранение природных ресурсов и окружающей среды, экономическая жизнеспособность и транспорт, и требует структуры, которая может охватить все эти аспекты и реализовать их. Представляется, что в придании устойчивости полифункциональной системе города существенную роль играет эстетическая составляющая. В данном контексте важно перейти от рассмотрения эстетических качеств отдельно взятого здания, архитектурного памятника к анализу эстетической среды города во всей её совокупности, не ослабляя внимания к отдельным её элементам.

¹ Термин «устойчивый урбанизм» возник в конце XIX века благодаря испанскому инженеру-архитектору Ильдефонсу Серда, чьё намерение состояло в том, чтобы создать автономную деятельность, сосредоточенную на пространственной организации города.

Большой информационный потенциал, касающийся эстетической организации среды города, содержится в трудах Н. Л. Адаскиной, И. А. Азизян, Р. Арнхейма, Е. В. Асси и других [1–4]. В их работах рассматриваются отличия разных методов рассмотрения городского пространства, из которых особо выделяется средовое его видение. В его рамках город определяется в качестве комплекса пространственной ситуации и социального взаимодействия индивидов. Внимание в работах перечисленных исследователей уделено также специфике визуального построения городского пространства её наблюдателем, а также в них разработана система классификации элементов пространства города, представляющих собой комплекс явлений и процессов, оказывающих воздействие на человеческое восприятие.

Так, например, К. Линч, опираясь на исследования таких городов, как Лос-Анджелес, Бостон и Джерси-Сити, формулирует новый критерий – имиджевость. Пятилетнее исследование, о котором он сообщил в своей краткой и богато иллюстрированной книге, было вдохновлено годичным творческим отпуском, проведённым им во Флоренции и некоторых других европейских городах. Там Линч заинтересовал «город разума»: как города создаются в наших умах? Вернувшись домой, он изучил этот вопрос, опросив тридцать жителей Бостона и пятнадцать жителей Лос-Анджелеса и Джерси-Сити на мысленных картах своего родного города. Линч требовал от своих респондентов описывать отличительные элементы своего города, комментировать фотографии и сопровождать его в пешеходной экскурсии по центральной части города. Кроме того, он попросил респондентов нарисовать карту своего города. Таким образом, он смог построить оценку городской среды.

Линч обнаружил большие различия в лёгкости, с которой части трёх городов производили сильное психологическое впечатление на людей. Для этого он ввёл термин «способность к впечатлению», который он определил как «то качество физического объекта, которое даёт ему высокую вероятность вызвать сильное впечатление у любого данного наблюдателя» [11, с. 9].

На основе своих исследований Линч пришёл к выводу, что люди воспринимают город преимущественно как построенный образ. Так, он утверждает, что для любого города соответствующий набор мысленных образов существует в умах людей, которые проживают в этом городе. В эти изображения вносят вклад пять качеств, которые Линч определяет как пути, края, районы, узлы и ориентиры [11].

Пути представляют собой улицы, тротуары, тропы, каналы, железные дороги и другие пути, по которым люди путешествуют. Пути организуют пространство и перемещение внутри него. Края могут быть реальными или воспринимаемыми: стены, здания, береговые линии, бордюры, улицы, путепроводы и т.д. Районы – средние и большие площади. Они являются двумерными: человек входит в эти области и выходит из них. Также они имеют общие идентификационные характеристики. Узлы, в свою очередь, представляют собой большие площади, которые служат фокусом города, района и других подпространств. Наконец, ориентиры – это достопримечательности, здания, вывески, магазины, горы, арт-пространства и т.д.

Линч пришёл к выводу, что люди составляют собственные ментальные карты пространства на основе данных городских качеств. Интересно, что эти открытия не ограничились тремя городами, которые

исследовал Линч; позже они были подтверждены учёными, которые воспроизвели исследование для Америки, Европы.

Важной проблемой является анализ взаимодействия города и внешней к нему природной среды. Необходимо таким образом выстраивать городское пространство, чтобы сохранять благоприятные условия для флоры и фауны. Это может потребовать органичной интеграции городской и природной сред, что находит своё отражение в формировании таких структур города, как, например, парки.

На фоне постоянного расширения и развития городов – что отражается также в заполнении их современными строениями – большое значение имеет сохранение исторических центров городов. На фоне зданий, выполненных в современных архитектурных стилях, строения, существующие продолжительное время, особо выделяются своим видом. Необходимо способствовать сохранению, реставрации тех старых зданий, которые представляют большую эстетическую ценность, обусловленную спецификой их архитектурного стиля. При построении же новых районов города необходимо организовывать среду в них таким образом, чтобы она была визуально разнообразной, что позволит избежать «серости» однообразной застройки.

На сегодняшний день для этого уже разработаны специальные средства и приёмы, например, использование различных цветовых комбинаций при оформлении визуального стиля пространства застройки, что позволит придать разнообразие и колорит архитектурной среде. Разнообразие можно обеспечить благодаря использованию различных малых архитектурных форм и скульптуры. Необходимо уделять внимание и использованию природной среды города

– соответствующий подбор деревьев и кустарников будет играть важную роль для усиления эстетической выразительности городского пространства.

Представляется возможным заключить, что психологическая устойчивость жителей города во многом определяется комфортной, эмоционально насыщенной эстетикой его пространства. На наш взгляд, формирование городского пространства как сложной системы должно учитывать не только функциональные, социокультурные факторы, но и эстетическую составляющую.

Таким образом, предпринятый анализ показал, что определение и реализация города как комфортной и эффективной среды для жизнедеятельности современного человека является значимой проблемой совре-

менного научного дискурса. Представляется возможным заключить, что реализация полифункциональной концепции городского пространства может оптимизировать его функциональную эффективность и улучшить качество жизни горожан. Эта концепция не является чем-то принципиально новым, особенно применительно к сельскому хозяйству и ландшафту, но в данном исследовании делается попытка представить её как ответ на проблему снижения качества жизни граждан из-за высокой плотности городов будущего и сниженной функциональности системы прежних городов. Изучение эстетического аспекта городского пространства может помочь исследователям лучше понять, как мир становится интернализированным или экстернализованным его жителями.

Список литературы

1. Адашкина Н. Л. Художник и среда // Советское искусствознание. 1984. № 83 (1). С. 18–24.
2. Азизян И. А., Добрицына И. А., Лебедева Г. С. Теория композиции как поэтика архитектуры. Москва : Прогресс-Традиция, 2002. 511 с.
3. Арнхейм Р. Динамика архитектурных форм. Москва : Стройиздат, 1984. 192 с.
4. Асс Е. В. Дизайн в пространстве и жизни города // Техническая эстетика. 1980. № 6. С. 1–5.
5. Бородинская В. П., Козыренко Н. Е. Креативный город // Новые идеи нового века – 2020 : материалы Двадцатой Международной научной конференции = The New Ideas of New Century – 2020 : The Twentieth International Scientific Conference Proceedings : в 3 томах / [редколлегия : Е. М. Самсонова (отв. ред.)]. Хабаровск : Издательство ТОГУ, 2020. Том 1. С. 46–52.
6. Вебер М. Город // Избранное. Образ общества : [перевод с немецкого]. Москва : Юрист, 1994. С. 309–446.
7. Журавлева А. А. Эстетика пространства. Санкт-Петербург : Изд-во Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, 2005. 168 с.
8. Захарова В. И. Социокультурное пространство мегаполиса // Теория и практика общественного развития. 2017. № 2. С. 122–124.
9. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 23–34.
10. Лебедева С. О. Город как социокультурное пространство // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2010. Том 8. № 9 (69). С. 29–32.
11. Линч К. Образ города / перевод с английского В. Л. Глазычева. Москва : Стройиздат, 1982. 328 с.
12. Мясникова Е. А. Пространственная организация полифункциональных общественных комплексов // Architecture and Modern Information Technologies. 2020. № 4 (53). С. 152–167. URL: <https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20/PDF/09 myasnikova.pdf> DOI : 10.24411/1998-4839-2020-15309
13. Семченкова А. Д. Специфика размещения многофункциональных жилых комплексов в структуре современного города // Международная научно-техническая конференция молодых учёных (Белгород, 25–27 мая 2020 года) : сборник статей / Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова. Белгород, 2020. С. 814–818.

14. Трушина Л. Е. Образ города и городской среды // Серия “Symposium”, Виртуальное пространство культуры. Выпуск 3 / Материалы научной конференции 11–13 апреля 2000 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 97–99.
15. Федосимова Л. Б. Организация социально-культурного пространства для развития условий досуговой деятельности населения // Дни науки. 2010. С. 84–87.
16. Холодова Т. А. Концептуализация понятия «рекреационно-досуговая деятельность» в социологическом дискурсе // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2017. № 5. С. 56–62.
17. Яргина З. Н. Эстетика города. Москва : Стройиздат, 1991. 366 с.
18. Ghafouri A., Weber C. (2020) Multifunctional Urban Spaces a Solution to Increase the Quality of Urban Life in Dense Cities. *Manzar, the Scientific Journal of Landscape*, 12(51), pp. 34–45.

References

1. Adaskina N. L. Artist and environment. *Soviet art history*. 1984, no. 83 (1), pp. 18–24. (In Russ.).
2. Azizyan I. A., Dobritsyna I. A., Lebedeva G. S. *Theory of composition as poetics of architecture*. Moscow, Publishing House “Progress-Tradition”, 2002. 511 p. (In Russ.).
3. Arnheim R. *Dynamics of architectural forms*. Moscow, Publishing House “Stroyizdat”, 1984. 192 p. (In Russ.).
4. Ass E. V. Design in the space and life of the city. *Technical aesthetics*. 1980, no. 6, pp. 1–5. (In Russ.).
5. Borodinskaya V. P., Kozyrenko N. E. Creative city. In: *The New Ideas of New Century – 2020 : The Twentieth International Scientific Conference Proceedings*. In 3 volumes, volume 1. Khabarovsk, Publishing House of the Pacific National University, 2020. Pp. 46–52. (In Russ.).
6. Weber M. City. In: Weber M. *Selected works. The image of society*. Moscow, The Publishing Group “Jurist”, 1994. Pp. 309–446. (In Russ.).
7. Zhuravleva A. A. *Aesthetics of space*. St. Petersburg, Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, 2005. 168 p. (In Russ.).
8. Zakharova V. I. Social and cultural space of megalopolis. *Theory and practice of social development*. 2017, no. 2, pp. 122–124. (In Russ.).
9. Simmel G. Big cities and spiritual life. *Logos*. 2002, no. 3 (34), pp. 23–34. (In Russ.).
10. Lebedeva S. O. The city as sociocultural space. *Izvestia Volgograd state technical university. Series: Problems of social and humanitarian knowledge*. 2010, vol. 8, no. 9 (69), pp. 29–32. (In Russ.).
11. Lynch K. *Image of the city*. Moscow, Publishing House “Stroyizdat”, 1982. 328 p. (In Russ.).
12. Myasnikova E. Spatial Organization of Polyfunctional Public Complexes. *Architecture and Modern Information Technologies*. 2020, no. 4 (53), pp. 152–167. Available at: <https://marhi.ru/AMIT/2020/4kvart20/PDF/09/myasnikova.pdf> DOI: 10.24411/1998-4839-2020-15309 (In Russ.).
13. Semchenkova A. D. Specificity of the location of multifunctional residential complexes in the structure of a modern city. In: *International Scientific and Technical Conference of Young Scientists* (Belgorod, May 25–27, 2020): collection of articles. Belgorod, Published by Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 2020. Pp. 814–818. (In Russ.).
14. Trushina L. E. The image of the city and urban environment. *Symposium series, Virtual space of culture. Issue 3 / Proceedings of the Scientific Conference, April 11–13, 2000*. St. Petersburg, Published by St. Petersburg Philosophical Society, 2000. Pp. 97–99. (In Russ.).
15. Fedosimova L. B. Organization of social and cultural space for the development of conditions for leisure activities of the population. *Dni nauki*. 2010. Pp. 84–87. (In Russ.).
16. Holodova T. A. Conceptualization of the concept of “recreational leisure activity” in sociological discourse. *Economical and humanities researches of the regions*. 2017, no. 5, pp. 56–62. (In Russ.).
17. Yargina Z. N. *Aesthetics of the city*. Moscow, Publishing House “Stroyizdat”, 1991. 366 p. (In Russ.).
18. Ghafouri A., Weber C. (2020) Multifunctional Urban Spaces a Solution to Increase the Quality of Urban Life in Dense Cities. *Manzar, the Scientific Journal of Landscape*, 12(51), pp. 34–45.

ЖИВОЙ МУЗЕЙ: ТРАНСФОРМАЦИЯ МУЗЕЯ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

УДК 069.01:338.467.6

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-34-48>

Д. А. Прокудина¹, Е. К. Прокудина²

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация,
e-mail: dariap@bk.ru¹, e-mail: prokudina-elena@yandex.ru²

Аннотация: В статье проанализировано возникновение и развитие живых музеев в Великобритании, а также их потенциал в сохранении и популяризации культурно-исторического наследия. Авторами очерчен круг проблем, возникающих вследствие трансформации музея в современной экономике впечатлений. В конце 1960-х годов в Великобритании был поднят вопрос о том, как сберечь наследие промышленной революции, изменившей облик мира. Музейный энтузиаст Ф. Аткинсон предложил инновационную модель живого музея, которая нашла воплощение в комплексе «Бимиш» в Дареме. Вскоре подобные музеи были созданы и в других центрах промышленной революции: «Викторианский город Блистс хилл» в Айронбридже и «Живой музей Чёрной страны» в Уэст-Мидлендсе. В статье анализируются принципы создания, функционирования и развития живых музеев, раскрываются возможности, которые они открывают, и проблемные аспекты. Авторам представляется перспективным использовать опыт британских музеев в России. Вместе с тем обращается внимание на то, что перед создателями таких музеев неизбежно встанет вопрос о том, как избежать серьёзных искажений в воссоздании прошлого, найти баланс между исторической достоверностью и развлекательностью, диктуемой экономикой впечатлений.

Ключевые слова: живой музей, музеи Великобритании, культурно-историческое наследие, «Бимиш», «Викторианский город Блистс хилл», «Живой музей Чёрной страны», экономика впечатлений.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

Для цитирования: Прокудина Д. А., Прокудина Е. К. Живой музей: трансформация музея в контексте экономики впечатлений (зарубежный опыт) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 34–48. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-34-48>

ПРОКУДИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

PROKUDINA DARIA ALEKSANDROVNA – PhD in Social Sciences, Research Scientist at the History and Theory of World Culture Department, the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

ПРОКУДИНА ЕЛЕНА КОНСТАНТИНОВНА – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

PROKUDINA ELENA KONSTANTINOVNA – PhD in Social Sciences, Associate Professor at the Department of the Philosophy of Language and Communication, the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University

LIVING MUSEUM: TRANSFORMATION OF THE MUSEUM IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE ECONOMY (FOREIGN EXPERIENCE)

Daria A. Prokudina¹, Elena K. Prokudina²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation,
e-mail: dariap@bk.ru¹, e-mail: prokudina-elena@yandex.ru²

Abstract: The article analyzes the emergence and development of living museums in Great Britain, as well as their potential in the preservation and popularization of cultural and historical heritage. The authors outline the range of problems that arise as a result of the transformation of the museum in the modern experience economy. In the late 1960th, the question of how to preserve the heritage of the industrial revolution that changed the face of the world was raised in this country. The museum enthusiast F. Atkinson proposed an innovative model of a living museum, embodied in the «Beamish» complex in Durham. Soon, similar museums were established in other centers of the industrial revolution: Blists Hill Victorian Town in Ironbridge and Black Country Living Museum in the West Midlands. The article analyzes the principles of creation, functioning and development of living museums, the opportunities that they open up and the problematic aspects are revealed. The authors find it promising to use the experience of British museums in Russia. At the same time, attention is drawn to the fact that the creators of such museums will inevitably face the question of how to avoid serious distortions in the reconstruction of the past, to find a balance between historical authenticity and entertainment dictated by the experience economy.

Keywords: living museum, museums of Great Britain, cultural and historical heritage, Beamish, Blists Hill Victorian Town, Black Country Living Museum, the experience economy.

Acknowledgements: The research was carried out with the support of the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

For citation: Prokudina D. A., Prokudina E. K. Living museum: transformation of the museum in the context of the experience economy (foreign experience). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 34–48. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-34-48>

Сохранение культурно-исторического наследия является одной из актуальных задач современности. Серьёзная социальная проблема нашей страны – медленное разрушение, а порой и быстрая гибель старинных зданий в городах России. Исчезают не только здания, но и целые населённые пункты, предприятия и виды транспорта, предметы быта и орудия труда. Уходят из повседневной жизни и забываются профессии и ремёсла, песни, игры, танцы, праздники.

В связи с этим перспективным, хотя и в некоторых аспектах неоднозначным, представляется опыт так называемых живых музеев (living museums) Великобритании. Они

появились в начале 1970-х годов и, что примечательно, активно развиваются и сегодня, расширяя тематическое содержание и охватывая всё более широкую аудиторию.

В «Российской музейной энциклопедии» живой музей определяется как «средовой музей или учреждение музейного типа, хранящий объекты материального и нематериального культурного наследия в естественной для них природной и историко-культурной среде в условиях сохранения и постоянной актуализации их изначальных функций» [6].

Внимание к этому формату сегодня приобретает особую актуальность в свете

того, что благодаря ему удаётся органично вписываться в меняющийся облик современной экономики. Ряд известных учёных констатирует: мы живём в эпоху экономики впечатлений. Согласно Джозефу Пайну и Джеймсу Гилмору, в современном мире произошёл переход от экономики услуг к экономике впечатлений, «которые представляют собой уже существующий, но ещё мало изученный вид экономического предложения» [1, с. 38]. Покупая впечатления, человек «платит за незабываемые минуты своей жизни, подготовленные компанией как в театральной постановке, то есть за собственные чувства и ощущения» [1, с. 45]. Учёные утверждают: для того чтобы сегодня преуспеть, бизнес должен стать театром, предлагающим клиентам яркие впечатления. Они подчёркивают, что наиболее насыщенные и запоминающиеся из них возникают, если задействованы все пять чувств [1, с. 142].

Именно такие впечатления в большом разнообразии способен создавать живой музей. Вместе с тем трансформация музея под влиянием идеологии экономики впечатлений вызывает и серьёзные вопросы. Не ведёт ли она к утрате сущностных черт музея?

«Бимиш» (Beamish) – музей нового типа

Ещё в начале 1950-х годов в Великобритании был поднят вопрос о сохранении уходящего в прошлое наследия промышленной революции.

Оригинальный подход к решению этой проблемы был предложен музейным энтузиастом Фрэнком Аткинсоном, о котором коллеги вспоминают как о вдохновляющем, увлечённом, решительном и творческом человеке. В 1952 году, путешествуя по Норвегии и Швеции, он увидел «народные музеи» и был вдохновлён тем, как они демон-

стрировали исчезающий образ деревенской жизни [15].

В конце XIX – начале XX века в скандинавских странах были открыты десятки этнографических музеев под открытым небом. Особо следует отметить музей «Скансен» (Skansen), который был первым и явился прототипом для других, созданных вслед за ним. Он появился в Стокгольме в 1891 году благодаря усилиям этнографа и филолога Артура Хазелиуса.

Учёный много путешествовал по стране, изучая диалекты шведского языка. Кроме того, он интересовался постройками, хозяйственным укладом, интерьерами жилищ, предметами быта [7, с. 3]. Он видел разрушительные для народной культуры последствия индустриализации и урбанизации – как приходят в упадок фермерские хозяйства, исчезают ремёсла, народные костюмы, сказки, танцы, музыка [5, с. 25].

Хазелиус придумал и реализовал оригинальную модель музея. На остров Юргорден были перевезены и таким образом спасены от гибели старинные постройки, представлявшие все регионы Швеции. В них были помещены собранные по стране мебель, домашняя утварь, рабочие инструменты, во дворах был размещён домашний скот, а в зоологическом саду – дикие животные, на которых традиционно охотились в Швеции [3; 5, с. 25–26].

На скалистую территорию острова возили землю, причём именно из того региона, который представляла та или иная часть музея. На ней высаживались растения, характерные для той местности. Примечательно, что и сотрудники музея нанимались из тех мест, откуда было привезено то или иное здание. Их работа состояла в том, чтобы, одевшись в национальные костюмы, жить в домах-экспонатах, занимать-

ся привычным трудом, а также рассказывать об этом посетителям [3].

Кроме того, они танцевали, пели, играли на народных инструментах, отмечали праздники. Хазелиус, чётко осознавая значение создаваемого музея для формирования национального самосознания, выбрал для него девиз «Познай себя» [5, с. 26].

Опыт «Скансена» оказался очень удачным и вскоре в скандинавских странах, а также и в других странах мира открылось множество подобных музеев.

Спустя 50 лет перед Ф. Аткинсоном стояла похожая задача, но под угрозой исчезновения оказалось уже индустриальное наследие. Как и Хазелиус, Аткинсон начал со сбора музейных предметов.

В 1958 году, заняв должность директора художественного «Музея Боуз» (Bowes Museum), он представил Совету графства Дарем (Durham) доклад, в котором рекомендовал собирать предметы повседневной жизни для формирования коллекции будущего музея, и получил поддержку. Работа шла очень активно, чему способствовала инновационная политика «неселективного сбора», предложенная Аткинсоном, под девизом «Вы предлагаете предмет, и мы берём его в коллекцию». Люди с энтузиазмом откликнулись на этот призыв. Когда запасы «Музея Боуз» были заполнены, в качестве склада Аткинсону был предоставлен военный лагерь. Его 22 барака быстро наполнились многочисленными предметами: от швейных машин до паровозов [14; 16].

В 1970 году Аткинсон был назначен директором музея «Бимиш», посвящённого развитию промышленности и повседневной жизни на севере Англии, и с небольшой командой он приступил к его созданию [15].

«Бимиш» стал первым живым музеем Великобритании [14]. То, что делали его

сотрудники, было совершенно новым для Англии. Творческий подход применялся во всех направлениях работы.

Историко-культурную среду на обширной территории музея «Бимиш» создают здания, перевезённые из окрестностей, а также сооружения, которые изначально находились здесь, и точные копии зданий, которые были утрачены или не могли быть перенесены.

Эту среду поддерживают шахты. Музей расположен в центре угольного месторождения графства Дарем. В 1913 году, когда добыча угля достигла пика, на 304 рудниках Дарема работали 165 тысяч мужчин и мальчиков [35].

Инновационной идеей Аткинсона было формирование среды в том числе и за счёт атмосферы транспортного движения.

В период с 1890-х годов по 1920-е годы в Великобритании система трамвайного сообщения процветала и расширялась. Затем этот вид транспорта уступил место другим. К моменту создания «Бимиша» трамваи практически вышли из употребления. Отреставрированные старинные трамваи стали выполнять и важную утилитарную функцию: на них посетители передвигаются по обширной музейной территории. Также по ней ездят старинные автобусы и повозки, запряжённые лошадьми.

Музей погружает посетителя и в памятную для региона историю железнодорожного транспорта.

Именно в графстве Дарем в 1825 году была открыта первая в мире железная дорога общественного пользования на паровой локомотивной тяге [2]. Показательно, что первым зданием, которое было перенесено в музей, была железнодорожная станция, находившаяся в деревне Роули (Rowley). Построенная в 1867 году, она была уже частич-

но разрушена. Теперь с музейной станции Роули можно прокатиться на старинном поезде, который тянет паровоз [26]. Перемещение спасло станцию, как и многие другие здания, перенесённые в «Бимиш».

Но действительно живым этот музей делают люди. Именно их усилиями здесь сохраняются и постоянно актуализируются изначальные функции объектов материального и нематериального культурного наследия. Это так называемые интерпретаторы, одетые в костюмы ушедшей эпохи.

В живых музеях используются два типа интерпретации: от первого и от третьего лица. Интерпретация от третьего лица является наиболее распространённой формой взаимодействия с посетителями. Используя этот метод, интерпретаторы рассказывают истории, демонстрируют артефакты, сравнивают прошлое и настоящее для того, чтобы эффективно передать информацию посетителям. Применяя интерпретацию от первого лица, которую также называют исполнением роли, музейные работники воспроизводят повседневные действия, представления и поведение реального человека или собирательного образа [29, pp. 11–13].

Как пишет музеевед Дэвид Эллисон в книге, посвящённой эффективной костюмированной интерпретации в музеях и исторических местах, живая история – это один из лучших способов перекинуть мост через пропасть между прошлым и настоящим. Общение посетителя лицом к лицу с интерпретатором, изображающим персонажа из прошлого, позволяет создать более содержательные и обширные связи с историей, чем какая-либо другая техника. Она способна разжечь интерес к истории, поскольку основана на человеческом взаимодействии [12, p. VII].

В «Бимише» преимущественно используется интерпретация от третьего лица. Выполняя ту или иную работу, музейные сотрудники, одетые в костюмы прошлого, рассказывают о жизни в представляемую эпоху, в частности проводя параллели с современностью.

Так, машинист трамвая встречает гостей музея и привозит их в город 1900-х. Здесь в кондитерской пекарь выпекает печенье по старинному рецепту, которое можно попробовать, и отвечает на вопросы посетителей. Аптекарь рассказывает, чем лечились в то время. Также можно увидеть, как работник аптеки изготавливает газированную воду с сиропом и упаковывает её в бутылки Кодда, изобретённые в Англии, и попробовать этот напиток. В гараже рассказывают о ремонте велосипедов и моторов. В типографии мастер демонстрирует, как работал печатный станок. В магазинах можно услышать о том, что продавалось в то время, а в лавке сладостей купить конфеты, изготовленные по архивным рецептам.

В деревне шахтёров посетители погружаются в жизнь горняков и их семей, слушают их рассказы в коттеджах, где живут семья методистов и семья ирландского происхождения, в доме вдовы, муж которой погиб при аварии на шахте. Посетитель может зайти в часовню и школу, где учитель рассказывает о школьном образовании того времени, и выполнить задание на доске. Ему предлагают попробовать популярное тогда блюдо – жареные во фритюре рыбу и картофель, а также увидеть, как сотрудники музея готовят их по технологии того времени. Неподалёку находятся и сами шахты, где можно увидеть своими глазами, насколько тяжёл труд горняков.

Музей предлагает перенестись и в 1820-е годы и познакомиться с обитателями дома

обеспеченного фермера-арендатора, а также с семьёй кустика, живущей в коттедже с вересковой крышей. Машинисты, управляющие репликами самых первых паровозов – Парового слона (Steam Elephant) и Пыхтящего Билли (Puffing Billy), созданными по инициативе музея, зовут прокатиться по живописным окрестностям.

Посетитель также может зайти в средневековую церковь Святой Елены, построенную ещё в 1100-е годы. Изначально она находилась в Эстоне (Eston), где десятилетиями подвергалась вандализму и разрушалась. Храм был перенесён и восстановлен в «Бимише» [20].

Посетитель попадает и в 1940-е годы, на ферму, где её обитатели рассказывают о жизни во время Второй мировой войны, готовят из продуктов, которые входили в паёк военного времени, слушают радиосводки. Здесь можно узнать о том, что фермы сыграли важную роль во время войны, спасая страну от голода, и перекусить в «Британской кухне» – пункте питания, сеть которых была создана правительством в военное время.

Спецификой музея является его постоянное развитие. Появляются новые здания и артефакты, новые герои с их жизненными историями. С течением времени добавляются экспозиции, представляющие очередные исторические периоды.

На данный момент музей приступил к созданию города и фермы 1950-х годов и расширению территории 1820-х. Предложенный им проект выиграл конкурс Национального лотерейного фонда наследия, и «Бимиш» получил 10,9 млн фунтов стерлингов [25]. Этот фонд распределяет средства, полученные от Национальной лотереи для финансирования проектов сохранения культурного наследия в Великобритании.

В городе 1950-х, в который посетителей будут привозить автобусы того времени, создаются дома, магазины, кафе, кинотеатр, парикмахерская, лужайка для игры в боулинг. На ферме 1950-х посетители узнают о сельском хозяйстве того времени [25].

В 2019 году был открыт Дом благоденствия, точное воспроизведение здания, построенного в 1957 году в городе Бишоп Окленд (Bishop Auckland). Здесь посетители могут принять участие в мероприятиях того времени: послушать музыку в стиле скиффл, потанцевать, поучиться рукоделию, выполнить упражнения для поддержания хорошей физической формы. В клинике Национальной службы здравоохранения, расположенной тут же, рассказывают о бесплатном медицинском обслуживании, которое стало доступно населению [36].

Активное развитие музея, свидетелями которого мы являемся, позволяет увидеть механизм сохранения истории в действии.

Например, работая над воссозданием парикмахерской, музей проводил мероприятие в салоне причёсок в Мидлсбро (Middlesbrough). На него приглашали прийти, чтобы за чашкой чая поделиться воспоминаниями о посещении парикмахерских в 1950-е годы и о работе парикмахера, сделать причёску в стиле 1950-х, а также узнать о планах развития «Бимиша» [28].

Расширяется и территория 1820-х. В 2018 году был воссоздан коттедж Джозефа Хедли, изготовителя стёганных изделий и лоскутного шитья. Обитатели коттеджа знакомят посетителей с этим распространённым в своё время кустарным производством. Здесь появится и гостиница, в которой смогут переночевать гости музея [25].

По словам представителей музейного сообщества, Аткинсон произвёл революцию в представлении прошлого. Он оживил его

и изменил музейный мир. Это в целом способствовало популяризации музеев [30].

Последователи и новаторы

На базе успешной модели «Бимиша» вскоре были созданы живые музеи и в других бывших центрах промышленной революции: «Викторианский город Блистс хилл» (Blists Hill Victorian Town), входящий в Музеи Ущелья Айронбридж (The Ironbridge Gorge Museums), и «Живой музей Чёрной страны» (Black Country Living Museum).

«Викторианский город Блистс хилл» был открыт в Айронбридже (Ironbridge) графства Шропшир (Shropshire) в 1973 году. В этом регионе, богатом полезными ископаемыми, в 1709 году была впервые применена технология плавки чугуна с использованием кокса, что способствовало развитию металлургии. Именно здесь в 1779 году был построен первый в истории железный мост, который стал символом промышленной революции и дал название этому месту. В 1986 году Ущелье Айронбридж было внесено в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО [18].

В 1968 году для сохранения и интерпретации наследия региона была создана благотворительная организация «Музейный трест Ущелья Айронбридж» (The Ironbridge Gorge Museum Trust) [17]. Стратегия треста – использование формата живого музея наряду с традиционным. Помимо живого музея «Викторианского города Блистс хилл», в него входят 9 традиционных музеев, наиболее известные из которых – «Музей железа в Коулбрукдейле» (Coalbrookdale Museum of Iron) и «Музей плитки в Джексфилде» (Jackfield tile museum).

В «Музее железа в Коулбрукдейле» демонстрируется печь, в которой плавиле железо с использованием кокса вместо древес-

ного угля, а также представлены декоративные и бытовые металлические изделия [11].

«Музей плитки в Джексфилде» посвящён очень популярной в викторианскую эпоху декоративной керамической плитке. Деревня Джексфилд была центром её производства. Посетители могут увидеть образцы плитки не только в залах музея, но и на стенах воссозданных здесь паба, церкви и вестибюля станции метро [19].

В «Викторианском городе Блистс хилл» воспроизводится жизнь 1900-х годов. Здания музея, за исключением промышленных объектов, были перенесены в эту в прошлом индустриальную зону из близлежащих мест или же воссозданы здесь.

Рядом с входом в музей расположен банк, в котором меняют современные деньги на старинные монеты. Их можно потратить на сладости, жареную рыбу и картофель, выпечку и даже в аптеке, где продаются некоторые лечебные средства, созданные по викторианским рецептам. На почте сотрудник рассказывает о почтовом сообщении и предлагает передать послание азбукой Морзе. Швея в салоне женской одежды показывает наряды состоятельных дам того времени, сапожник чинит ботинки, в пабе «местные жители» поют весёлые песни, а в школе учитель предлагает выполнить задание на маленькой доске, использовавшейся вместо тетради. На фабрике посетителям показывают, как изготовлялись свечи, а в типографии – как печатались плакаты. Передвигаются по городу пешком или на повозке, запряжённой лошадьми.

В музее раскрывается и тема промышленного наследия. В мастерских кузнец выковывает гвозди, а чугунолитейщик разливает расплавленный чугун по формам. В колёсной башне, расположенной над шахтовым стволом, сотрудник музея запускает

паровой подъёмный механизм, при помощи которого работников опускали в шахту и поднимали наверх. По небольшому участку железной дороги курсирует действующая копия первого в мире рельсового Колбрук-дэйлского паровоза, созданного здесь в 1802 году Ричардом Тревитиком. Об индустриальном прошлом напоминают канал, руины кирпичного и кафельного заводов, а также доменные печи.

О том, как жили люди среднего достатка, можно узнать, зайдя в дом герцога Сазерленда, а бедные – в тесный коттедж сквоттеров. Так называли людей, живших на земле, которая им не принадлежала. Они жили скудно и ежегодно платили взнос за использование земли. А познакомиться с развлечениями рабочего класса можно на передвижной ярмарке: покататься на качелях и карусели, поучаствовать в играх.

От «Бимиша» «Викторианский город Блистс хилл» отличается тем, что он представляет жизнь в ограниченный временной период и, соответственно, не расширяется за счёт экспозиций, посвящённых другим периодам истории. При этом музей развивается, добавляя новые объекты, но только викторианской поры.

«Живой музей Чёрной страны» открылся в 1975 году в графстве Уэст-Мидлендс (West Midlands), значительная часть которого, получившая название Чёрной страны, была центром промышленной революции.

В 1862 году американский консул в Бирмингеме (Birmingham) Элиу Берритт так описал этот регион: «чёрный днём и красный ночью», из-за повсеместного чёрного смога днём и огненного пламени печей ночью. Это был центр горной промышленности и металлургии, здесь находились стекольные и кирпичные заводы. В Чёрной стране построили первый в мире успешно

применённый паровой двигатель, изготовили для США паровоз, который был первым на американской земле, а также якорь для «Титаника» [32].

Музей, многие здания которого были перенесены из различных регионов Чёрной страны, представляет собой город и производственные площадки, которые «населяют» костюмированные интерпретаторы. Основная улица знакомит с жизнью в 1900-е годы. От улицы 1930-х её отделяет канал, созданный для транспортировки грузов, по которому можно совершить путешествие в Тоннель канала Дадли. По территории посетители перемещаются на старинных трамваях, автобусах и троллейбусах.

В музее особое внимание уделяется промышленному наследию. После тщательных исследований здесь была построена полномасштабная рабочая копия первого в мире успешного парового двигателя Томаса Ньюкомена 1712 года, который использовался для откачки воды из угольных шахт в поместьях лорда Дадли. Она помещается в кирпичном здании, из которого валит пар и чёрный дым [23]. В цехах музея мастера куют цепи, которыми славилась Чёрная страна, гвозди, прокатывают железо, лютуют и полируют латунь. Они беседуют с посетителями и рассказывают о труде кузнецов. Здесь можно побывать в шахтах, посмотреть печи для обжига извести и зайти на фабрику по производству стальных ловушек для мелких животных, которые экспортировались во все страны мира.

Как и «Бимиш», «Живой музей Чёрной страны» сейчас реализует масштабный проект по расширению, который стал возможен благодаря победе в конкурсе Национального лотерейного фонда наследия. Здесь создают город 1940–1960-х, чтобы рассказать историю Чёрной страны вплоть до закрытия

последней шахты в 1968 году. В городе будут магазины, парикмахерская, библиотека, паб, почта, клиника Национальной службы здравоохранения. В музее планируется представить такие отрасли, как производство кирпича и литье алюминия, продукция которых экспортировалась в разные страны [24].

«Живой музей Чёрной страны» сейчас ведёт активную работу с местным сообществом с целью сбора воспоминаний и артефактов того периода.

На сайте к людям обращаются с просьбой поделиться воспоминаниями, связанными со зданиями, которые будут в городе. Объясняется, почему именно эти сооружения выбраны, о чём можно будет в них рассказать и что в них смогут делать посетители, демонстрируются фотографии и видео, посвящённые уже переданным вещам [24].

Характеризуя экономическую модель работы таких музеев, следует отметить, что их деятельность позволяет добиваться самокупаемости. Все описанные выше музеи не получают государственного финансирования, а существуют практически только за счёт продажи билетов и своей продукции, а также пунктов общественного питания. Кроме того, в нерабочее время они предоставляют свои пространства для проведения свадеб, корпоративных и частных мероприятий. Также они становятся съёмочными площадками. Здесь снимали такие сериалы, фильмы и телевизионные программы, как «Доктор Кто», «Последнее лето любви», «Острые козырьки», «Рози и Джим», «Супер Гран», «Аббатство Даунтон» и другие.

Открытые возможности и проблемные аспекты

Попробуем очертить круг продуктивных возможностей, которые открывает формат живого музея.

Он действительно позволяет рассказать о культурно-историческом наследии увлекательно, предлагая людям совершить «путешествие во времени». Арсенал средств, который используется здесь, погружая посетителей в прошлое, воздействует на все органы чувств: они видят, обоняют, слышат, трогают и пробуют на вкус. Гости музея слышат стук трамвайных колёс и молотков, чувствуют запах дыма и выпекаемого хлеба, пробуют леденцы и печенье, видят расплавленное железо и паровозный дым, упражняются в ловкости на ярмарке, заходят в магазины и дома, наполненные предметами из прошлого, а также общаются с людьми, которые как будто живут и работают здесь. История будто бы проживается посетителями, становится частью их личного опыта. Знакомясь с историко-культурным наследием, они получают яркие и необычные впечатления.

Формат живого музея, безусловно, позволяет сохранить здания, многие из которых снесли бы, а также артефакты, которые пропали бы. Он даёт им вторую жизнь. Яркие примеры тому Церковь Святой Елены и Станция Роули, которые на момент переноса в «Бимиш» превращались в руины.

Скрупулёзное восстановление утраченных механизмов и зданий по изображениям и чертежам, таких, например, как рабочая копия парового двигателя Томаса Ньюкомена или действующая реплика Колбрукдэйлского паровоза, позволяют увидеть то, что, казалось бы, безвозвратно утрачено. При этом механизмы демонстрируются в работе. Движущийся паровоз, в топку которого машинист подкидывает уголь, с крутящимися шестерёнками, колёсами и дымом из трубы в познавательном плане более привлекателен, чем неподвижная модель в музейном зале.

Живой музей даёт возможность экспонировать артефакты в бытовом контексте. Так, старинные весы и монеты в витрине музея могут оказаться далеко не самыми интересными экспонатами. Здесь же посетитель видит весы в действии, когда продавщица в длинном платье и переднике отмеряет ему на них конфеты, изготовленные по викторианским рецептам, за которые он расплачивается фартингами, пенни и шестипенсовиками.

В таком музее открываются и большие возможности для интерактивного взаимодействия с посетителем, которое ещё больше погружает его в музейную среду и даже позволяет освоить некоторые навыки: передать сообщение азбукой Морзе, поучиться рукоделию, выполнить задание на маленькой доске.

Специфика живого музея состоит и в том, что в нём можно представить не только материальное, но и нематериальное наследие. Здесь поют шахтёрские песни, играют музыку в стиле скиффл, готовят по старинным рецептам, создают стёганые изделия и занимаются лоскутным шитьём.

Создание таких музеев имеет и важные социально-экономические последствия для региона. Так, описанные выше музеи появились в кризисный период: добыча полезных ископаемых прекращалась, а промышленные производства закрывались. Их создание дало импульс к развитию туризма и способствовало появлению новых рабочих мест в условиях безработицы.

Живые музеи имеют и большое значение для местного сообщества. Они объединяют жителей, помогают хранить память о предках и об истории этих мест, гордиться ею. Люди передают в музей свои вещи, делятся воспоминаниями. К работе в музее активно привлекаются волонтеры.

Так, например, в воссоздании коттеджа Джозефа Хедли в «Бимише» участвовало около 200 человек, в числе которых было много местных жителей. Они носили камни, рубили лес, собирали вереск, осваивая технологию возведения домов, которой пользовались их предки [31].

Но помимо позитивных возможностей, необходимо осмыслить и проблемные аспекты деятельности живых музеев, которые во многом возникают из-за их существенных особенностей, а также под влиянием новейших тенденций экономики.

Прежде всего следует осознать, что трансформация музея в контексте развивающейся на наших глазах экономики впечатлений таит в себе и определённые опасности, затрагивающие принципиальные основы музейной деятельности.

Традиционный исторический музей стремится передать посетителю систематизированные знания. Экспозиция подразделяется на временные и тематические разделы. Выделяются наиболее значимые явления, представляемые артефактами. Все вместе они призваны демонстрировать связь времён. Вместе с тем приёмы создания впечатлений, если не использовать их в меру и конструктивно, могут сделать применение принципов передачи систематизированных знаний трудно осуществимым. Яркие и, как правило, приятные впечатления в живых музеях могут как пробуждать познавательную деятельность, так и отвлекать от неё, способствуя поверхностному и фрагментарному восприятию, настраивая на отдых и развлечение.

Заметим, что сам современный человек во многом ориентирован на массовую продукцию индустрии развлечений. В то же время в условиях глобальной коммуникации он привыкает к популярному изло-

жению информации, а также получать её, не прилагая к этому усилий. В этом смысле экономика впечатлений всё более упрощает культурные запросы, и это является серьёзной проблемой нашего времени. Как отмечал член-корреспондент РАН В. В. Миронов, «в настоящее время оппозиция “высокая – низовая” культура деформируется и относительная гармония между ними разрушается: низовая культура начинает доминировать ... Человек буквально во всём ищет зрелищности. Реальная жизнь подменяется бесконечными реалити-шоу» [4, с. 36–37].

Добавим, что использование впечатлений в экономике – не новость. В частности, на них основаны рекламные технологии. По-видимому, сегодня мы можем говорить о всё большем смещении акцента на массовое применение приёмов театральности и зрелищности.

Вторая проблема связана с исторической достоверностью. Начнём с того, что облик промышленных зон, представленных в упомянутых музеях, не похож на тот, что был на самом деле. Они представляют собой тихие живописные окрестности, тогда как в период промышленной революции здесь нависал смог, всё было в копоти и саже, стоял оглушительный шум.

Это несоответствие бросается в глаза, и о нём пишут представители музейного сообщества. Так, Кэтрин Бордман, руководитель консалтингового агентства инноваций для организаций в сфере культуры The Cherry Valley Group, в числе несовершенств существующих живых музеев отмечает тенденцию к романтизации прошлого; ориентацию на современные представления о чистоте, в результате чего их территория становится похожа на парк; акцент сделан на развлечении, а не на обучении [21, р. 16].

Обобщая подобные критические замечания, американский учёный Скотт Магелссен заключает, что музеи живой истории, как правило, украшают исторические периоды и события, отдавая предпочтение эстетически приятным утопическим образам прошлого, а не более точным, грязным [27, р. XIV].

В то же время очевидно, что требования исторической достоверности нельзя возводить в абсолют. Ведь кажется абсурдным заново воспроизвести дым, грязь и копоть промышленных зон такими, какими они были на самом деле. Здесь нам приходится соглашаться с вынужденной условностью или правилами игры. Но в этом необходимо соблюдать разумную меру.

Между тем, помимо эстетизации и романтизации прошлого, за скобками остаются ещё более серьёзные вопросы этического характера. Темы социальной несправедливости, эксплуатации и нищеты рабочего класса, бесчеловечных условий работы, детского труда хотя и поднимаются в музеях, но им уделяется не слишком большое внимание. Так, проведя исследование положения рабочего класса в Англии в начале 1840-х годов, Фридрих Энгельс пришёл к выводу, «что английское общество ежедневно и ежечасно совершает нечто, с полным правом называемое на страницах английской рабочей печати социальным убийством», поставив «рабочих в положение, в котором они не могут ни сохранить здоровье, ни долго просуществовать» [8, с. 330]. Рабочие в городах живут в трущобах, впроголодь, в антисанитарных условиях, что способствует распространению тифа, чихотки и т.д. [8, с. 330–337]. В каменноугольных копях и железных рудниках трудятся женщины и дети, начиная с 4 лет [8, с. 467]. И без того тяжёлый труд горняков усу-

губляется тем, что в погоне за прибылью во многих шахтах не обеспечивается безопасность труда, что влечёт за собой болезни и несчастные случаи [8, с. 469–472]. Система несправедливых штрафов приводит к тому, что вместо получения зарплаты рабочий оказывается ещё и должен владельцу шахты [8, с. 474].

Эмма Гриффин, британский специалист по социальной и культурной истории викторианской Англии, отмечает, что труд детей оплачивался очень низко, они выполняли грязную и опасную работу, как правило, работали сверхурочно. Только в 1878 году вступил в силу фабричный закон, запрещающий нанимать рабочих в возрасте до 10 лет [13].

В шахтах описанных выше музеев посетителям всё-таки рассказывают о тяжёлом труде горняков, а в доме вдовы шахтёра – о том, что её муж погиб в результате несчастного случая и теперь, чтобы не потерять крышу над головой, в копиях работает её сын. В магазине посетители узнают, что обычным делом для рабочих была покупка одного яйца, половины буханки хлеба и 30 грамм чая. В салоне портнихи и магазине сладостей – о том, что изысканные наряды и конфеты были доступны исключительно представителям высшего общества и только к концу эпохи рабочие смогли попробовать конфеты. Но такой информации немного, и она теряется в атмосфере развлечения и общего довольства. В целом во всех упомянутых музеях история представляется идеализированно, в искажённом виде. Отчасти эта проблема смягчается тем, что, воспроиз-

водя викторианскую эпоху, музеи концентрируются на её последних годах – 1900-х, когда острота социальных проблем спала, хотя они и продолжали существовать.

Такой «изъян» в достоверности образа прошлого, представленного живыми музеями, диктуется принципами экономики впечатлений. Для создания яркого впечатления, согласно упомянутым ранее идеологам этого типа экономики Д. Пайну и Д. Гилмору, необходимо подобрать позитивные стимулы, усилить их действие и исключить негативные [1, с. 146].

Действительно, мы видим, что музеи прежде всего стремятся вызвать у посетителей положительные эмоции, принести им удовольствие и радость, сделать так, чтобы день, проведённый здесь, оставил приятные воспоминания. Поэтому тяжёлое и трагическое представлено скупой, а эстетически приятное и позитивное заполняет практически всё пространство внимания и восприятия. Упомянутые выше живые музеи, очевидно, ориентированы в большей степени на то, чтобы развлекать, а не давать материал для серьёзного осмысления истории.

В заключение отметим, что у живого музея большой потенциал в сохранении и популяризации культурно-исторического наследия, который может быть использован и в России. Но перед создателями таких музеев неизбежно встанет вопрос, как избежать серьёзных искажений истории, найти баланс между исторической достоверностью и развлекательностью, диктуемой экономикой впечатлений.

Список литературы

1. Гилмор Дж. Х., Пайн П. Б. Дж. Экономика впечатлений : Как превратить покупку в захватывающее действие. Москва : Интеллектуальная литература, 2020. 384 с.
2. Из Дарлингтона в будущее [Электронный ресурс] // Гудок : [сайт]. 23.09.10. URL: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=702127>

3. Матссон-Попова С. Швеция в «Табакерке» [Электронный ресурс] // Журнал «Вокруг света» : [сайт]. Ноябрь 2007. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6119/>
4. Миронов В. В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации. Санкт-Петербург : СПбГУП, 2019. 60 с. (Избранные лекции Университета ; Выпуск 187).
5. Норденсон Э. Вначале был Скансен // Museum. Этнографические музеи и музеи под открытым небом. 1993. № 1 (175). С. 25–26.
6. Словарь музейных терминов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?61>
7. Тихонов В. В. Практика создания зарубежных и российских этнографических музеев под открытым небом // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 9 (88). С. 3–8.
8. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 томах. 2-е издание. Москва : Госполитиздат, 1954-. Том 2. Москва : Госполитиздат, 1955. С. 231–517.
9. *About the Beamish tramway system. Beamish transport online.* Available at: <http://beamishtransportonline.co.uk/transport-stocklist/tramway/about-the-beamish-tramway-system/>
10. *Blists Hill Victorian Town. Ironbridge Gorge Museums.* Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/explore/blists-hill-victorian-town/#overview>
11. *Coalbrookdale Museum of Iron.* Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/explore/coalbrookdale-museum-of-iron/#things-to-see>
12. David B. (2016) *Allison Living History: Effective Costumed Interpretation and Enactment at Museums and Historic Sites.* Rowman & Littlefield. Lanham, Boulder, New York, London. 122 p.
13. *Emma Griffin Child labour. Discovering Literature: Romantics & Victorians.* 15 May 2014. Available at: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/child-labour>
14. Frank Atkinson obituary. *The Guardian.* Available at: <https://www.theguardian.com/culture/2015/jan/02/frank-atkinson>
15. Frank Atkinson. *The Man Who Made Beamish. Beamish – the Living Museum of the North.* URL: <http://www.beamish.org.uk/about/frank-atkinson/>
16. *History of Beamish. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/about/history-of-beamish/>
17. *Ironbridge Gorge Museum Trust Limited. Charity Commission for England and Wales.* Available at: <https://register-of-charities.charitycommission.gov.uk/charity-search/-/charity-details/503717/governance>
18. *Ironbridge Gorge. World Heritage Centre. UNESCO.* Available at: <https://whc.unesco.org/en/list/371/>
19. *Jackfield Tile Museum.* Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/explore/jackfield-tile-museum/>
20. *Joseph Curtis Medieval church was finally taken apart brick by brick after decades of vandalism... and rebuilt 40 miles away as good as new.* Mail Online. 12.11.2015. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3315277/Vandalised-medieval-church-rebuilt-brick-brick-40-miles-away.html>
21. Kathryn Boardman (2019) *Revisiting Living History: A Business, An Art, A Pleasure, An Education. The Living History Anthology: Perspectives from ALHFAM.* Edited by Martha B. Katz-Hyman, Cliff Jones, Susan J. McCabe, Mary Seelhorst. Routledge. Pp. 13–16.
22. *New build locomotives at Beamish... Beamish transport online.* Available at: <http://beamishtransportonline.co.uk/2020/07/new-build-locomotives-at-beamish/>
23. *Newcomen Engine. Black Country Living Museum.* Available at: <https://www.bclm.co.uk/locations/newcomen-engine/8.htm>
24. *Our plans. Black Country Living Museum.* Available at: <https://www.bclm.co.uk/forging-ahead/our-plans/1.htm>
25. *Remaking Beamish. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/about/remaking-beamish/> (In English)
26. *Rowley Station. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/explore-discover/rowley-station/> (In English)
27. Scott Magelssen (2007) *Living History Museums: Undoing History through Performance.* Scarecrow Press, Inc., Lanham. 207 p.

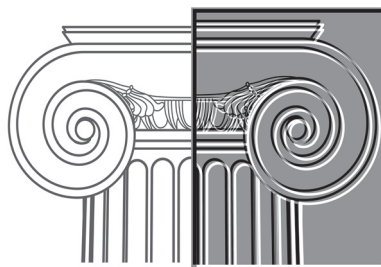
28. *Share your memories of going to the hairdressers in the 1950s! Beamish – the Living Museum of the North*. Available at: <http://www.beamish.org.uk/remaking/news/share-your-memories-of-going-to-the-hairdressers-in-the-1950s>
29. Stacy F. (1998) *Roth Past Into Present: Effective Techniques for First-Person Historical Interpretation*. The University of North Carolina Press. Chapel Hill & London. 272 p.
30. *The Man Who Made Beamish* (1986), BBC Newcastle. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=YwuDCIo4hUU&t=2s>
31. *The story of Joe the Quilter's cottage. Beamish – the Living Museum of the North*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=102U-EMEd3w&t=7s>
32. *What we're all about. Black Country Living Museum*. Available at: <https://www.bclm.co.uk/about.htm>
33. *World Heritage Site. Ironbridge Gorge Museums*. Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/our-story/world-heritage-site/>
34. *1820s Pockerley. Beamish – the Living Museum of the North*. Available at: <http://www.beamish.org.uk/explore-discover/1820s-pockerley/>
35. *1900s Colliery. Beamish – the Living Museum of the North*. Available at: <http://www.beamish.org.uk/explore-discover/1900s-colliery/>
36. *1950s Welfare Hall Opening This Weekend! Beamish – the Living Museum of the North*. Available at: <http://www.beamish.org.uk/remaking/news/1950s-welfare-hall-opening-this-weekend>

References

1. Gilmore H. D., Pine II B. J. *The experience economy: How to turn a shopping into an exciting action*. Moscow, Publishing house “Intellectual Literature”, 2020. 384 p. (In Russ.).
2. *From Darlington to the future*. Available at: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=702127> (In Russ.).
3. Matsson-Popova S. *Sweden in “Tabakerka”*. Available at: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/6119/> (In Russ.).
4. Mironov V. V. *Transformation of culture in the space of global communication*. St. Petersburg, Publishing House of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2019. 60 p. (In Russ.).
5. Nordenson E. In the beginning there was Skansen. *Museum. Ethnographic and open-air museums*. 1993, no. 1 (175), pp. 25–26. (In Russ.).
6. *Dictionary of museum terms*. Available at: <http://www.museum.ru/rme/dictionary.asp?61> (In Russ.).
7. Tikhonov V. V. The practice of founding the ethnographic open-air museums in Russia and other countries. *Transbaikal State University Bulletin*. 2012, no. 9 (88), pp. 3–8. (In Russ.).
8. Engels F. The Position of the Working Class in England. In: Marx K., Engels F. *Collected Works. Second Edition. In 30 volumes, volume 2*. Moscow, State Political Publishing House, 1955. Pp. 231–517. (In Russ.).
9. *About the Beamish tramway system. Beamish transport online*. Available at: <http://beamishtransportonline.co.uk/transport-stocklist/tramway/about-the-beamish-tramway-system/>
10. *Blists Hill Victorian Town. Ironbridge Gorge Museums*. Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/explore/blists-hill-victorian-town/#overview>
11. *Coalbrookdale Museum of Iron*. Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/explore/coalbrookdale-museum-of-iron/#things-to-see>
12. David B. (2016) *Allison Living History: Effective Costumed Interpretation and Enactment at Museums and Historic Sites*. Rowman & Littlefield. Lanham, Boulder, New York, London. 122 p.
13. *Emma Griffin Child labour. Discovering Literature: Romantics & Victorians*. 15 May 2014. Available at: <https://www.bl.uk/romantics-and-victorians/articles/child-labour>
14. Frank Atkinson obituary. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/culture/2015/jan/02/frank-atkinson>
15. Frank Atkinson. *The Man Who Made Beamish. Beamish – the Living Museum of the North*. URL: <http://www.beamish.org.uk/about/frank-atkinson/>
16. *History of Beamish. Beamish – the Living Museum of the North*. Available at: <http://www.beamish.org.uk/about/history-of-beamish/>

17. *Ironbridge Gorge Museum Trust Limited. Charity Commission for England and Wales.* Available at: <https://register-of-charities.charitycommission.gov.uk/charity-search/-/charity-details/503717/governance>
18. *Ironbridge Gorge. World Heritage Centre. UNESCO.* Available at: <https://whc.unesco.org/en/list/371/>
19. *Jackfield Tile Museum.* Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/explore/jackfield-tile-museum/>
20. *Joseph Curtis Medieval church was finally taken apart brick by brick after decades of vandalism... and rebuilt 40 miles away as good as new.* Mail Online. 12.11.2015. Available at: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-3315277/Vandalised-medieval-church-rebuilt-brick-brick-40-miles-away.html>
21. Kathryn Boardman (2019) *Revisiting Living History: A Business, An Art, A Pleasure, An Education. The Living History Anthology: Perspectives from ALHFAM.* Edited by Martha B. Katz-Hyman, Cliff Jones, Susan J. McCabe, Mary Seelhorst. Routledge. Pp. 13–16.
22. *New build locomotives at Beamish... Beamish transport online.* Available at: <http://beamishtransportonline.co.uk/2020/07/new-build-locomotives-at-beamish/>
23. *Newcomen Engine. Black Country Living Museum.* Available at: <https://www.bclm.co.uk/locations/newcomen-engine/8.htm>
24. *Our plans. Black Country Living Museum.* Available at: <https://www.bclm.co.uk/forging-ahead/our-plans/1.htm>
25. *Remaking Beamish. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/about/remaking-beamish/> (In English)
26. *Rowley Station. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/explore-discover/rowley-station/> (In English)
27. Scott Magelssen (2007) *Living History Museums: Undoing History through Performance.* Scarecrow Press, Inc., Lanham. 207 p.
28. *Share your memories of going to the hairdressers in the 1950s! Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/remaking/news/share-your-memories-of-going-to-the-hairdressers-in-the-1950s>
29. Stacy F. (1998) *Roth Past Into Present: Effective Techniques for First-Person Historical Interpretation.* The University of North Carolina Press. Chapel Hill & London. 272 p.
30. *The Man Who Made Beamish* (1986), BBC Newcastle. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=YwuDCIo4hUU&t=2s>
31. *The story of Joe the Quilter's cottage. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=102U-EMEd3w&t=7s>
32. *What we're all about. Black Country Living Museum.* Available at: <https://www.bclm.co.uk/about.htm>
33. *World Heritage Site. Ironbridge Gorge Museums.* Available at: <https://www.ironbridge.org.uk/our-story/world-heritage-site/>
34. *1820s Pockerley. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/explore-discover/1820s-pockerley/>
35. *1900s Colliery. Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/explore-discover/1900s-colliery/>
36. *1950s Welfare Hall Opening This Weekend! Beamish – the Living Museum of the North.* Available at: <http://www.beamish.org.uk/remaking/news/1950s-welfare-hall-opening-this-weekend>

ДИСКУССИОННЫЕ
ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ
КУЛЬТУРЫ

ПРОБЛЕМА МЕТОДА В НАУКЕ О КУЛЬТУРЕ

УДК 001.51:130.2

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-50-68>**С. Л. Гертнер¹, Ю. В. Китов²**

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: gertnerlana@gmail.com¹, e-mail: ykitov@gmail.com²

Аннотация: Статья посвящена одной из интереснейших и сложнейших проблем современной культурологии – проблеме метода. Со времени своего объединения под именем «культурология» существующих в России наук о культуре учёные, представляющие их, ведут дискуссию о методе. Проблематизации подвергаются структура метода, его сущность, связь познающего субъекта с объектом познания, выбор способа изучения культуры и т.д. Авторы статьи анализируют предшествующие, по их мнению, наиболее интересные попытки формулирования метода наук о культуре, показывают их сильные и слабые стороны. Среди рассматриваемых формулировок метода анализу подвергаются теория «куста», парадигмальный подход и другие. Особое внимание уделяется изучению культурфилософской сущности метода наук о культуре, делается вывод в пользу целостности метода, роли используемых исследователем принципов, важности ценностного отношения к изучаемому явлению. Специальное внимание уделяется категории времени как одной из важнейших характеристик культуры и метода её изучения. Авторы высказывают мысль о том, что требование принципа, которому должен следовать культуролог в осуществлении своего исследования, проблематизирует роль технологий и технических средств в изучении культуры. Представляя несомненную ценность для анализа конкретных проявлений культуры, техника оказывается менее важной при характеристике культуры как целого, поскольку не позволяет выделить в ней общие характеристики. Подчёркивается, что современное развитие техники способно внести сложность не только в определение метода наук о культуре, но и поставить имеющиеся определения культуры под сомнение, поскольку изменяет физическую природу человека через такие агломерации, как усиление мышления человека путём вживления в человеческий мозг компьютерных чипов.

Ключевые слова: метод культурологии, человеческое измерение, сущностные силы человека, человеческое содержание.

Для цитирования: Гертнер С. Л., Китов Ю. В. Проблема метода в науке о культуре // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 50–68. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-50-68>

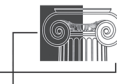
ГЕРТНЕР СВЕТЛАНА ЛЕОНИДОВНА – доктор философских наук, профессор кафедры культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

GERNTNER SVETLANA LEONIDOVNA – DPhil, Professor at the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

КИТОВ ЮРИЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

KITOV YURI VALENTINOVICH – DPhil, Full Professor, Head of the Department of Culturology, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Гертнер С. Л., Китов Ю. В., 2020

PROBLEM OF THE METHOD OF CULTUROLOGY

Svetlana L. Gertner¹, Yuri V. Kitov²

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: gertnerlana@gmail.com¹, e-mail: ykitov@gmail.com²

Abstract: The article is devoted to one of the most interesting and complex problems of modern cultural studies - the problem of the method. Since their inclusion under the name “culturology” sciences existing in Russia, where dedicated to determining its method. Up to the date the structure of the method, its essence, the connection of the cognizing subject with the object of cognition, the choice of the way of studying culture, etc. are subject to problematization. The authors of the article undertook an analysis of the previous, in their opinion, the most interesting attempts to formulate the method of cultural sciences and to discuss their strengths and weaknesses. Among the considered formulations of the method, the theory of the “bush”, the paradigmatic approach and others are analyzed. Particular attention is paid to the study of the philosophical essence of the method of cultural sciences. Such a conclusion derives from the integrity of object under study which influences the method. The role in method determination accorded to the principles used by the researcher, as well as to the importance of cultural axiology. Special attention is devoted to the category of time as one of the most important characteristics of culture and the method of its study. The authors express the idea that the requirement of the principle that a culturologist must follow in carrying out his research problematizes the role of technology and technical means in the study of culture. While it is of undoubted value for analyzing specific manifestations of culture, technology is less important in characterizing culture since it does not allow for broad generalizations. Authors emphasized that the modern development of technology can introduce complexity not only to the definition of the method of cultural sciences, but also could place into question the existing definitions of culture, for it alternates the physical nature of a person through such agglomerations as the strengthening of human thinking by implanting computer chips into the human brain.

Keywords: method of culturology, human dimension, essential human forces, human content.

For citation: Gertner S. L., Kitov Yu. V. Problem of the method of culturology. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 50–68. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-50-68>

Изучение метода культурологии оказывается невозможным с чистого листа, без обращения к базовым понятиям: «Метод от греческого *methodos* – путь исследования или познания, теория, учение, способ построения и обоснования системы философского и научного знания; совокупность приёмов и операций практического и теоретического освоения действительности» [10, с. 358]. Вначале под методом понимается последовательность приёмов практической деятельности человека. Но по мере эффективного участия метода в достижении результата внимание к нему становится всё более пристальным. От простой фиксации приёмов

практической деятельности метод перемещается в область мышления. Многообразие методов и воплощаемая в них систематизация знания повышают его ценность, приводя в дальнейшем к возникновению учения о методе – методологии.

Что касается метода в науке о культуре, то одним из первых обобщающих его толкований следует считать определение, данное в словаре по культурологии: «Методы культурологии – совокупность аналитических приёмов, операций и процедур, используемых в анализе культуры и в определённой степени конструирующих предмет культурологического изучения. Поскольку куль-

турология – интегративная область знания, вбирающая в себя результат исследования ряда дисциплинарных областей (социальной и культурной антропологии, этнографии, социологии, психологии, языкознания, истории и других), анализ реализуется посредством комплекса познавательных методов и установок, группирующихся вокруг некоего смыслового центра «культура и её аспекты», что позволяет переосмыслить многие представления и понятия, существующие в рамках каждой из составляющих дисциплин» [6, с. 46]. Нельзя сказать, что данное определение исчерпывает понимание метода в культурологии, оно, скорее, ведёт к утверждению множественности методов. Однако такое утверждение является не слабостью автора, а стремлением к поиску адекватного культуре, как предмету изучения, способу её анализа, который, по мнению автора, предполагает комплекс познавательных методов и установок, заимствуемых из других дисциплин. В определении также присутствует намёк на то обстоятельство, что заимствованные из других дисциплин методы и установки после их использования в культурологии возвращаются в свои дисциплины обогащёнными знанием о культуре, что в итоге позволяет по-новому взглянуть на представления и понятия внутри своих наук.

Другим, на наш взгляд, не менее значимым обобщением проблемы метода в культурологии является его определение М. С. Каганом и Ю. Н. Солониным: «Очевидно, что выбор методов, или методологических подходов, познания культуры определяется в первую очередь целями, которые стоят перед исследователями, то есть зависит от того, на какие вопросы они ищут ответы: изучаются ли ими функции культуры, её развитие и трансформация или выяс-

няются генезис определённых культурных форм, строение культуры и специфика отдельных её элементов и другое. Выбор методологических подходов в не меньшей степени зависит от того, как исследователи представляют себе природу культуры в её самом общем смысле» [7, с. 60–61]. Ценностью вышеприведённого определения методов познания культуры является факт их связи и даже зависимости от цели исследования. Казалось бы, здесь, как и в известном выражении, «цель определяет средства». Однако если целью исследования выступает культура, то и средства её изучения, в виде которых выступает методологические подходы, испытывают на себе её влияние, то есть становятся средствами понимания культуры, или культурными средствами. Отсюда метод изучения культуры является и средством её осмысления.

В современную культурологию прочно вошла терминология, связанная с парадигмой. Парадигма оказывается настолько значимой для культурологов, что ведёт к тому, что сама культурология рассматривается в качестве научной парадигмы [2, с. 76]. Данное обстоятельство не может не влиять на метод культурологического исследования, в чём есть не только сильные стороны, но и проблемные обстоятельства. Иными словами, в современной культурологии возникает проблема метода.

Недостаточная чёткость в определении метода в сочетании с привлечением большого количества дисциплин, методы которых культурология привлекает для своего анализа, свидетельствует не столько о слабости культурологии, сколько о сложности культуры как объекта познания, а также о стремлении использовать классическую дихотомию субъекта и объекта познания, между которыми помещается метод,

при помощи которого происходит познание субъектом объекта.

Осознав это обстоятельство, ряд учёных, начиная с М. С. Кагана и заканчивая И. В. Кондаковым (имеется в виду исторический интервал, представляемый работами данных учёных от 80-х годов прошлого века до первой декады нынешнего) смогли обратить слабости культурологии в её сильные стороны, сосредоточившись на характеристике уникальности объекта исследования культурологии – культуры. Объекты науки о культуре – миф, религия, искусство и сама наука – являются не только сложными, но и целостными, самостоятельно продуцирующими знание явлениями. Содержащееся в них качество субъектности не может не оказывать влияния на познающего субъекта, воздействуя тем самым на весь процесс познания, делая его другим, нежели в точных науках. Отсюда ответ на вопрос о методе культурологии стал связываться с характеристикой процесса культурологического познания, на которое оказывает влияние объект. Попытка осознания специфики объекта предопределила обращение к культурфилософии Э. Кассирера и его характеристике мифа, религии, литературы, искусства как форм, которые светятся «... не только отражённым светом, но и своим собственным» [4, с. 139], и заключению: «Все эти формы познания мира не есть копия того, что дано нам в ощущении» [2, с. 82].

Вместе с тем все попытки построения методологии культурологии подверглись критике, в том числе и концепция Кондакова, в которой он применяет метафору куста: «Таким образом, культурология стала не просто “кустом” частнонаучных подходов к своему предмету (культуре) – социологического, психологического, этнологиче-

ского, политологического, семиотического, философского, эстетического, экологического и тому подобное, которые в сумме и составляют обобщённое проблемное поле междисциплинарных исследований культуры (Кондаков). Произошёл системный синтез, результат которого представляет собой нечто большее, нежели сумма исходных явлений» [2, с. 78].

Решение проблемы метода А. С. Запесоцкий и А. П. Марков видят в осознании и изложении парадигмы культурологии. Правда, при её построении уже не могут обойтись без Кондакова, используя его мысль о том, что целостность и синкретичность выводят культурологию за скобки научности, видимо понимая под научностью формально-логический метод. Развивая мысль Кондакова далее, учёные считают, что культурология, «... с одной стороны, тесно связана с философией, социологией, политологией и использует соответствующие методы интерпретации культурной реальности, заходя в соответствующие проблемные поля этих наук. С другой стороны, своей антропо- и логоцентричностью культурология является формой гуманитарного знания, тем самым встраивая в свой метод понятийно-логические формы мышления и образно-ассоциативные способы интерпретации и онтологизации мира культуры» [2, с. 83].

Конечное определение метода культурологии авторы излагают в следующей редакции: «Особенность культурологического метода состоит в том, что он, интерпретируя и понимая “текст культуры”, одновременно онтологизирует целостную культурную реальность, выражением и презентацией которой выступает сам текст» [2, с. 83].

Формирование парадигмальной сущности культурологического метода провоз-

глашается закономерной логикой развития культурологического знания, продиктованного объективными условиями, в которых развивалась наука до сегодняшнего дня, когда дальнейшее её развитие оказывается невозможным без новой парадигмы. Культурология требует новой парадигмы как вследствие необходимости осознания этого научным сообществом, которое продуцирует новую онтологию культуры объектами своих собственных исследований, так и вследствие того, что современным рациональным концепциям культуры стал присущ ценностный пафос.

Обращение к проблеме метода в виде, предложенном Запесоцким, Марковым, является, несомненно, интересным, хотя и содержит в себе ряд оснований для критики.

Предлагая искать метод культурологии в парадигме и тем самым экстраполируя в культурологию методы других наук, учёные считают эти методы устоявшимися и определёнными. То есть изначально ставят культурологию в вопросе изучения культуры в зависимое положение от других наук. Тогда в чём состоит необходимость культурологии? Если «куст» методов изучения культуры уже сформирован, методы устойчивы, то культурология может только спекулировать на знании, добываемом другими науками. А отличим её от других наук будет только соединение знаний воедино, то есть роль брокера. Задача выживания культурологии в данном случае будет держать представителей одних наук в неведении о проводимых в других науках исследованиях культуры, превращаясь их тем самым в хедж-фонд, который в условиях рынка разрушает компании и на этом создаёт свой капитал.

Так, понятие метанауки, на котором настаивают учёные, вряд ли применимо к ха-

рактеристике культурологии. Метанаука делает предмет своего изучения языки наук и, находя в них общее, в состоянии что-либо «заклЮчить» о них. Именно благодаря этому качеству можно утверждать, что метанаука заключает в себе нечто общее для всех наук. Однако каждая из наук, к языку которых обращается метанаука, имеет свой предмет исследования, который конституирует их статус, то есть делает их уникальными и, в принципе, возможными. Иными словами, объединяясь в языке, науки различаются своими предметами. У культурологии предмет один – культура. Изучая его, культурология может пользоваться языком других наук, который вырабатывается ими при изучении своих предметов, но значения, которые вкладывают другие науки в свой язык, не только не обязательно совпадают с культурологией, но обязательно с ней не совпадают, именно потому, что они другие, нежели культурология.

Другой проблемой понимания культурологии как метанауки является то обстоятельство, что такое понимание предполагает формализацию содержательного анализа культуры, проводимого другими науками: «Объектом рассмотрения в метатеории оказывается не сама по себе содержательная научная теория, а её формальный аналог – исчисление (формальная система). Подлежащая исследованию в метатеории содержательная теория предварительно подвергается формализации» [10, с. 356]. Отсюда культурология как метанаука о культуре будет не приближаться к содержательному наполнению культуры как своего предмета, а отдаляться от него и в итоге в лучшем случае превратится в семантику культуры: «Метатеория рассматривает различные интерпретации исследуемой формальной системы; эта часть мета-

теории, анализирующая предметную теорию как формализованный язык, называется семантикой» [10, с. 356].

Запесоцкий и Марков подводят под культурологию взаимоисключающие основания: реальность, фиксируемую категорией «культура», и своеобразную метанауку. Дело в том, что первое основание предполагает анализ содержательного массива данных о культуре, с чем соглашаются учёные, говоря о «текстах культуры» как знаниях, полученных в рамках других наук гуманитарного профиля; второе – анализ не содержательной стороны научной теории, а её формального аналога: «Объектом рассмотрения в метатеории оказывается не сама по себе содержательная научная теория, а её формальный аналог – исчисление (формальная система). Подлежащая исследованию в метатеории содержательная теория предварительно подвергается формализации» [10, с. 356]. Выработка адекватного метода для такой науки оказывается проблематичной, если не невозможной, поскольку содержание культуры предполагает один метод для своего изучения, и совершенно другой требуется для анализа форм, в которых культура зафиксирована в других науках. Такое рассуждение лишает культурологию единства метода.

В использовании парадигмального подхода есть ещё одна слабость, которую часто не замечают, – опора на знание, накопленное субъектом, уверенность в котором у него не вызывает сомнения. Субъект конструирует ситуацию, в которой он, образно говоря, имея молоток, видит окружающие его предметы в качестве гвоздей. Такая ситуация в последнее время становится предметом как научных исследований, так и журналистских расследований, касающихся, например, современной научной

медицины: «Узкоспециализирующиеся медицинские работники развили свою версию известного подхода “если у тебя в руках молоток, то всё окружающее видится как гвозди”. Хирурги-кардиологи настолько привыкли использовать стенты – металлические трубки для расширения кровеносных сосудов – что делают это совершенно обыденно даже в ситуациях, когда многочисленные научные исследования свидетельствуют, что такая интервенция является неадекватной и даже опасной. Современные исследования показывают, что кардиологические пациенты имеют больше шансов остаться в живых, если они поступают в больницу во время проведения кардиологических конференций национального масштаба, то есть когда тысячи кардиологов покидают свои больницы; исследование предполагает, что процедуры с вышеуказанным сомнительным эффектом в этот период применяются значительно реже» [12, р. 5]. Перед нами пример не какого-либо злого умысла, а чрезмерной уверенности в правильности метода, который сам по себе очень хорош, но при этом не всегда подходит для достижения цели. В теоретическом смысле перед нами феномен возведения метода в методологию, которая понимается как теория, которую не следует подвергать сомнению. Обычно метод подбирается под цель исследования, когда в нём отражается наиболее адекватный способ её достижения. И правильность метода заключается не столько в том, что он когда-то уже оказался правильным, сколько в том, чтобы он оказался правильным сейчас. Медицина в данном случае выступает довольно показательной областью, так как в ней вероятность того, что что-то может пойти не так, возрастает в связи с тем, что любое хирургическое вмешательство содержит

в себе ряд элементов, до конца непредсказуемых. Данное обстоятельство, например, формирует психологию врача-хирурга, который, в отличие от философа, должен избегать сомнений, а потому врач не только должен быть уверен сам в благоприятном исходе операции, но и транслировать уверенность пациенту. Отсюда всё, что ранее оказалось правильным, оказывается приоритетным. Здесь и возникает абсолютная убежденность в правильности избранного метода лечения. Метод довлеет над врачом. Данный феномен является сферой, где в область научной медицины вторгается действие культурного механизма сакрального танца, исполняемого первобытными охотниками, отправляющимися за зверем, который обеспечивает им психологическую уверенность в удачной охоте.

Другая причина обращения к анализу проблемы метода содержится в наблюдении над формулированием современными аспирантами аппарата культурологического исследования. Каждый, кто когда-либо предпринимал культурологическое исследование, знает, что окончательная формулировка структуры исследования складывается именно не до, а после его выполнения, когда полученные результаты дают возможность взглянуть на корректность вынесенной в название темы, уточнить адекватность её деления на главы и параграфы, а также их окончательные названия. Впрочем, это касается не только культурологии. Можно, конечно, поступить и по-другому: строго придерживаться априорно сформулированной структуры, а если материал, который накапливается в ходе исследования, вдруг начинает «вырываться» за его рамки, просто оставлять его за пределами внимания. Такой подход, разумеется, сохранит структуру, но будет ли он способствовать

адекватному анализу проблемы, отструктурированной априорно? Разумеется, нет. Однако это порой сложно объяснить современным аспирантам, которые обращаются к окончательному «апостериорному» формулированию не только структуры работы, но и методов исследования. И если первое не только допустимо, но и желательно, то второе – обращение к осмыслению того, какие же методы были использованы в работе, – вряд ли может быть одобрено. Предмет диктует метод своего исследования, и до того, как взяться за работу, нужно определить структуру или эволюцию, а может быть и то, и другое, следует анализировать, чтобы достичь цели, но не после.

Ещё одним обстоятельством актуализации проблемы метода выступил тот факт, что современное развитие техники и технологий открывает перед культурологией возможности более глубокого проникновения в сущность своего предмета, а значит, не может не оказывать влияния на исследовательский метод. И если строительство коллайдера даёт возможность более полно представить, что такое «чёрные дыры» в физике, то какие технические изобретения и как в состоянии повлиять на методы науки о культуре?

Наиболее значимым явлением в развитии современной техники является роботизация, которая сегодня не только обуславливает производство вещей, но и движется за его пределы, в сферы социального и культурного взаимодействия людей. При этом движение становится настолько очевидным, что социокультурные последствия роботизации отмечаются не только специалистами в области социокультурной деятельности, но и, что примечательно, учёными и практиками в области экономики и финансовой деятельности. Так, министр финан-

сов Греции эпохи её переговоров с Евросоюзом о реструктуризации долгов Янис Варофакис отмечал, что роботизация создаёт новую не только экономическую, но и социокультурную реальность, когда люди, не выдерживающие соперничества с роботами в производстве вещей, выбрасываются на улицу, а занимающие их место роботы производят вещи, которые им не нужны. Эти вещи нужны людям, которые не могут их себе позволить, поскольку были заменены роботами.

Социально-культурные последствия в виде неравноправия и бесчеловечности оказываются реальным результатом технологической революции в классовом обществе. Используя известную метафору К. Маркса о технологической мощи капитализма, в которой Маркс сравнивает его появление с магическим обрядом колдуна, вызывающего силы нижнего мира, которые колдун не в состоянии контролировать, Янис Варофакис пишет: «Колдун всегда будет воображать, что его приложения, поисковые системы, роботы и генетически модифицированные семена принесут богатство и счастье всем. Но, будучи выпущенными в общества, разделённые на наёмных рабочих и владельцев, эти технологические чудеса поднимут заработную плату и цены до уровней, которые создадут низкую прибыль для большинства предприятий. Только крупные технологии, большая фармацевтика и несколько корпораций, обладающих исключительно большой политической и экономической властью, в такой ситуации оказываются в выигрыше» [15, р. 2].

Что в данном случае современное развитие техники и технологий сообщает культурологическому методу, где в качестве его предмета выступает культура? По нашему мнению, нечто неизмеримо большее, неже-

ли возможность дистанционного наблюдения за животными, в поведении которых можно увидеть черты социальности, чтобы, сопоставляя её с человеческой социальностью, сделать вывод о присущности культуры не только человеку. Культурологическая актуальность современных технологий состоит не столько в том, что они сокращают человеку дистанцию между ним и наблюдаемым объектом, сколько в том, что они сообщают ему ответственность за его действия. Так, сегодняшнее движение технологии в военную область уже не просто усиливает броню танков или увеличивает высоту воздушного потолка самолётов, но проникает в элементы управления военными системами, в которых ранее присутствовал только человек. А в последнее время грозит вытеснить человека вообще из управления военными системами, заменив его искусственным интеллектом, внедряемым непосредственно в оружие. Именно поэтому современные борцы за мир своей целью ставят уже не только предотвращение войны, но и, в случае её развязывания, обеспечение человеческого участия. Генри Макдональд, рассказывая о кампании по запрету роботов-убийц, приводит данные о 26-ти главах государств и 21-м Нобелевском лауреате, которые выступили с требованием необходимости человеческого контроля над военными системами для определения пропорциональности атак и возможности возложения вины за военные преступления [13, р. 3]. Складывается парадоксальная ситуация, суть которой состоит в том, что если войну не удалось предотвратить и она уже началась, то нужно попытаться сохранить не только людей, подвергшихся агрессии, но и агрессора, чтобы иметь возможность в последующем возложить на него нравственную вину за преступления.

Агрессор в данном случае должен предстать в человеческом облики, какими бы бесчеловечными не были бы его действия. Именно это требование – наличие человека – даёт возможность возложения ответственности за деяния, измерение которых и определяется человеком, и накладывается на него. То есть война в данном случае приобретает человеческое измерение.

Конечно, можно согласиться с тем, что наблюдения за поведением животных оказывают влияние на развитие культурологического метода. Утверждать обратное – значит ставить под сомнение, например, приматологию, которая традиционно входит в состав антропологии как науки о культуре, практикуемой на современном Западе. Однако эвристическая нагруженность культурологического метода в данном случае оказывается ценностно нейтральной и количественной. Культурологические исследования, направленные на изучение технологии в виде искусственного интеллекта, являются ценностно нагруженными и качественными, сообщающими явлению и действию человеческое измерение в виде ответственности за него. В связи с этим дальнейшее привлечение технологии для прояснения сути культурологического метода оказывается значимым не в случае её (технологии) использования для сокращения физического расстояния до изучаемого объекта, а в качестве основания ценностной связи с ним.

Поскольку ценности предполагают не только объект, но и отношение к нему, то дальнейшее проникновение в специфику культурологического метода не может не затрагивать субъект культурологического познания.

Каково влияние субъекта на метод? Может ли человек, изучая культуру, кото-

рая является «человеческим содержанием» предметов и явлений, включать в метод человеческое содержание или человеческое измерение? Или по-другому – может ли человек изначально включать в метод, наряду с объектом, на который он направлен, отношение к объекту, которое задаётся субъектом?

Следует отметить, что субъект познания влияет на метод не только в культурологическом познании, но и в познании вообще. Это связано с тем, что познающий субъект выбирает метод познания, который наилучшим образом позволяет достичь познавательной цели – познать объект. Однако культурологическое познание связывает субъект с методом не только на уровне его выбора (избирательности) или в процессе познания, но и до познавательного акта как такового предобъектным образом. То есть культуролог оказывается связанным с методом познания объекта ещё до появления объекта и обретения им такой характеристики, как противостояние субъекту познания. Такая возможность возникает как раз в связи с присущим культурологии ценностным отношением к объекту. Как известно, природа ценности имеет субъективно-объективный характер. То есть объект, для того чтобы выступить в роли ценности, должен содержать в себе значимость для субъекта. Она задаётся, с одной стороны, объективными, независимыми от субъекта качествами, а с другой – качествами, которыми его наделяет познающий субъект. Если по-другому, то объект как ценность оказывается возможным благодаря ценностному отношению между ним и субъектом, способным оценить его. Уже одно это обстоятельство заставляет предьявлять к тому, кто обращается к культурологическому методу познания, требования облада-

ния ценностями. Однако роль субъекта выходит за пределы и такой характеристики. Например, в случае, когда в качестве объекта познания выступает красота. Красота относится к ценностям по основанию того, что оказывается возможной только вследствие взаимодействия человека с объектом, который потенциально содержит в себе возможность называться красивым. Эстетики выделяют среди таких возможностей симметрию, гармоничное соотношение части и целого и т.д. Однако только субъект в состоянии превратить потенциальность качеств предмета в реальность его красоты. В действительности встречаются случаи, когда ценностное отношение не только связано с познавательным в процессе познания, но и, в принципе, творит объект, создаёт его. Если по-другому, то ценностное отношение в едином акте связывает познание и создание объекта. В качестве примера можно привести красоту, которой обладает полевой цветок. Красота цветка возникает по другим основаниям, нежели красота скульптуры, картины или музыкального произведения. Для последних важным является то, что камень, холст и краски, звуки выступают привлекательными для художника по основанию их гармоничности. Они отбираются из пула средств, способных к созданию красоты по своим объективным качествам: структуре, пластичности, благозвучности. В случае с цветком он является не материалом, а произведением. Человек, наделяя его красотой, делает его прекрасным объектом. Цветок нравится человеку не в связи с тем, что из него можно сделать прекрасный объект, а с тем, что он уже является таковым. Однако обретение качества красоты приносится цветку человеком. Человек из массы цветов выбирает тот, который, по его мнению, содержит кра-

соту. Этот выбор и создаёт цветок как объект. Отсюда объектность цветка является не следствием его противостояния человеку в процессе познания, а оказывается возможной в результате познавательного процесса. Метод в данном случае – это способ взгляда на мир с позиции красоты, которая придаётся цветку, извлекаемому из природы человеком в познавательном процессе. В некотором смысле можно сказать, что специфика культурологического метода состоит в том, что каждый из его объектов является интенциональным. Однако если интенциональный объект предполагает интеллектуальную основу своего возникновения, то интенциональность культурологического объекта имеет ценностную природу и соединяет в акте возникновения объекта интеллектуальную, эмоциональную и ценностную составляющие.

Проблема отношения, которое необходимо учитывать при выборе метода, выдвигает проблему принципа. Без обладания принципами оказывается невозможным ценностное отношение. Один из центральных принципов культурологии, которым она обладает вследствие отражения фундаментального принципа культуры, является гуманизм. Принцип гуманизма является главенствующим, поскольку обладание им как раз и отличает человека не только от животных, но и от человекоподобных роботов, поскольку ни инстинкты, ни искусственный интеллект принципом гуманизма руководствоваться не в состоянии. Проблема принципа оказывается важной в построении культурологического метода в связи с тем, что, как отмечалось выше, культуролог не только отражает изучаемый им объект, но и создаёт его. Так, например, изучение мифа и искусства оказывается невозможным без принятия того обстоятель-

ства, что ни первый, ни второе не имеют независимого от человека существования. Их культурологический анализ оказывается возможным вследствие принятия их природы в результате надления человеческими качествами окружающего человека мира (миф) или принятия онтологии художественной реальности как результата человеческого воображения. Отсюда специфика культурологического метода оказывается зависимой от того, какие из предметов материального мира и предметов, созданных человеком, имеют право быть включёнными в культуру. Можно ли поставить знак равенства между произведением, наделяющим душу дерево или животное, в результате чего удаётся сохранять экологическую составляющую культурного сознания, и нейтронной бомбой как произведением человека, в результате которого сохраняются деревья и животные и исчезает человек? Можно ли всё произведённое человеком считать культурой только по основанию того, что оно произведено человеком? Нет ли в отнесении к культуре одновременно и «гильотины», и «сонаты Бетховена» игнорирования принципа гуманизма, которое впоследствии, сказавшись на методе, лишит его человеческого содержания? На наш взгляд, принцип гуманизма – безусловная составляющая построения метода науки о культуре, который оставляет за скобками рассмотрения не только гильотину и нейтронную бомбу, но и концентрационный лагерь и иные изобретения как античеловечные объекты, подрывающие сущность человека, антигуманность которых становится видимой при построении метода их изучения, основанного на принципе гуманизма.

Принцип гуманизма позволяет уточнить границы использования технологии при построении метода изучения культу-

ры. Как уже отмечалось выше, современные методы дистанционного наблюдения за животными дают возможность более полного понимания их социальной организации и сравнения её с социальной организацией человеческого общества, а значит, и его культуры. Вместе с тем дистанционное наблюдение над животными даёт возможность развития только компаративного метода, так как позволяет взглянуть на человеческое общество со стороны органического, в данном случае животного, мира. Репрезентативность информации, полученной в итоге, вряд ли способна серьёзным образом повлиять на культурологию как науку о человеке, поскольку культура является той характеристикой, которая отличает человека от животного не по явлению, но по сущности. Репрезентативность использования технических средств дистанционного наблюдения за животными тем не менее способна проявиться в том, как человек относится к животным, и факт, например, того, что их социальная организация является близкой к человеческой, в состоянии приобрести культурологическое значение в виде нравственной оценки, продуцирующей более гуманное отношение к животным, но не в состоянии наделять их гуманизмом. Таким же образом нейробиология в состоянии предоставить человечеству данные о том, что животные, так же как и человек, испытывают боль, поэтому эти данные в состоянии повлиять на отношение человека к животному. Так, современные исследования, устанавливающие факт того, что морские животные, так же как и человек, испытывают боль, позволяют в новом свете взглянуть на гуманность возобновления Японией промышленной добычи китов и этически оценить факт возобновления добычи уже не со стороны экономической, а культурно-нравственной.

Обратимся к истолкованию метода культурологии с философских оснований.

Насколько бы по-новому ни звучала методология новой культурологической парадигмы, основанной на концепции Т. Куна и апофатически (отрицательно) связанной со всей предыдущей методологией культурологии, она не свободна от обыкновенного философского понимания связи объекта с субъектом, а именно – того обстоятельства, что объект задаёт и диктует логику своего понимания.

Несмотря на критику философского метода не только Запесоцким и Марковым, но и Л. Уайтом, нам представляется очень полезными для дальнейшей дискуссии о проблеме метода именно погружение во всеобщую жизненную реальность и попытка решения выдвигаемых современной действительностью проблем через поиск их общего решения. Это диктуется культурной универсальностью вместо культурного релятивизма, экологической катастрофой вместо проблем с выбросами диоксида карбона, объективным ограничением использования «грязных» технологий, а не субъективным, санкционным ограничением экономического развития России или ограничением рождаемости для Африки. Если культура – это то, что отличает человечество от животных, то задача современной науки о культуре заключается уже не в заимствовании метода у политологии, экономики, социологии, а в предоставлении своего знания политике, экономике, юриспруденции, и не для выработки новой онтологии для придания их методам культурной обусловленности понимания той реальности, в которой живёт человечество сегодня.

В основе метода культурологии лежит человеческое измерение, благодаря ему рождается культура, только с ним она останется

жить или исчезнет. Обусловленность культуры человеком имеет свои сильные и слабые стороны. Сильная – в неординарном мышлении (не только логическом, как у машины), слабая – в обусловленности всего человеческой физичностью. Например, Илон Маск говорит об истребителе, управляемом роботом, который выиграет у человека из-за того, что робот имеет другую физическую определённость. Поэтому ответ на метод – это поиск общего в культуре, свойственного всем людям.

Специфику философского наполнения метода культурологии следует искать не только в способе решения проблемы культуры, но и в человеке, избирающем способ. Например, решение математической задачи другим способом не меняет математического наполнения метода – решения задачи на основе формальной логики. Однако сама возможность использования другого формально-логического способа есть метод, свойственный человеку, основания для которого следует искать не в логике окружающей человека природы, а в культуре человека. Так, использование новейшего процессора M1 компанией Apple, включающего самые передовые наработки в области искусственного интеллекта, не в состоянии вывести человека за пределы принятия фундаментальных решений в работе с компьютером. Это проявляется в том, что даже для перехода на новый процессор Apple нужна «розета», то есть созданный человеком коридор перехода. Более того, решение любой задачи, приносящей пользу всему человечеству, оказывается возможным только тогда, когда оно насыщено человеческим содержанием, то есть когда в нём проявляется что-то «человеческое»: слабость, приверженность ценностям и принципам, но не от-

странённость и логическая и рациональная непогрешимость. Поэтому метод – это возможность выявить и раскрыть не то, что скрывает человеческое, а то, что его раскрывает, то есть делает человека понятным, отличным от машины, отличным от других, но не от человеческого вообще, то есть от общего, свойственного всем людям.

Существующие в философии попытки оградить общее от наслоения жизненных реалий, когда речь шла о такой составляющей культуры, как красота, оказывались в итоге абстрагированием не от общего, свойственного всем людям, а от его отягощения «некультурным»: выгодой, пристрастием, предубеждением. Именно в этом видел И. Кант освобождение суждения вкуса от интереса [3, с. 71–73].

Однако для прояснения философской сущности культурологического метода путём избавления его от выгоды и пристрастия не следует освобождать его от субъекта как носителя интереса. Необходимо освободить субъекта от некультурного интереса. Для учёного-культуролога в ориентации на метод оказывается важной опора на культурные интересы, «чистота которых» предполагает культуру, а не выгоду, продвижение по службе, желание угодить начальнику или соответствие проводимой политике. Элемент ошибки в таком случае будет диктоваться культурным ядром ценностной системы, а значит, идеальными образцами, предельными категориями, или, если применить общее определение, культурфилософской значимостью интересов исследователя. В оппозиционном случае ошибка будет диктоваться «более сильным стремлением коммуницировать свои доказательства, когда учёный знает, что он предоставляет информацию, которую политики желают слышать» [14, р. 2].

Суть философской составляющей культурологического метода состоит в том, что философы видели в опережающем отражении. Два возможных пути этого отражения представлены П. Флоренским и П. Копниным. И тот, и другой искали отличительные особенности метода познания, который охватывал бы изучаемое явление в его целостности. Если Флоренский конструировал целостность метода, выводя его из бытия, то Копнин – из мышления. При этом, пользуясь философской терминологией, касаемой основного вопроса философии, первый был идеалистом, второй – материалистом. Так, считая источником целостного познания не разум, а сердце, с познанием сердцем Флоренский связывал целостное познание с пресуществованием и пресуществованием. И то, и другое раскрывается через воплощение познающего в бытии, что позволяет познать «высшую реальность»: «Другими словами, “предсуществование” было знаменем известной рассудочной теории, для которой Церковь, душа и т.д. были не более как предшествующими миру плотскими же данностями, либо символом духовного переживания, отрывающего в Церкви, в личности и т.д. высшую сравнительно с тленным обликом мира сего реальность» [11, с. 277]. И далее: «Полнота в единстве, полнота целостная для рассудка, – как было сказано, – лишь постулируется. Но условием интуитивной данности постулата является укрощение своей рассудочной деятельности и выход в благодатное мышление восстановленного, очищенного и воссозданного человеческого естества» [11, с. 148]. Такое понимание метода связано с тем, что человек воплощается в бытии целостно не только разумом. Для того чтобы ощутить полноценность бытия, в нём нужно присутствовать целостно. Естественно, что такая це-

лостность возможна в постижении не только разумом. Можно предположить, что Флоренский с «познанием сердцем» связывает чувственное познание, вернее, соединяет чувственное с рациональным. И несмотря на то, что философ не использует при характеристике метода познания культурологическую терминологию, вполне можно предположить, что целостность такого метода обеспечивается культурной природой человека.

Копнин связывал целостность познания с идеей, которая давала не только данность вещи, но и её возможность, или не только тем, чем вещь является сейчас, но и чем она может стать во времени. Для познания будущего вещи учёный даже предлагает воображаемую логику: «Воображаемая (неаристотелева) логика не является чисто рациональной наукой, какой является, по мнению Н. А. Васильева, металогики, а эмпирической, но она идеальна в том смысле, что мы не знаем того мира, орудием познания которого она является, мы идеально предполагаем, строим этот мир, то есть воображаемая логика занимает такое же положение в другом мире, скажем, на другой планете, с другим устройством как самих вещей, так и психики мыслящих существ, какое занимает наша аристотелева логика в нашем мире. Не зная этого мира, мы можем точно сказать, каким этот мир должен быть, чтобы воображаемая логика могла быть орудием его познания» [5, с. 414–415].

В поисках ответа на вопрос о методе науки о культуре мы указывали на диктуемую объектом – культурой – необходимость связи с субъектом познания. Однако вывод о связи объекта с субъектом выводился из характеристик объекта как светящегося не только отражённым светом, но и своим собственным. Однако связь объекта с субъектом как характеристика философского

метода познания может быть постулирована и по другому основанию – путём выведения из познания. Именно в этом видит сущность философского метода познания культуры В. Межуев: «В идее объект представлен со стороны своей связи с субъектом; иными словами, идея есть рационально выраженный субъективный смысл объективно существующей вещи, создаваемый не её телесными, природными свойствами, а её отношением к иному – неприродному – миру, к миру человеческой субъективности.

В самой по себе вещи нет никакого смысла. В своей самотождественности она есть природа, равнодушная ко всему, что выходит за её пределы. Вещь наделяется смыслом, когда перестаёт быть равной себе, становится знаком, символом неприродного – божественного или человеческого – мира» [9, с. 16–17].

Межуев считает, что философ в вещах интересуется не их «... природная данность, а их человеческая значимость, их человеческий смысл. Способность вещи излучать из себя такой смысл (точнее, способность человека наделять её им) и превращает её в предмет культуры. Философ обладает умением “видеть” этот смысл, выражать его в идее. Тем он и отличается от учёного, для которого вещи существуют в их объективной данности, то есть вне связи с познающим их человеком. Отсюда не следует, что подобная связь отсутствует в науке, но она открывается опять же не учёному, а философу, стремящемуся вписать науку в мир культуры» [9, с. 17].

Всё вышеизложенное свидетельствует о том, что для понимания культуры как целостности опора на метод, основанный лишь на понятии, без включения в процесс познания идеи, оказывается недостаточным. Тем самым оказывается недостаточной

и культурология только как гуманитарная наука. Базируясь на изучении метода, дающего целостное представление о культуре, культурология оказывается недостаточной без культурфилософского метода: «... для культурологии главным является познание предмета, установление соответствия между его свойствами и знанием о них. Этим объясняется развитие культурологии как установления новых, ранее неизвестных свойств и качеств предмета, открывающихся человеку в связи с применением к их анализу новых открытий науки, новых технологий и технических средств. ... Философия культуры – это использование философского метода для изучения культуры, а значит, сочетание науки и мировоззрения. Философия культуры направлена не только на установление адекватности предмета знанию о нём, но и на установление, придание предмету его смысла для человека» [1, с. 127–128].

Вышеизложенные характеристики познания, вовлекающие в себя идею, что придаёт такому познанию философский характер, являются не единственным путём постижения целостности культуры. Это связано с тем, что осуществление познания на основе идеи, в отличие от познания, основанного на понятии, тем не менее отвечает на вопрос о том, как происходит познание. Поскольку философское познание отвечает на вопрос «почему», дальнейшее определение философского содержания метода познания культуры разворачивается по пути ответа на вопрос: почему культура нуждается в познании? Межуев, отвечая на данный вопрос, привлекает категорию времени и считает, что культура нуждается в философском познании в связи с тем, что она оказывается предметом философии до того, как в познание культуры вовлекается наука: «Изначальное тождество европейской

культуры с философией объясняет лишь то, почему именно философия стала исторически первой формой знания о культуре, опередив в этом знание научное» [9, с. 16]. Не подвергая сомнению аргументацию учёного, подчёркнем лишь то, что целостность для европейской культуры имела структурную определённую, о чём говорит, например, механистический материализм. Именно благодаря развитию науки – механики – Ж. О. Ламетри создаёт философию, которая предлагает постигать целостность явлений в виде охвата всех составляющих их частей, наподобие того, как необходимо иметь представление обо всех шестерёнках машины, чтобы понять, как она работает. Однако это обстоятельство приводит философа не только к выводам о приоритетности естественно-научного знания над гуманитарным, но и об абсурдности человеческих состояний, имеющих в своей природе иные причины, кроме естественно-научных: «Они (врачи. – С. Г., Ю. К.) знают, что им предпринимать, имея дело с природой человека; скажу мимоходом, что из двух врачей лучшим и заслуживающим наибольшего доверия всегда будет, по моему мнению, тот, кто больше опирается на физику или механику человеческого тела и, предоставляя невеждам вопрос о душе и беспокойство, вызываемое этой химерой, серьёзно занимается только чистым естествознанием» [8, с. 220].

Предоставим психиатрам формулирование аргументов о том, что душевные болезни человека оказываются для него не менее чувствительными, нежели физические увечья. Отметим только, что естественно-логические основания науки, в случае принятия таковых в качестве единственных, оставили бы без работы не только всех философов культуры, но и самого Ламетри, если бы человечество не смогло двинуться

дальше во времени, оставляя позади механистическое понимание мира.

Действительно, постижение целостности на основе постижения частей позволяет вскрыть структуру предмета или явления, однако целостность имеет не только структурную определённую, но и системную. Система оказывается всегда чем-то большим, нежели количество элементов, из которых она состоит. В системе появляется качество, связанное не только с пространственной определённой или количеством элементов, но и с длительностью их функционирования, – качество времени. Следовательно, познание, в основе которого лежит вопрос «почему», предполагает нацеленность на знание, предоставляющее субъекту возможность не просто комфортного функционирования в пространстве, во внешней среде, то есть не для развёртывания своих сущностных сил в пространстве, а для обретения гармонии со своим внутренним миром, с самим собой, для оставления следа о себе, а значит, развёртывания своих сил во времени. Для оставления о себе следа во времени возникает необходимость соответствовать лучшим тенденциям времени настоящего, своеобразным росткам будущего времени в настоящем, а значит, предельным требованиям, которые предъявляются человеку в виде идеала. Идеал, в свою очередь, поскольку выражает не пространственные требования, предполагающие заполнение вещами, деньгами или объектами недвижимости, а качественное измерение, в терминах Э. Фромма, полагает «не иметь, а быть». Данное бытие раскрывается как бытие нравственное, эстетическое, экологическое, художественное, религиозное, возведённое в идеал и обладающее целостностью системного характера, несводимого к только к одному элементу, где в качестве выра-

жения всей целостности выступает культура. Эта целостность подвижного характера. В каждый исторический период какие-то из составляющих данную целостность элементов актуализируются, приобретают критический характер в зависимости от доминирующего в обществе идеала того, каким должен быть человек. В античную эпоху единство нравственного и прекрасного было выражением сущности человека, подлежащей трансляции во времени. В Средние века – стороной, вырывающей человека из пространства, была его связь с Богом. Затем даже возвращение к земному осуществлялось через неземные качества красоты, знания, искусства и т.д. Сегодня категория времени оказывается настолько значимой, что идеалом настоящего выступает будущее время. Именно действия во имя будущего определяют идеал человека, потому что не позволяют сохранить собственную целостность без целостности планеты, оберегая её от войны, экологической катастрофы, безнравственности, безобразия и безверия. Будущее требует от человека усилия, однако не для того, чтобы не уступить в межвидовой борьбе, как на заре своего развития, а в борьбе с бездуховным техническим и рациональным, которое без чувственного оказывается способным лишь к порождению всё новых противоречий: «... возможности разума и рационального знания, как показал XX век, ограничены. Его высшая форма достижений – понимание противоречивости бытия и отражающего его знания: разрешая очередное противоречие, разум неизбежно упирается в следующее, и так до бесконечности» [2, с. 82].

Однако здесь требуется уточнение: то, в чём авторы видят несовершенство рационального способа познания, является не демонстрацией слабости познания, а доказа-

тельностью сложности познаваемого, которое в своей качественной сущности содержит бесконечность. Бесконечность противостоящего человеческому познанию мира не только задаёт проблему человеческого познанию, но и создаёт основы для его бесконечного совершенствования и развития. Человек обязан самой возможностью своего развития бесконечной сложности познаваемого мира. Именно познавая, человек реализует свою бесконечность там, где достигает пределов в своём физическом развитии. Физическая определённости задаёт конечность человеку, его интеллектуальное развитие сообщает человеку бесконечность. Само понятие бесконечности содержит в себе качество совершенства. Бесконечность раскрывается конкретному человеку как его единичное несовершенство, предполагающее постоянное совершенствование человечества как общего. В условиях бесконечной сложности, составляющей основу совершенства мира, определение культурологического метода как «цементирования культурологической парадигмы» путём «онтологизации целостной культурной реальности» может осуществляться только за счёт упрощения, а значит, отказа от совершенства. Ведь если культуролог, применяя метод, онтологизирует реальность, тогда какое отношение к её созданию имеет художник, поэт, писатель? Метод не создаёт реальность, но позволяет её понять. Из бесконечности реальности для культуролога метод позволяет сосредоточиться на той, которая обладает нравственной, эстетической, художественной, экологической, религиозной целостностью в её стремлении к идеальному. Её отличительной особенностью является сложность и изменчивость, в которой культурологу удаётся зафиксировать только конфигурацию, совпадающую с его временем.

В цементировании парадигмы и онтологизации культурологом реальности содержится ещё одна опасность – изъятие культурологии из процесса бесконечного совершенствования метода как попытки адекватного отражения бесконечного совершенствования культурной реальности. Поскольку бесконечность, как и время, является философской категорией, то это означает ещё и отказ в обусловленности метода культурологии философским содержанием, или изъятие у культурологии философского характера. Отсюда для культурологии движение и достижение целостности есть процесс, который затрагивает её стремление к приведению к гармонии структуры познания, приведению её в соответствие с бесконечно изменяющимся миром культуры.

Метод культурологии не онтологизирует реальность, а создаёт условия для её познания. Познания реальности создаваемой субъектом культуры. В процессе познания культуролог связывается с реальностью своей субъектности, как человек, направляющий процесс познания на культурную реальность. Именно здесь проявляются его качества как субъекта культурного познания. Целостность культуры диктует целостность методу познания, который изменяется с изменением культуры. То есть в методе должна содержаться адекватность познаваемому объекту. Он должен вмещать в себя возможность эстетического, нравственного, экологического, религиозного познания для того, чтобы познавать целостность культуры. Культура подлежит изучению, потому что она является данным в настоящем продуктом предельного воплощения человеком своих сущностных сил в его стремлении к идеалу, которую человек транслирует во времени.

Список литературы

1. Гертнер С. Л. Культурные интересы современной российской региональной элиты : реальность, субстанциональность, транзитивность : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры : диссертация на соискание учёной степени доктора философских наук / Гертнер Светлана Леонидовна. Москва, 2010. 332 с.
2. Запесоцкий А. С., Марков А. П. Современная культурология как научная парадигма // Вопросы философии. 2010. № 8. С. 76–87.
3. Кант И. Критика способности суждения : [перевод с немецкого] / [вступительная статья А. Гулыги, с. 9–35]. Москва : Искусство, 1994. 365,[2] с. (История эстетики в памятниках и документах).
4. Кассирер Э. Критический идеализм как философия культуры // Культурология. XX век : Антология. Москва : Юрист, 1995. С. 134–155.
5. Копнин П. В. Диалектика. Логика. Наука. Москва : Наука, 1973. 463 с.
6. Культурология XX век : энциклопедия : в 2 томах / главный редактор С. Я. Левит. Санкт-Петербург : Университетская книга, 1998. Том 2. 447 с.
7. Культурология : учебник / под редакцией Ю. Н. Солониной, М. С. Кагана. Москва : Высшее образование, 2005. 566 с.
8. Ламетри Ж. О. Сочинения. Философское наследие : ФН Т. 88 / [общая редакция, вступительная статья и примечания В. М. Богуславского]. 2-е издание. Москва : Мысль, 1983. 507, [2] с.
9. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. Москва : Прогресс-Традиция, 2006. 408 с.
10. Философский энциклопедический словарь / [подготовили А. Л. Грекулова и др.] ; редколлегия : С. С. Аверинцев и др. 2-е издание. Москва : Советская энциклопедия, 1989. 814, [1] с.
11. Флоренский П. Столп и утверждение истины : Опыт православной теодицеи. Москва : АСТ, 2003. 640 с.
12. Clarke C. (2019) Generalize, don't specialize why focusing too narrowly is bad for us. *The Guardian*. July 12, pp. 1–10.
13. McDonald H. (2019) Campaign to stop 'killer robots' takes peace mascot to UN. *The Guardian*. March 20, pp. 1–5.
14. Sodha S. (2020) Bias in 'the science' on coronavirus? Britain has been here before. *The Guardian*. July 23, pp. 1–7.
15. Varoufakis Ya. (2018) Marx predicted our present crisis – and points the way out. *The Guardian*. April 20, pp. 1–12.

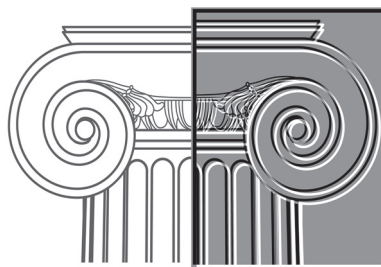
References

1. Gertner S. L. *Cultural interests of the modern Russian regional elite: reality, substantiality, transitivity*. Dr. philos. sci. diss. Moscow, 2010. 332 p. (In Russ.).
2. Zapesotskii A. S., Markov A. P. Modern culturology as scientific paradigm. *Voprosy Filosofii [Problems of philosophy]*. 2010, no. 8, pp. 76–87. (In Russ.).
3. Kant I. *Criticism of the ability to judge*. Moscow, Art Publishing House, 1994. 365 p. (In Russ.).
4. Cassirer E. Critical idealism as a philosophy of culture. In: *Culturology. XX century: Anthology*. Moscow, The Publishing Group "Jurist", 1995. Pp. 134–155. (In Russ.).
5. Kopnin P. V. *Dialectics. Logics. Science*. Moscow, Akademizdatcenter "Nauka" RAS, 1973. 463 p. (In Russ.).
6. Levit S. Ya., ed. *Culturology. XX century. V 2 volumes, volume 2*. St. Petersburg, University Book Publishing House, 1998. 447 p. (In Russ.).
7. Solonin Yu. N., Kagan M. S., eds. *Culturology*. Moscow, Vysshaya Shkola Publishers, 2005. 566 p. (In Russ.).
8. La Mettrie J. O. *Works. Philosophical heritage*. 2nd edition. Moscow, Mysl Publishers, 1983. 507 p. (In Russ.).
9. Mezhuев V. M. *The idea of culture. Essays on the philosophy of culture*. Moscow, Publishing House "Progress-Tradition", 2006. 408 p. (In Russ.).

10. Averintsev S. S. et al., eds. *Philosophical encyclopedic dictionary*. 2nd edition. Moscow, State Scientific Publishing House “The Soviet Encyclopedia”, 1989. 814 p. (In Russ.).
11. Florenskii P. *The pillar and the statement of truth: experience of orthodox theodicy*. Moscow, Ast Press Publishing House, 2003. 640 p. (In Russ.).
12. Clarke C. (2019) Generalize, don't specialize why focusing too narrowly is bad for us. *The Guardian*. July 12, pp. 1–10.
13. McDonald H. (2019) Campaign to stop 'killer robots' takes peace mascot to UN. *The Guardian*. March 20, pp. 1–5.
14. Sodha S. (2020) Bias in 'the science' on coronavirus? Britain has been here before. *The Guardian*. July 23, pp. 1–7.
15. Varoufakis Ya. (2018) Marx predicted our present crisis – and points the way out. *The Guardian*. April 20, pp. 1–12.

*

ЭСТЕТИКА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЛУЖАЩИЙ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ: В ПОИСКАХ ОБРАЗА

УДК 35.08+7.01

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-70-83>

О. Н. Астафьева¹, О. В. Шлыкова²

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация, e-mail: onastafieva@mail.ru¹, e-mail: olgashlykova@yandex.ru², ORCID: 0000-0002-2568-3624²

Аннотация: В статье поднимаются актуальные вопросы формирования образа государственного служащего в современной культуре России. Дискуссионный дискурс авторы разворачивают вокруг проблемы противопоставления точек зрения относительно приоритета рационального управленческого подхода как умения управлять и обладать профессиональными компетенциями в области эффективности действий и принятия решений над общекультурными компетенциями. Акцент делается на культуросцентристской доминанте, поскольку образ включает этическую и эстетическую компоненты и во многом определяется уровнем нравственности и общей культуры личности, знанием административной этики и правовых норм. При этом авторами предпринята попытка отразить поиски интегрального смыслового единства в понимании художественных текстов культуры и искусства в отношении репрезентации образа государственного служащего: кто, как, зачем и с какой целью конструирует образ чиновника в культурном пространстве, в разных видах искусства – в кино, литературе. Отмечается, что известные драматурги и поэты, писатели и кинематографисты, просто зрители и читатели признают сложность работы над образами государственных служащих и интерпретации в процессе восприятия. Предлагается рассмотреть способность художников сохранить рефлексивно-критическое отношение к деятельности управленцев, оценивая как деловые, так и нравственные качества государственных служащих – людей, чей социальный статус определен принятыми на себя

АСТАФЬЕВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

ASTAFIEVA OLGA NIKOLAEVNA – DPhil, Full Professor, Professor at the UNESCO Department, Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP)

ШЛЫКОВА ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА – доктор культурологии, профессор, заместитель директора Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС)

SHLYKOVA OLGA VLADIMIROVNA – D.Sc. in Cultural Studies, Full Professor, Vice-Director of the Research and Education Center for Civil Society and Social Communication, the Institute of Public Administration and Civil Service, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEP)

© Астафьева О. Н., Шлыкова О. В., 2020

обязательствами и запросами времени. Авторами ставится вопрос о свободе художника в процессе творческого созидания этого образа, о его причастности к конструированию мифов, проектированию социокультурной реальности с учётом соответствия оценок реальности в художественном воплощении образов.

Ключевые слова: чиновник, художник, художественный образ, текст культуры, образ государственного служащего в культуре, литературе, кино.

Для цитирования: Астафьева О. Н., Шлыкова О. В. Государственный служащий в современной культуре и искусстве: в поисках образа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 70–83. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-70-83>

PUBLIC ADMINISTRATOR IN CONTEMPORARY CULTURE AND ART: IN SEARCH OF AN IMAGE

Olga N. Astafieva¹, Olga V. Shlykova²

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow,
Russian Federation, e-mail: onastafieva@mail.ru¹, e-mail: olgashlykova@yandex.ru², ORCID: 0000-0002-2568-3624²

Abstract: The topical issues of forming the image of a civil servant in the modern culture of Russia are presented. The authors develop the discussion's discourse around contrasting points of view regarding the priority of a rational management approach, as the ability to manage and possess professional competencies in the field of effective actions and decision-making over general cultural competencies. The emphasis is on the cultural-centric dominant, since the image includes an ethical and aesthetic component and is largely determined by the level of morality and general culture of the individual, knowledge of administrative ethics and legal norms. At the same time, the authors attempt to reflect the search for an integral semantic unity in the understanding of artistic texts of culture and art regarding the image of a public administrator: who, how, why and for what purpose constructs the image of an official in the cultural space, in different types of art – in cinema, in literature. It is noted that famous playwrights and poets, writers and cinematographers, just viewers and readers recognize the complexity of working on the images of civil servants and interpretation in the process of perception. It is proposed to consider the ability of artists to maintain a reflexive and critical attitude to the activities of managers, assessing both the business and moral qualities of a civil servant – people whose social status is determined by the obligations assumed and the demands of time. The authors raise the question of the artist's freedom in the process of creative creation of the image and his participation in the construction of myths and the design of sociocultural reality, the difficulties of achieving conformity of assessments of reality and the artistic embodiment of images.

Keywords: public administrator, artistic image, cultural text, image of a manager in culture, literature, cinema.

For citation: Astafieva O. N., Shlykova O. V. Public administrator in contemporary culture and art: in search of an image. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 70–83. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-70-83>

Тема образа государственного служащего, чиновника и управленца, раскрываемого в динамике культурно-исторических процессов на примерах театральных постановок и кинофильмов, архивных документов и образцах классического и массового искусства, детально практически не обсужда-

лась в академических изданиях, за исключением ряда статей, выступлений в рамках «круглых столов».

Обращение к образу государственных служащих в литературе и искусстве неизбежно связано с осмыслением тенденций в текущем художественном процессе,

в кино, литературе и т.д. Превалирование социально-политического или идеологического дискурса в художественных текстах конкретной эпохи подчас продиктовано не только индивидуальным стилем и подходом к осмыслению действительности (скажем, в рамках критического реализма, социального реализма и других), но зачастую обусловлено запросом общества на конкретную образно-тематическую линию.

В связи с открытостью общества и широкими возможностями СМИ, Интернета в обсуждении всех негативных социальных явлений велика вероятность возвращения к штампам. В целом это не только обедняет значимость искусства как особого способа познания мира, но и упрощает представления об образе государственного служащего в современной России. Тем не менее назрела потребность в переосмыслении сложившихся стереотипов и способов их репрезентации в произведениях искусства. И представляется целесообразным вынести в дискуссионное поле самые, казалось бы, полярные сюжеты и образы, начиная от государственных деятелей – «вершителей людских судеб» до рядовых тружеников, качественно и добросовестно оказывающих государственные услуги.

Уровни осмысления образа госслужащего

Принято считать, что транслируемые в общество образы – узнаваемая калька реальных «героев», однако на формирование образа влияет множество факторов, позволяющих усиливать те или иные стороны: контекст культурно-исторической локализации, тенденции и векторы развития культуры общества, воздействующие на конструирование новых мифов, новых типов культурных героев и культурно-цивилизационных концепций миропорядка, а так-

же факторы зависимости массового сознания от моделей реальности, предлагаемых экранной культурой, которая в силу своей специфики может «изменять» эту реальность, «монтировать» её в соответствии с социальным заказом.

Прежде чем обратиться к анализу разных уровней осмысления образа госслужащего, обозначим те субъектные группы, представители которых становятся героями произведений искусства, а также те субъектные группы, которые непосредственно или косвенно помогают эти образы создавать.

Можно также выделить *разные субъектные группы*, относительно которых в обществе создаются общие представления о власти в целом и о государственных служащих в частности, обозначаемые, как правило, на уровне бытовой культуры обобщёнными категориями – «власть», «чиновник», «бюрократ»:

- *управленцы и госслужащие, сенаторы и депутаты* – собственно участники процесса управления как объекты внимания творцов, художественной интеллигенции в целом. К этой группе относятся представители исполнительной ветви власти разного статуса государственных служащих (от министров той или иной сферы – культуры, просвещения, образования и другие, до начальников отделов и даже специалистов, наделённых властными полномочиями), а также представители законодательного уровня власти и административный аппарат системы управления;

- *управленческое звено и профессиональные менеджеры социокультурной сферы* (руководители организаций и учреждений культуры федерального и регионального подчинения, арт-менеджеры высшего звена управления).

Значение имеет и не менее дифференцированная группа *субъектов влияния на формирование образных характеристик* о представителях власти в обществе. Её составляют те, кто закладывает информацию для формирования ценностных характеристик и идеальных образов, «делает подсказки», привлекает внимание к наиболее значимой и предпочтительной в множественном потоке информации [8, с. 149]. Это:

- *экспертное профессиональное сообщество*: киноведы, театроведы, культурологи, а также читатели, слушатели, зрители, ради которых наши творцы и формируют эти дискурсы, но они рассматриваются как независимые «консультанты»;

- *журналисты и блогеры*, представляющие разные массмедиа и интернет-ресурсы – одна из наиболее масштабных групп, активно оказывающая влияние на распределение приоритетов в информации и выступающая подчас вместе с художниками «со-творцами» мифов в общественном сознании;

- *образовательное сообщество* (профессора и руководители образовательных учреждений, которые участвуют в подготовке разного уровня и ранга чиновников);

- *студенческая молодёжь (и даже школьники старших классов)*, которые либо уже обучаются, либо планируют обучаться по специальностям управленческого профиля с целью включиться в систему управления в будущем, а также выпускники бакалаврских и магистерских программ «Государственное и муниципальное управление».

Фактически референтная группа, воздействующая на образ государственного служащего и его восприятие, включает огромную часть населения. И художники, берущиеся за воплощение управленца и чиновника в художественных образах, не мо-

гут не учитывать сложившиеся мнение и оценки, ведь не каждый из них способен устоять перед давлением стереотипов, перед «модой трактовок». Наиболее талантливым из них удаётся создавать художественные образы *Личностей*, обладающих совокупностью узнаваемых черт, не однозначно линейно плоскостными, а сложными и порой противоречивыми. Включая эти образы в свои фильмы, книги, стихи и картины, творцы приглашают читателей и зрителей к обсуждению остро дискуссионной темы «народ и власть».

Стоит подойти к решению этой центральной проблемы как весьма масштабной и попытаться достичь интегрального смыслового единства в понимании художественных текстов культуры и искусства относительно образа государственного служащего.

Кто, как, зачем конструирует образ чиновника?

Научно-популярный или мемуарный пласт произведений, достаточно часто представленный в современном кинематографе, позволяет реконструировать образы под влиянием режиссёрского прочтения сценария. При этом заметим, что вопрос художественности, объективности и корректности не всегда решается в пользу последнего. Более того, теоретические основания для прочтения образа изменяются довольно динамично, поэтому как создатели, так и потребители их творческого продукта сталкиваются с явлением «ускользающей методологии», а значит, со сложностью схватывания всей многосложности образа.

Это вполне естественно: и сам прототип, взятый за основу, – таков, например, герой фильма «Время, вперёд!», – по плакатному чёткий и яркий, но, по сути, значительно многообразнее и сложнее, что удаёт-

ся передать талантливому актёру Евгению Семёновичу Матвееву, который фиксирует характерные особенности служащего и наполняет ими экранный образ. Но в концепции фильма, снятого на «Мосфильме» в 1965 году режиссёрами С. Милькиной и М. Швейцером о времени индустриализации в России, явно прослеживается цель создания героя эпохи, причём узнаваемого в современниках. Не учитывать стремления авторов фильма к мифологизации и героизации при создании художественного образа на уровне мемуарного прочтения либо его конструирования на основе архивных материалов, исторических фактов (независимо от вида и жанра искусства) представляется нецелесообразным при оценке фильма-явления в отечественном кинематографе. Дело в том, что требование историчности и объективности подхода к материалу отвечает не только постулатам научного знания, но и изменяющимся современным парадигмам управления, где вопрос «становления лидеров» как «людей государственных» решается на основе полифонии компетенций личности.

Не секрет, что существуют и такие ситуации, когда одновременно и система управления нуждается если не в реформировании, то в корректировке, поскольку люди, её представляющие, не способны высказывать компетентное мнение, и профессиональная критика должна объяснить художникам действительный смысл их собственного произведения. Зрелое общество не может оставаться равнодушным к происходящему как в жизни, так и на экране. «И в том, и в другом случае осознанная необходимость в критике (а не желание противодействовать ей) есть важнейший показатель культурного уровня, духовной и социальной зрелости» [9, с. 134].

Конечно, здесь уместно сделать небольшое уточнение относительно трансформации не только субъект-субъектных отношений в управлении, сколько смыслов деятельности управленца в целом. При этом государственная служба как институт и служение, как содержательный процесс интерпретируется по-разному.

В современном мире образ государственного служащего представляет собой весьма сложный социокультурный концепт, где образ коррелируется с восприятием некоего психолого-политического конструкта, отражающего определённый тип общества или этап его развития. Путём создания художественного контента осуществляется процесс социокультурного моделирования или проектирования поведения, действий, реакций. В условиях «переходности» велика востребованность «актуальных однодневок», поскольку массовое сознание «предуготовлено» к восприятию конкретного «конструкта», независимо от того, насколько образ соответствует действительности. Конечно, это не свидетельствует о том, что в обществе радикально снижена планка запросов на «культурного героя». Но социальный заказ на героя – иной. Напомним, в период перестройки это образ чиновника с преимущественно отрицательными (или сатирическими) характеристиками; в 1990-е годы последовал ответ художников на социальный заказ «романтизации криминала», в том числе образов коррупционеров, взяточников как соответствующих представлениям о реальности.

В целом при погружении в процесс изучения эволюции образа государственного служащего возникает множество вопросов, которые ещё более усложняют проблему социального проектирования. Например, как в сознании людей соотносятся поня-

тия «государственный деятель» и «государственный служащий», каковы их реальные возможности влияния на изменения в развитии общества? И это не вопрос терминологии, поскольку в художественных произведениях их представляют тождественными, следуя сложившимся стереотипам, либо трактуют абсолютно по-разному, как людей, имеющих разный социальный статус. Но, в принципе, эти люди выполняют, в общем-то, одну и ту же функцию – служат своему Отечеству, государству.

Огромную работу по представлению образа госслужащего и формированию коллекций и материалов по данной теме проводит Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина в Санкт-Петербурге, которая постоянно расширяет разделы о государственной власти – персоналии государственных деятелей, существующие с 2010 года [10]. В её фондах есть материалы как о видных государственных служащих на том или ином историческом этапе развития страны, так и о менее известных фигурах. Формируемый контент включает материалы архивных документов, в том числе из Государственного архива РФ, Государственного исторического архива РФ, Российского архива кинофотодокументов, частных коллекций, видеолекции из видеолектория «Знания о России», изобразительные материалы и другие. Это позволяет не только объективно воссоздавать образ чиновника, но и становиться тем самым «экспертным навигатором» в информационном потоке, направляющим к необходимым источникам, которые позволяют художнику правильно сформировать образ, опираясь на сохранившиеся конкретные материалы о людях, исполнявших государственное служение и принимавших исторически значимые решения. Разве культурно зрелое общество

не нуждается в столь ценной информации, будучи погруженным во всё нарастающий «информационный шум»?

Как отмечают сами специалисты библиотеки, сложно и трудно принимаются решения по выставкам и книжным коллекциям о госслужащих. Много времени проходит от формирования идеи, концепции проекта, который тот или иной государственный чиновник предложит, до того момента, как пройдёт вся переписка, будут выслушаны компетентные экспертные мнения по этому поводу, пройдут заседания разного правительственного уровня вплоть до Государственного совета и, наконец, когда материалы будут оформлены или отвергнуты. Таковы, например, коллекции о М. М. Сперанском и П. А. Столыпине, отражающие образ тех людей, которые внесли значительный вклад в развитие России. Имеются и коллекции о самых противоречивых фигурах, таких как М. Н. Муравьёв (от стихов, ему посвящённых, той памяти, которой он удостаивался, до момента формирования решений по созданию памятников, документов, сопровождающих проект, вплоть до демонтажа этих памятников в силу тех или иных государственных событий и т.д.) [7].

В институтах наследиеведения (музеях, библиотеках, архивах) хранится немало материалов писателей, которые, создавая образ чиновников, и сами зачастую являлись государственными служащими. Таковы коллекции о К. Р. Державине, Н. В. Гоголе, А. С. Грибоедове. Напомним, какой интерес в обществе в разные периоды вызвали выходившие фильмы и книги о советском дипломате, наркоче иностранных дел РСФСР и СССР Г. В. Чичерине («Штрихи к портрету В. И. Ленина», «Шестое июля», «Красные дипломаты», «Звёзды не гаснут», «Чичерин»).

Что касается образов положительных чиновников, то их множество в русской истории и художественной литературе. Как отметил директор Государственного историко-литературного музея-заповедника А. С. Пушкина в Больших Вязёмах А. М. Рязанов, великий поэт А. С. Пушкин тоже был чиновником и служил одно время в ведомстве иностранных дел. На государственной службе состоял и И. И. Дмитриев, известный поэт XVIII века, который был министром юстиции. Тот же А. С. Грибоедов был очень успешным, замечательным государственным деятелем. Широко известны имена военных среди чиновников, которыми гордится история нашей страны. Среди них А. И. Чернышев, А. Х. Бенкендорф, начальник Тайной канцелярии III Отделения, умнейший человек России, М. И. Кутузов, служивший в Киеве, Д. В. Голицын, московский генерал-губернатор. В частности, Д. В. Голицын занимался восстановлением Москвы после пожара в 1812 году, строительством московского водопровода, больницы для бедных, домом трудолюбия, богоугодных заведений. О Голицыне высоко отзывались современники, даже такой непримиримый враг самодержавия, как А. И. Герцен, охарактеризовавший его как человека прекрасной души.

Следует отметить и тот факт, что в разных странах государственная служба по-разному ранжируется. В некоторых странах чиновником является любое лицо, чей труд оплачивается из бюджета федерации, штата или местного органа власти, то есть тот, кто связан со служением государству, является чиновником. В России же руководители организаций и учреждений культуры госслужащими не являются, но по степени ответственности им не уступают. Достаточно напомнить имена генеральных дирек-

торов российских музеев – И. А. Антоновой, М. Б. Пиотровского и других. По широте функциональных обязанностей это люди государственного масштаба, которые одновременно являются и управленцем-организатором, и учёным, и исследователем, влияющим на ту научную и отраслевую сферу деятельности, в которой они служат.

Стереотипы образа госслужащего и пути их преодоления

Образ государственного служащего складывается и воспринимается как некая совокупность стереотипов, которые бытуют в современной культуре, где любой промах отпечатывается в сознании общества, проецируется на всех представителей данной профессии, а достижения – практически сразу же забываются. Остановить этот процесс изначально критической и негативной оценки деятельности любого государственного служащего, независимо от его *вклада в управление* и его *культуры управления*, сложно в информационную эпоху.

Формирование положительного образа является единственно возможным решением, которое сегодня реализуется во многих странах мира, запрос на него ощущается и в России. Нужно ли учить этому студентов творческих вузов, обучающихся, например, на продюсерском факультете ГИТИСа, или большее внимание стоит уделять формированию духовной культуры студентов, обучающихся по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление»?

Чтобы преодолеть существующие стереотипы, требуются и нестандартные подходы, которые под силу только по-настоящему творческим людям. Например, Российская национальная библиотека осу-

ществляет поистине титанический труд, завершая коллективную монографию о всех министрах культуры России, начиная от А. В. Луначарского до министров современной эпохи. Какую же задачу ставит перед собой коллектив библиотеки при создании этого проекта? Его приоритетом, несомненно, является раскрытие взаимосвязи между нынешними реальными делами и сохранившимся в исторической памяти образом руководителей социокультурной сферы. И это непростое дело, поскольку наибольшая активность современных СМИ проявляется при обсуждении негативных событий, что даёт одностороннюю оценку образу госслужащих. Нельзя не отметить и того, что усложняющаяся современная картина мира повышает требования к самому госслужащему. Стремительно ворвавшись в новые форматы глобализации и «вынужденной изоляции», общество столкнулось с новыми рисками и уязвимостями. Своего рода социальным «тупиком» стала пандемия с её «вызовами неопределённости», что потребовало от каждого человека не только умения, но и желания динамично адаптироваться в новых условиях. А перед государственными служащими возникли новые задачи, решение которых – без права на ошибку – связано с поиском эффективных стратегий развития государства, территории, сектора. При этом обратим внимание на передачи ТВ и информацию в иных СМИ, что свидетельствует об имеющихся «разрывах» между слоями представителей государственной службы и гражданского общества. Это довольно опасная тенденция, поскольку среди госслужащих есть множество людей порядочных и достойных. Ведь государственные представители современной России, как и Российской империи, будучи только коррупционерами и глупыми чиновни-

ками, вызывающими негативную реакцию, вряд ли могли бы управлять столь большим государством, обеспечивать его жизнеспособность и развитие. И потому обществу нужна разная достоверная информация, в том числе и о государственных служащих, о тех лицах, кто ответственно и скрупулёзно выполняет свою работу. Позитивные образы (подобно Эрсту Петровичу Фандорину из серии романов Бориса Акунина) и объективное знание о культуре управления, об истории государственной службы особенно необходимы для включения их в культурологический контент вузовских программ при подготовке кадров для государственной службы. Необходимость учить анализировать данный феномен и обучать новое поколение управленцев с опорой на литературно-художественные традиции связана с потребностями в людях, понимающих сложность историко-культурного контекста, адекватно воспринимающих модели, стиль поведения госслужащего.

К вопросу об изучении концептов и реконструкциях образа госслужащего

Стереотипы образов государственно-го служащего в театральной драматургии и кинопроизведениях создаются в определённые периоды истории культуры, и если они имеют какую-либо конкретную направленность (например, патриотическая доминанта образа), то это делает их узнаваемыми для восприятия зрителями, образ распознаётся массовым сознанием как «свой». Но эти образы, создаваемые в художественном произведении, вписаны в контекст культуры, что наполняет их особым смыслом.

Свидетельством тому может служить вышедший в 1969 году фильм Г. Натансона «Посол Советского Союза», в котором

повествуется о деятельности первой советской женщины-дипломата, представляющей интересы молодого советского государства за его пределами, осуществляющей напряжённую дипломатическую работу посла в нейтральной скандинавской стране в годы войны. Великолепная игра актёров и художественный замысел режиссёра был высоко оценён зрителями-современниками, в том числе и представителями последующих поколений, среди которых были, несомненно, и госслужащие, дипломаты.

Посредством концепта «текст культуры» стоит рассмотреть ещё один важный аспект, прослеживающийся при создании образа государственного служащего. Речь идёт не только о взаимосвязи между создателем текста и субъектом интерпретации текста культуры, в результате чего создаётся образ. В трудах М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана текст рассматривается как семиотическая целостность, обладающая собственным характером, открытостью, своими контекстами [1; 6]. В фильмах, художественных произведениях, спектаклях формируются особые культурные смыслы, поскольку авторская позиция раскрывается посредством толкования текста. Однако трансляция текста и раскрытие смыслов культуры не могут произойти без со-участия с воспринимающим этот текст. В работах Э. Гуссерля, Х-Г. Гадамера, М. Хайдеггера [2; 3; 11] акцент ставился на интерпретации деятельности творческих субъектов, а это почти всегда активная позиция читателя и зрителя.

В связи с этим не вызывает сомнения утверждение о том, что художник, создающий и репрезентирующий обществу образ государственного служащего, управленца, имеет собственную позицию. И чем талантливее автор текста культуры, тем сложнее и интереснее создаваемый им образ и воз-

можность его интерпретации. И тем выше вероятность того, что художник конструирует образ и вводит его в текст культуры, закрепляя конкретные смыслы.

Возникает вопрос: если в современном мире существует власть образов, то скорее всего существует и видеократия? Если это так, то не исключено, что создаваемые образы могут быть далеки от объективной реальности и монтироваться, собираться из фрагментов, то есть быть «правдоподобными», но на самом деле искажающими реальность либо проектирующими реальность. Таким образом, следует определить функцию и роль творцов в создании и продвижении этих образов. Может ли художник дистанцироваться от социального и социокультурного контекста?

Возникает и другой вопрос: удаётся ли художнику сохранить рефлексивно-критическое отношение к деятельности управленцев? И в чём тогда состоит проблематичность того, что при создании образа схватываются его лишь некоторые детали или один какой-то ракурс, а не целостный образ культуры управленца?

Выделим два подхода к изучению *процесса конструирования образа* государственного служащего в художественных текстах. Первый – *культурологический взгляд* на заданную тему, широкий, интегративный, с междисциплинарным выходом к методам социологии, политологии, психологии, культурологии, управления. Второй подход – *комплексный*, он предполагает обращение к художественному тексту, к пониманию *диалогического со-творчества* для создания полноценного, значимого и уникального произведения. В этом случае предполагается обращение к психологии восприятия текста, анализу эстетического сознания читателя, зрителя, слушателя.

Представим, что в процессе чтения или просмотра произведения происходит разделение восприятия образа на две составляющие, как минимум – две: одна сопряжена с созерцанием действий героев *как бы извне*, когда зритель одновременно читает, осмысливает и оценивает; вторая составляющая позволяет *перевоплотиться в этого героя*, сверить правильность выбора идентификационных маркеров, целостность и завершенность представляемого зрителю образа. Это внутренний призыв автора к самому себе, проверка по известной формуле: «верю – не верю». Ведь *подлинное* возникает тогда, когда авторы образа (режиссёр – актёр – зритель) соединяются воедино со своим персонажем и достигают собственного представления, даже в том случае, если ни автор, ни зритель никогда не сталкивались с образом персонажа в реальной жизни.

Достижение диалогической ситуации во многом зависит от культуры и таланта всех участников диалога. Ведь со-творчество – это не только созидание художником нового образа, но и его открытость для других. Только тогда творчество и имеет смысл, когда художник готов к диалогу со зрителем и читателем, свободен от предписаний и установок, имеет собственную позицию, соответствующую высокой планке личностного развития. И можно ли творцу остаться самим собой и не попасть под влияние или детерминизм социальных, политических или идеологических конструктов? Эта эстетически завершенная позиция «внеаходимости», по М. Бахтину, помогает творцам не только понимать, но и судить, оценивать, выносить свой нравственный приговор [1]. В итоге творец находится между двумя ипостасями: своим «Я» как творца и тем, что он хочет донести до других, чтобы они это увидели, услышали, осознали.

Культурный диалог:

со-творчество художника и зрителя

Размышляя о диалогическом со-творчестве при восприятии образа, нельзя не поставить вопрос о том, *кто и как* воплощает художественные образы. Знакомые по произведениям киноискусства образы государственных служащих – результат актёрской работы, режиссёрского замысла, драматургического решения и исполнительского прочтения. Даже книжные иллюстрации и плакаты характеризуют участие художника в созидании символической компоненты. Проектирование художественного образа завершается потребителями произведений искусства – зрителями и читателями, которые в большей или меньшей степени иначе воспроизводят в своём воображении заданные контуры и конструкции. И зачастую в некоем структурном подобии потребитель далеко не всегда представляет своё участие в творчески диалогическом художественном тексте. Так возникает лакуна непонимания или даже неприятия образа.

Отметим, например, что для зрителей «Анна Каренина» может рассматриваться как политический роман, где ярко выписаны образ государственного служащего Алексея Александровича Каренина и метафора России между «разумным чиновничеством» и «агрессивным офицерством», а может – как роман, в котором выписан культ семейных ценностей.

Самая яркая фигура чиновника в русской драматургии – это «Ревизор» Н. В. Гоголя, которого все ждут, но которого не видят и который рассматривается по большому счёту как Страшный суд – финальная кара нерадивым чиновникам.

Уникальны в этом смысле пьесы Леонида Леонова, последняя постановка М. А. Захарова «Капкан» и другие.

При этом в культурно-исторической динамике можно проследить, как по-разному демонстрируется «готовность к переменам» и «разумность молодого управленца» в кино: фильм «Человек на своём месте» (режиссёр А. Сахаров, сценарий В. Черных, 1972) и телесериал Ю. Кузьменко «Дипломат» (2019). Следует отметить, что в современных фильмах образ госслужащего представлен с элементами некой иронии.

Не менее интересен тип чиновника, действующего в сфере культуры. Некий гимн «главным управляющим свободным временем» создал Э. А. Рязанов в фильме «Забытая мелодия для флейты»: «Мы не пашем, не сеем, не строим – мы гордимся общественным строем!».

Оригинальное прочтение образа этого типа госслужащего представлено в романтической комедии А. Смирновой «Два дня» (2011), где в основу сюжета положен конфликт между федеральным чиновником высокого ранга и музейным работником из слоёв российской интеллигенции, наполненный сложным сплетением человеческих отношений, противоречий времени (законы конкурентного рынка, монополизации, «наступающие» на места памяти и культурного наследия), где вырисовывается непреодолимость различий культурных миров.

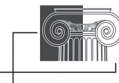
Современное общество открыто для восприятия темы, так же как и открыто для штампов. Не потому ли создаются эти штампы? Не потому ли они воспроизводятся как очень плоские, шаблонные в линейном, упрощённом варианте? Или мы будем всё-таки положительно отвечать на вопрос о том, что мы готовы к творческой интерпретации. И замыслы создателей, и воплощаемые в нашем сознании образы подведут к подлинному диалогу и сотворчеству.

В наши дни тема социального заказа спроецирована на положительного героя, включая сегмент государственных служащих. Понятие «социальный заказ» в его истинном понимании и исполнении трансформируется в заказ от госструктур, бизнес-структур, а также от групп поддержки тех или иных интересов. Обществу необходимо осмысление повседневной работы этого самого чиновничества, от решений которого многое зависит в жизни миллионов людей. И художественное осмысление того, кем являются современные чиновники, проблема не простая, как бы она ни представлялась иной – надуманной, искусственной, устаревшей, «совковой» [4].

В связи с этим возникает ряд актуальных вопросов: *нужен ли обществу государственный заказ/социальный запрос на позитивный образ госслужащего в искусстве? И насколько общество готово к воспитанию лиц, готовых служить государству, защищать интересы его граждан?*

Социальный запрос на эту тему отчётливо виден в 2020 году, когда образ чиновника выводится в новую плоскость и воспринимается с юмористическим оттенком, но с положительным стержнем.

Мгновенно такой образ становится весьма привлекательным. Это происходит и на Западе, и в России. В качестве примера можно привести популярный на Западе сериал «Западное крыло» (The West Wing, 1999) американского режиссёра и сценариста Аарона Соркина (Aaron Sorkin), в России – только что вышедший сериал Романа Волобуева «Последний министр» (2020). Поэтому корректны доводы ряда экспертов, что нужно подходить к оценке образа скорее с точки зрения его жанрового представления, а не дихотомии «положительный – отрицательный».

Нельзя забывать, что искусство, в частности театр, это «самонастраивающаяся конструкция», которая при соприкосновении с регулированием даёт далеко не всегда положительные результаты, да и результаты государственного заказа зачастую не становятся предметом искусства. В своё время секретарь Союза кинематографистов СССР И. Н. Лисаковский, участвуя в подготовке кадров государственных служащих для социокультурной сферы, откровенно высказывался относительно свободы творчества и пределов вмешательства в этот процесс субъектов управления. Помимо законодательного регулирования, права государства весьма чётко выражены в предложенной им лаконичной форме: «Государство должно знать, информировать и поддерживать то, что оно считает нужным» [5]. Эта формула фактически раскрывает возможность диалога между творцами и управленцами и показывает пределы вторжения в художественный процесс. Следуя этому правилу, государство демонстрирует понимание того, что вмешательство сковывает творческие порывы и интеллектуальные возможности, прежде всего в сфере художественно-эстетического воплощения идей и образов. По существу, данная проблема по-прежнему остаётся открытой для обсуждения, так как понимание свободы творчества определяется многими социокультурными факторами. В этом плане интересны послы тех, кто, следуя за культурологом Ю. М. Шора, определявшим культуру как «опыт переживаний» [12], полагает, что образ государственного служащего нуждается в защите, а общество – в создании своего рода культурного образца. «Каково госслужащему служить между “Сциллой и Харибдой”, долгом и понятием нравственного выбора?», – ответ на этот вопрос и определяет сущность создаваемого образа. Потому-то

так важно найти точку взаимодействия с героем, уметь встать на его место и вступить с ним в культурный диалог.

Завершая исследование, подчеркнём, что тема воплощения образа государственного служащего в культуре и искусстве представляет собой широкий пласт социокультурного проектирования, а также подразумевает преодоление примитивных мифологизаций, штампов, несовместимых с продвижением в диалогической парадигме в обществе. Необходимы новые исследования и взгляд на современное поколение, которое способно включиться в реконструкцию памяти о великих личностях, участвовавших в строительстве «государства Российского», и о рядовых чиновниках, без которых жизнь людей в обществе сложно представить. Приближение художественного образа, вбирающего в себя все противоречивые черты, к реальному прототипу предполагает понимание тех проблем, с которыми сталкивается чиновник. Это повышает ответственность художника перед обществом за объективность критических оценок образа, воссозданного в искусстве.

Тема ответственности и доверия, бескорыстного служения и моральных издержек в служении государству редко поднимается в кинематографе, литературной критике, культурологических исследованиях. И есть потребность развернуть в перспективе и этот аспект проблемы, чтобы объективно оценить как давно известные произведения прошлого с учётом динамики социокультурного контекста, читательских вкусов и предпочтений, так и образ государственного служащего в искусстве и культуре в современных реалиях с учётом остроты культурных интерпретаций.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / составитель С. Г. Бочаров. Москва : Искусство, 1979. 424 с.
2. Гадамер Х.-Г. Текст и интерпретации / перевод Ананьева Е. М. // Герменевтика и деконструкция / под редакцией Штегмайера В., Франка Х., Маркова Б. В. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1999. 256 с.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / [перевод с немецкого А. В. Михайлова]. Москва : Академический проект, 2009-. Книга 1: Общее введение в чистую феноменологию. 2009. 489 с.
4. Егоров В. К. Рецепция образа госслужащего в современном литературно-художественном дискурсе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 5 (97). С. 71–80. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-71-80>
5. Культура и культурная политика. Выпуск 2. Становление отечественной культурологии в событиях и типах. Памяти профессора И. Н. Лисаковского / под общей редакцией О. Н. Астафьевой, В. К. Егорова. Москва : МАКСПресс, 2008. 200 с.
6. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Избранные статьи : в 3 томах. Таллин : Александра, 1992. Том 1. С. 129–132.
7. Материалы круглого стола в рамках научно-методологического семинара «Культура и культурная политика», проведенного Научно-образовательным центром «Гражданское общество и социальные коммуникации» и кафедрой ЮНЕСКО Института государственной службы и управления РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1044&v=JFNz1wIxY4I&feature=emb_logo
8. Най Дж. С. Гибкая власть : как добиться успеха в мировой политике / перевод [с английского] В. И. Супруна. Новосибирск ; Москва : Фонд социо-прогностических исследований «Тренды», 2006. 221 с.
9. Разлогов К. Э. Кинопроцесс XX – начала XXI века : искусство экрана в социодинамике культуры : теория и практика : учебное пособие по образовательным программам в области аудиовизуальной культуры / Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова». Москва : Трикта : Академический проект, 2016. 639, [1] с. (Технологии культуры).
10. Сайт Президентской библиотеки имени Б. Н. Ельцина [Электронный ресурс]. URL: <https://www.prlib.ru>
11. Хайдеггер М. Время и бытие / перевод с немецкого В. В. Бибихина. 5-е издание. Москва : Академический проект, 2015. 460 с.
12. Шора Ю. М. Культура как переживание. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУП, 2003. 219 с.

Reference

1. Bakhtin M. M. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, Art Publishing House, 1979. 424 p. (In Russ.).
2. Gadamer H.-G. Text and interpretations. In: Stegmaier V., Frank H., Markov B., eds. *Hermeneutics and deconstruction*. St. Petersburg, Publishing House of the St. Petersburg State University, 1999. 256 p. (In Russ.).
3. Husserl E. *Ideas for pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book 1: A general introduction to pure phenomenology*. Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2009. 489 p. (In Russ.).
4. Egorov V. K. Receptions of the image of a civil servant in modern literary and artistic discourse. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 5 (97), pp. 71–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-597-71-80>
5. Astafieva O. N., Egorov V. K., eds. *Culture and cultural policy. Issue 2. Formation of national cultural studies in events and types. In memory of professor I. N. Lisakovskii*. Moscow, Publishing House “MAKSPress”, 2008. 200 p. (In Russ.).

6. Lotman Yu. M. *Selected articles. In 3 volumes. Volume 1. Semiotics of culture and the concept of text.* Tallinn, 1992. Pp. 129–132. (In Russ.).
7. *Materials of the round table within the framework of the scientific and methodological seminar “Culture and Cultural Policy” held by the Scientific and Educational Center “Civil Society and Social Communications” and the UNESCO Chair of the Institute of Public Administration and Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.* Available at: https://www.youtube.com/watch?time_continue=1044&v=JFNz1wIxY4I&feature=emb_logo (In Russ.).
8. Nye J. S. *Soft power: the means to success in world politics.* Novosibirsk, Moscow, 2006. 221 p. (In Russ.).
9. Razlogov K. E. *Film process of the XX – early XXI century: the art of the screen in the sociodynamics of culture: theory and practice.* Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2016. 639 p. (In Russ.).
10. *The site of the Boris Eltsin Presidential Library.* Available at: <https://www.prlib.ru> (In Russ.).
11. Heidegger M. *Time and being.* 5th edition. Moscow, Publishing House “Academic Project”, 2015. 460 p. (In Russ.).
12. Shora Yu. M. *Culture as an experience.* St. Petersburg, Publishing House of the Saint-Petersburg University of the humanities and social sciences, 2003. 219 p. (In Russ.).

*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. В. РАХМАНИНОВА В КОНТЕКСТЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК 78.072

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-84-92>

Л. С. Зорилова¹, О. Е. Шилова

Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва, Российская Федерация, e-mail: zorilova@mail.ru¹

Аннотация: В статье рассматриваются социально-психологические особенности творческой деятельности гениального русского композитора, пианиста, дирижёра С. В. Рахманинова. Авторы анализируют дореволюционный этап в творчестве Рахманинова и его жизнь в эмиграции, выявляют органичное сочетание в его характере и творчестве преданности Родине и общечеловеческим идеалам. До конца своих дней он следовал традициям русской музыкальной культуры, оставался верным последователем композиторов Могучей кучки, П. И. Чайковского, С. И. Танеева, А. С. Аренского. В статье показано влияние на характер и творчество Рахманинова культуры Серебряного века. К анализу привлекаются мемуары современников Рахманинова и его собственные воспоминания. Показано, каким образом в его музыкальных произведениях проявили себя ментальные качества русского народа, где любовь к родной Земле сочетается со вселенской отзывчивостью, поиском смысла жизни и верой в Бога.

Ключевые слова: творчество, музыка, культура, Серебряный век, эмиграция, ценности, духовный поиск, патриотизм, смысл жизни.

Для цитирования: Зорилова Л. С., Шилова О. Е. Социально-психологические особенности творческой деятельности С. В. Рахманинова в контексте Серебряного века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 84–92. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-84-92>

ЗОРИЛОВА ЛАРИСА СЕРГЕЕВНА – доктор культурологии, профессор Российской академии музыки имени Гнесиных, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

ZORILOVA LARISA SERGEEVNA – D.Sc. in Cultural Studies, Professor at the Gnessin Russian Academy of Music, a member of the Union of Russian Writers, a member-correspondent of the International Academy of Pedagogical Education, Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation

ШИЛОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – кандидат педагогических наук, профессор кафедры фортепиано, заместитель начальника отдела международных связей Российской академии музыки имени Гнесиных

SHILOVA OLGA EVGENYEVNA – PhD in Pedagogic Sciences, Professor at the Department of Piano, Deputy Head of the International Relations Department, the Gnessin Russian Academy of Music

© Зорилова Л. С., Шилова О. Е., 2020

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF S. V. RACHMANINOV'S CREATIVE ACTIVITY IN THE CONTEXT OF THE SILVER AGE

Larisa S. Zorilova¹, Olga E. Shilova

Gnessin Russian Academy of Music, Moscow, Russian Federation, e-mail: zorilova@mail.ru¹

Abstract: The article examines the social and psychological characteristics of the creative activity of the brilliant Russian composer, pianist, conductor S. V. Rachmaninov. The authors analyze the pre-revolutionary stage in the work of Rachmaninov and his life in emigration, reveal an organic combination in his character and work of devotion to the Motherland and universal human ideals. Until the end of his days, he followed the traditions of Russian musical culture, remained a faithful follower of the composers of the Mighty Handful, P. I. Tchaikovsky, S. I. Taneev, A. S. Arenskii. The article shows the influence of the culture of the Silver Age on the character and creativity of Rachmaninov. The analysis involves the memoirs of Rachmaninov's contemporaries and his own memoirs. It is shown how the mental qualities of the Russian people manifested themselves in his musical works, where love for the native land is combined with universal responsiveness, the search for the meaning of life and faith in God

Keywords: creativity, music, culture, Silver Age, emigration, values, spiritual search, patriotism, meaning of life.

For citation: Zorilova L. S., Shilova O. E. Social and psychological characteristics of S. V. Rachmaninov's creative activity in the context of the Silver Age. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 84–92. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-84-92>

Серебряный век русской культуры – период истории рубежа XIX–XX веков, по определению Н. А. Бердяева, «век русского Ренессанса». Но если эпоха Возрождения на Западе опиралась на идеи Античности, то русский культурный Ренессанс воскрешал древнерусскую национальную культуру, общечеловеческие ценности, вбирая в себя и лучшие идеи Западной Европы. Не случайно искусство Серебряного века объединило в себе русское и зарубежное, рациональное и эмоциональное, эмпирическое и интуитивное, нравственное и эстетическое. Этот сложный синтез привёл к русскому универсализму, который стал достаточно устойчивым и традиционным и на последующие времена. Всё это создавало благоприятные условия для творческих исканий и художественного многообразия.

Этот небольшой по времени «век», который исчисляется началом 1890-х годов

и концом 1917-го года, представлял собой недостижимую высочайшую вершину творческих достижений в культуре, науке, искусстве России. Какую бы сферу человеческой деятельности мы ни рассматривали, везде можно говорить о творческих успехах гениев, титанов, духовно-творческие поиски которых увенчались созданием шедевров. Это было время выхода всей русской культуры на международную арену, а музыкальное искусство этого периода выдвинулось в авангард мировой культуры. В России формировались новые жанры и стили, появлялись всё новые и новые имена, которые при жизни становились выдающимися и великими.

В результате можно констатировать, что в конце XIX – начале XX века профессионализм музыкантов достиг наивысшего совершенства. «Творческий синтез западно-европейского и русского позволил поднять-

ся музыкальной культуре России на недостижимую высоту, завоевать мировой авторитет и признание. Русский универсализм постепенно наполнялся новым содержанием, в основе которого лежали духовный поиск, свобода творчества, внутренняя раскованность, стремление “познать себя”, постоянно совершенствовать исполнительские умения и навыки, расширяя свои знания в области духовной культуры, различных видов искусств» [5, с. 13]. И этот период не ограничился только 1917 годом, он продолжался в творчестве выдающихся представителей русской культуры и искусства, но уже не в России, а в условиях эмиграции.

Несмотря на позитивные тенденции развития общества, культуры, искусства данного периода, нельзя забывать, что Серебряный век был периодом социальных катастроф, войн, революций, потрясений и перемен в социальной жизни России, которые не могли не повлиять на жизнь и судьбу выдающихся представителей Серебряного века, их творчество. Все они столкнулись с социально-политическими проблемами того времени, порой с катастрофическими сложностями, искали свой путь в жизни, часто оказывались в тупике. Оказавшись на чужбине, выдающиеся представители русской культуры ощущали своё одиночество, оторванность от своего народа, своей родной земли. Их патриотизм, тоска по прошлому, воспоминания о безвозвратно утерянном, «заточение» – вынужденное изгнание, крах надежд на возвращение в Россию, о котором они мечтали, – всё это составляло основу всех их страданий.

Н. А. Бердяев, выдающийся философ, представитель Серебряного века, испытавший на себе все тяготы того времени, писал: «Мне пришлось жить в эпоху катастрофическую и для моей родины, и для все-

го мира. На моих глазах рушились целые миры и возникали новые. Я мог наблюдать необычайную превратность человеческих судеб. Я видел трансформации, приспособления и измены людей, и это, может быть, было самое тяжёлое в жизни» [2, с. 3].

Среди выдающихся представителей Серебряного века, патриотом своего Отечества, оторванным от Родины, был и Сергей Васильевич Рахманинов. Его жизненный путь, как и многих других представителей Серебряного века, был достаточно типичен. Его можно условно разделить на два периода: первый – до 1917 года, жизнь в России, годы учёбы, становление музыканта-профессионала, его первые творения. И второй период – жизнь в эмиграции, ностальгия по прошлой жизни, мечты о возвращении на Родину.

С. В. Рахманинов родился в 1973 году в небольшом имении Онег Новгородской губернии. Его детство прошло среди красивой русской природы, колосистых полей, чистых озёр, народных песен и колокольных звонов. С раннего детства, с четырёх лет, под руководством матери он начал заниматься музыкой. В девять лет поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию, затем учился в Московской консерватории у Н. С. Зверева, А. И. Зилоти (фортепиано), С. И. Танеева, А. С. Аренского (композиция), дружил с П. И. Чайковским, который до конца своих дней высоко ценил, поддерживал и был духовным наставником Рахманинова. Одной из свидетельниц его обучения в Московской консерватории была и Е. Ф. Гнесина. В её очень тёплых и дорогих ей воспоминаниях о Рахманинове говорится о его скромном, молчаливом и застенчивом характере, серьёзном отношении к музыке, людям. Три года, проведённые с ним за одной партой, дали ей возможность

глубоко понять внутренний духовный мир гениального пианиста и композитора, талант которого ярко проявлялся уже годы обучения. Она писала: «Мы знали, что Серёжа Рахманинов очень талантливый ученик. Яркое пианистическое дарование его пленяло не только нас, его товарищей, но и всех учащихся консерватории. Когда становилось известно, что на академическом вечере будет играть Рахманинов, все устремились в зал слушать его. Мы любили Серёжу, гордились им, хотя сам он ни с кем из нас не сходил близко, всегда был замкнут, малообщителен ...» [3].

Вместе с ними учился и А. Н. Скрябин, с которым у Рахманинова складывались непростые отношения, хотя их многое связывало: происхождение, годы учёбы сначала в знаменитом пансионе Н. С. Зверева, затем в Московской консерватории, учителя. Но если Рахманинов, опираясь на традиции русского музыкального искусства, творения Чайковского, стремился дальше их совершенствовать и развивать, то Скрябин, ещё обучаясь в консерватории у А. С. Аренского, уже искал совершенно новые стили, для отражения своих музыкальных идей. Не получив одобрения у своего педагога, увлекаясь символизмом, он не получил диплом по композиции, как Рахманинов, и закончил консерваторию лишь по классу фортепиано с Малой медалью, в то время как Рахманинову были вручены два диплома по фортепиано и композиции, и он получил Большую медаль. Оба пианиста разошлись в своей творческой деятельности. А. Б. Гольденвейзер в своих «Воспоминаниях» писал: «Скрябин, с эротической страстностью его натуры и мистичностью его душевного мира, был ему чужд, и, исполняя его произведения, он играл себя, а потом Скрябина ...» [4, с. 264]. Вместе с этим Рахмани-

нов очень высоко ценил Скрябина и тяжело переживал его преждевременную кончину. После его смерти в 1915 году Рахманинов выступил с концертом, состоящим из произведений Скрябина, хотя обычно он исполнял только свои произведения.

Концертная деятельность Рахманинова началась рано. Уже в восемнадцатилетнем возрасте он часто выступал и мог легко увлечь различную публику. По окончании консерватории он был приглашён С. И. Мамонтовым в качестве дирижёра в Московскую русскую оперу, где Рахманинов познакомился со К. С. Станиславским, со своим будущим большим другом Ф. И. Шаляпиным, с которым он поддерживал межличностные и творческие отношения и в эмиграции. Шаляпин в своих воспоминаниях о Рахманинове писал с огромной любовью, отмечая, как ему помог Рахманинов в понимании духовной глубины художественного образа Бориса Годунова, разобраться в страданиях царя, понять творческий замысел А. С. Пушкина и М. П. Мусоргского.

Когда Шаляпин и Рахманинов встречались, они вместе выступали, высоко ценя друг друга. По мнению Шаляпина: «... когда Рахманинов сидит за фортепиано и аккомпанирует, то приходится говорить: “не я пою, а мы поём” ...» [11, с. 14]. Так, постепенно, как писал Ю. В. Келдыш, «пианист С. В. Рахманинов был единодушно признан одним из величайших художников в истории исполнительства. Имя его ставилось в один ряд с именами Ф. Листа и А. Г. Рубинштейна. Его виртуозное мастерство было безгранично по своим возможностям, но он никогда не выдвигал его на первый план, всецело подчиняя содержательному художественному замыслу ... Исполнение Рахманинова захватывало, прежде всего, огромной выразительной силой» [6].

На социально-психологические установки Рахманинова влияла атмосфера общечеловеческих ценностей, духовно-нравственные идеи русской интеллигенции, высокого искусства, отражающего прекрасное, красоту природы, человеческих чувств. Ему были близки А. Белый, Д. С. Мережковский, К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус. Рахманинов, воспитанный на русской музыкальной классике, выше всего ценил духовно-нравственные, эстетические основы русской музыки. Для него важнейшим элементом музыки была красивая, выразительная мелодия, которая подчиняла все остальные средства музыкальной выразительности, мелодия, которая отражала русский национальный стиль, его характер, менталитет, воплощённый в художественном образе. Так, в 1919 году он писал: «Я мало ценю тех, кто отказывается от мелодии и гармонии, ради погружения в оргию шума и диссонансов, являющихся самоцелью ... Футуристы ... открыто заявляют о своей ненависти ко всему, что хотя бы отдалённо напоминает мелодию. Они требуют “краски” и “атмосферы” и, игнорируя все правила построения музыки, создают произведения бесформенные, как туман, и столь же недолговечные» [7, с. 134–135].

Находясь в России, он много сочинял, наибольшее количество произведений было написано в имении Ивановка¹. Это место с его богатейшей природой, цветущими садами, благоухающими цветами, звоном ко-

¹ Судьба имения Рахманинова в Ивановке печальна. После революции в нём сначала находилась коммуна, затем имение было разгромлено, книги с автографами Л. Н. Толстого, Н. В. Гоголя были сожжены, рояли, к которым прикасались руки выдающегося пианиста, выброшены, сожгли 24 постройки. И только после 1980-х начались восстановительные работы этого имения, которое сегодня является музеем выдающегося музыканта.

локолов, было наиболее любимым, оно оставило глубочайший след на всю жизнь. Здесь он был счастлив, именно здесь он отдавался вдохновению, сочинил свои лучшие произведения, среди которых его оперы «Алеко», «Скупой рыцарь», симфонические поэмы, кантаты «Колокола», «Весна», фантазия «Утёс», множество романсов, в том числе и три знаменитых фортепианных концерта, которые стали любимыми произведениями пианистов всего мира.

Всё это Рахманинов сочинял, будучи окружённым красивой природой, играя часами на фортепиано, он постоянно с наслаждением занимался хозяйством, благоустраивая имение. Несмотря на своё дворянское происхождение, он любил простой народ, восхищался цветами, особенно сиренью. Именно сирень стала для него символическим цветком, отражающим самое дорогое и ценное. Рахманинов всю свою жизнь свято верил в Бога, был православным христианином, не случайно его интересовала музыкальная духовная культура Древней Руси. Он великолепно разбирался в знаменых песнопениях, использовал традиции в своём музыкальном творчестве. Потенциал автора духовной музыки композитор продемонстрировал уже в 1910 году, когда ознакомил слушателей с «Литургией Иоанна Златоуста» в исполнении Синодального хора под руководством Н. М. Данилина, одного из выдающихся русских дирижёров того времени. Впоследствии в Петербурге с большим успехом этим произведением дирижировал и сам Рахманинов. По воспоминаниям одного из свидетелей, присутствующих в Мариинском театре: «Высокая, стройная, со строгими чертами лица фигура Рахманинова на дирижёрском возвышении была выразительна, импозантна и красива, отвечая стилю концерта и сосредото-

ченному вниманию зала. Торжественная тишина, глубокое внимание, одухотворённое выражение на лицах слушателей свидетельствовали, что музыка Рахманинова нашла путь к их сердцам ...» [8]. Достаточно большой популярностью всегда пользовалась и рахманиновская монументальная хоровая симфония «Всенощное бдение», созданная композитором в 1915 году. Она часто исполняется Московским Синодальным хором.

Второй период жизни великого пианиста и композитора связан с годами, проведёнными в эмиграции. События, которые потрясли Россию в первой четверти XX века, оказались трагическими и для Рахманинова. Он предчувствовал катастрофу и ещё в 1913 году в своей поэме «Колокола» использовал эсхатологический символ колокола, который возвещает конец света. Октябрьская революция навсегда и бесповоротно разрушила все его планы, душевный покой. Уехав в октябре 1917 года на гастролы в Скандинавские страны, он должен был вернуться, но понимал, что уезжает из России навсегда, полагал, что его музыка здесь больше не нужна.

Катастрофические события, которые произошли в России, вынудили уехать из страны более двух миллионов человек, среди них были выдающиеся учёные, писатели, художники, музыканты, которые в условиях эмиграции не просто стремились спасти свою жизнь, но и делали всё возможное, чтобы сохранить свою национальную культуру, искусство, развивать их, несмотря на все лишения и трудности, совершая духовный подвиг во имя прошлого и будущего России.

Второй этап жизни и творчества Рахманинова был наиболее сложным. Резко изменилась окружающая его социально-психологическая обстановка. Разрыв с Родиной

отразился на его композиторской деятельности. Десять лет он почти ничего не писал, но много гастролировал как дирижёр и пианист, стремился материально обеспечивать свою семью – жену и двух дочерей.

Успешно выступая с концертами в различных странах, Рахманинов завоевал славу лучшего пианиста в мире. По этому поводу он говорил: «Уехав из России, я потерял желание сочинять. Лишившись Родины, я потерял самого себя. У изгнанника, который лишился музыкальных корней, родной почвы, не остаётся желания творить, не остаётся иных утешений, кроме нерушимого безмолвия нетревожимых воспоминаний» [1].

Проживая в Америке и Европе, он мечтал о своей Ивановке, с болью вспоминая о ней. Он стремился к уютной семейной жизни, которая давала ему возможность творить. Только в тридцатом году, по настоянию его друга, немецкого композитора Оскара фон Риземана, Рахманинов обосновался в Швейцарии в живописнейшем месте, которое ему напоминало любимую Ивановку. Это имение – вилла на берегу озера – получила название «Сенар» от первых букв слов **С**е-ргей, **Н**а-талья (его жена) и **Р**-ахманиновы. Стремясь воссоздать образ родной Ивановки, он сам занимался строительством, взрывал скалы, выравнивал землю, чтобы вырастить такой же цветущий, сад как и в России. В Сенар приезжали многие его друзья эмигранты. Здесь бывали М. Фокин, В. Горовиц, Н. Мильштейн, Н. К. Метнер... Именно Сенар, стоящий на берегу озера, напоминал ему его Отечество, тот семейный уют, покой и тишину, в которой он так нуждался. Именно здесь он опять начал писать, создавать свои знаменитые произведения, среди которых Рапсодия на тему Паганини для фортепиано с оркестром и

Концерт № 4 для фортепиано с оркестром, посвящённый его другу Метнеру, которого в условиях эмиграции духовно и материально поддерживал Рахманинов. Но, уехав на гастроли в 1939 году, ему было не суждено больше вернуться в Сенар, так как началась Вторая мировая война.

Живя во время войны в Америке, много гастролируя, Рахманинов по-прежнему оставался представителем старой России. И таким остался навсегда, в чём помогло его творчество, исполнительская деятельность выдающегося пианиста и дирижёра. Следует отметить, что многие его соотечественники в условиях эмиграции ощущали себя изгоями, оторванными от своей профессиональной деятельности, людьми, у которых в результате деформации личности, многочисленных стрессов были сломаны жизненные стереотипы, разрушены надежды и мечты, потеряны смысл жизни, что привело многих к социальной дезадаптации, духовной и физической смерти. Рахманинова, в отличие от многих других, где бы он ни находился и как бы тяжело ни переживал, всегда спасала музыка, дело всей его жизни.

Но, несмотря на это, его внутренний мир не мог остаться в стороне от той социально-психологической обстановки, которая его окружала, он всем своим существом стремился противостоять окружающим его трудностям. И не случайно, по мнению Гольденвейзера: «Рахманинов как человек производил двойственное впечатление. На людей, мало его знавших, ему далёких, он производил впечатление сурового, несколько сухого, пожалуй, высокомерного человека ...» [4, с. 3]. И это было своеобразным средством самозащиты от столь же сурового, чужого окружающего мира. Но эта отчуждённость никогда не от-

ражалась на его близких, русских эмигрантах. По мнению тех, кто был с ним рядом и знал его близко, Рахманинов был скромным. Он не любил «быть на виду», демонстрировать себя, раскрывать свои мысли и чувства. В своих воспоминаниях его двоюродная сестра (сестра жены) Софья Александровна Сатина писала: «Он был очень скрытен относительно всего, что касалось его музыки и относительно себя. Словами о себе, и о своих переживаниях, и о своём творчестве он ничего или почти ничего не говорил. Только при мне раз упомянул, что все слова ни к чему, что всё это высказывается в его произведениях и высказывается в его игре» [9, с. 6].

Восторженная публика разного интеллекта, различных сословий, где бы пианист ни появлялся и ни выступал, всегда давала Рахманинову ту душевную силу, внутреннюю уверенность, позволяющую создавать свои творения, имеющие жизнеутверждающий характер. Его величественные, широкие, раздольные мелодии отражали его любимую Родину. Это восхищение публики, которое сопровождало его творческую деятельность, было психологически необходимо для Рахманинова. Не случайно он категорически возражал, когда его родные обращались к нему с призывом «поменьше выступать», «побережь себя» и т.п., на что он решительно отвечал: «Концерты – моя единственная радость. Если вы лишите меня их, я изведусь ... Нет, я не могу меньше играть. Если я не буду работать, я зачакну Нет ... лучше умереть на эстраде ...» [7, с. 137].

Гастролируя по всему миру, Рахманинов всегда оставался истинно русским композитором, преданным своей Родине, он утверждал: «Музыка композитора должна выражать дух страны, в которой он родился, его любовь, его веру и мысли, возникшие

под впечатлением книг, картин, которые он любит» [12, с. 147]. Его отличало милосердие, стремление оказать духовную и материальную поддержку своим друзьям, близким и даже малознакомым людям. Третью своих гонимых он отдавал нуждающимся, главным образом русским эмигрантам, которые часто оставались без средств к существованию. Участвуя в благотворительных концертах, как в Первую мировую войну, так и во Вторую, он никогда не забывал о своём многострадальном Отечестве, никогда и нигде не принимал другого гражданства, даже если долго жил в другой стране.

Не случайно один из современников композитора пианист И. Гофман в своих письмах к Рахманинову обращался к нему словом «Премьер» – считая его самым великим пианистом эпохи и самым чистым, святым человеком. Ему были присущи лучшие черты представителей Серебряного века, особенно их неизгладимая любовь к России. Во время Второй мировой войны Рахманинов, желая поддержать сражающуюся с врагом Родину, проводил благотворительные концерты, отдавая вырученные средства в советские посольства и консульства. Даже в последние месяцы жизни, когда композитор умирал от рака и редко приходил в сознание, он просил супругу прочитать ему сводки с фронтов. Узнав о победе под

Сталинградом, он из последних сил прошептал: «Слава Богу!». 28 марта 1943 года, в Крестопоклонную неделю Великого Поста, Рахманинова не стало. Он был похоронен на русском кладбище в Кенсико, недалеко от Нью-Йорка.

Вся история жизни и деятельности Рахманинова свидетельствует, что он был достойным сыном Серебряного века, представителем высокой духовности и нравственности, высоких общечеловеческих ценностей. Его сложный и уникальный творческий путь – образец служения Отечеству, Богу, людям, верности и преданности традициям русской музыкальной культуры. Подтверждением этого являются его слова: «в моих собственных сочинениях я не сделал сознательных усилий быть оригинальным, или романтиком, или националистом, или каким-либо ещё. Я просто записывал на бумагу как можно естественнее ту музыку, которую слышал внутри себя. Я русский композитор, моя родина определила мой темперамент и моё мировоззрение. Моя музыка – детище моего темперамента, поэтому она – русская» [4, с. 10].

Весь его творческий путь, его произведения, его внутренний духовный мир – свидетельства величия и уникальности личности выдающегося представителя отечественной культуры, истинного патриота России.

Список литературы

1. *Архипенко А. С.* В. Рахманинов: «Уехав из России, я потерял желание сочинять» [Электронный ресурс] // Коммутисты Столицы : [сайт]. 1 апреля 2015 года. URL: <https://comstol.info/2015/04/obshhestvo/10913>
2. *Бердяев Н. А.* Самопознание. Москва : ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. 620 с.
3. *Гнесина Е. Ф.* Воспоминания о Рахманинове [Электронный ресурс] // Senar : [сайт]. URL: <https://senar.ru/memoirs/Gnesina>
4. *Гольденвейзер А. Б.* Воспоминания. Москва : Дека-ВС, 2009. 560 с.
5. *Зорилова Л. С.* Духовные основы русской музыкальной культуры (XIX – начало XX века) // Музыкальная педагогика. Исполнительство : сборник статей. Выпуск 4. Москва : МГУКИ, 1999.

6. Келдыш Ю. В. Рахманинов Сергей Васильевич (20.III.1873 – 28.III.1943) [Электронный ресурс]. // Все пианисты : [сайт]. URL: <http://allpianists.ru/rahmaninov.html>
7. Молодые годы Сергея Васильевича Рахманинова. Письма, воспоминания / под редакцией В. М. Богданова-Березовского. Ленинград : Государственное музыкальное издательство, 1949. 191 с.
8. Оссовский А. В. Воспоминания: С. В. Рахманинов [Электронный ресурс] // Senar : [сайт]. URL: <https://senar.ru/memoirs/Ossovsky/>
9. Сатина С. А. «Записка о Рахманинове» (рукопись) ГЦММК // Молодые годы Сергея Васильевича Рахманинова. Письма, воспоминания / под редакцией В. М. Богданова-Березовского. Ленинград : Государственное музыкальное издательство, 1949.
10. Хлебакова А. Зарубежный период жизни Рахманинова [Электронный ресурс] // Единение. Русская газета в Австралии : [сайт]. 23.06.2014. URL: <https://www.unification.com.au/articles/2291/comments/>
11. Шаляпин Ф. И. Маска и душа : мои сорок лет на театрах / предисловие Б. Покровского ; комментарии, послесловие Е. Дмитриевской. Москва : В/О «Союзтеатр» СТД СССР, 1991. 318, [1] с.
12. Forever D. G. С. В. Рахманинов. Публикации Рахманинова [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/wall-144083853_41199

References

1. Arkhipenko A. S. *Rachmaninov: "Having left Russia, I lost the desire to compose"*. Available at: <https://comstol.info/2015/04/obshhestvo/10913> (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. *Self-knowledge*. Moscow, Kharkov, 1998. 620 p. (In Russ.).
3. Gnesina E. F. *Memories of Rachmaninov*. Available at: <https://senar.ru/memoirs/Gnesina> (In Russ.).
4. Goldenveizer A. B. *Memories*. Moscow, Publishing House "Deka-VS", 2009. 560 p. (In Russ.).
5. Zorilova L. S. Spiritual foundations of Russian musical culture (XIX – the early XX century). In: *Musical pedagogy. Execution: collection of articles*. Issue 4. Moscow, Publishing House of Moscow State University of Culture, 1999. (In Russ.).
6. Keldysh Yu. V. *Rachmaninov Sergei Vasilievich (20.III.1873 – 28.III.1943)*. Available at: <http://allpianists.ru/rahmaninov.html> (In Russ.).
7. Bogdanov-Berezovskii V. M., ed. *Young years of Sergei Vasilyevich Rachmaninov*. Letters, memories. Leningrad, State Music Publishing House, 1949. 191 p. (In Russ.).
8. Ossovskii A. V. *Memoirs: S. V. Rachmaninov*. Available at: <https://senar.ru/memoirs/Ossovsky/> (In Russ.).
9. Satina S. A. "A note about Rachmaninov" (manuscript). In: Bogdanov-Berezovskii V. M., ed. *Young years of Sergei Vasilyevich Rachmaninov*. Letters, memories. Leningrad, State Music Publishing House, 1949. (In Russ.).
10. Khlebakova A. *Foreign period of Rachmaninov's life*. Available at: <https://www.unification.com.au/articles/2291/comments/> (In Russ.).
11. Shalyapin F. I. *Mask and soul: my forty years in theaters*. Moscow, Published by V/O "Soyuzteatr" STD USSR, 1991. 318 p. (In Russ.).
12. Forever D. G. S. V. *Rachmaninov. Rachmaninov's publications*. Available at: https://vk.com/wall-144083853_41199 (In Russ.).

*

Возобновление авангардно-модернистских стратегий и этические аспекты в глитч-манифестах

УДК 7.01

[https://doi.org/ 10.24412/1997-0803-2020-698-93-104](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-93-104)

Э. В. Жагун-Линник

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация,
e-mail: elvirazhagun@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-1291-9271

Аннотация: Манифесты глитч-арта являются структурообразующими для глитч-культуры. Глитч-художники формируют в манифестах общие принципы, построенные на сопротивлении капиталистическим форматам протоколов, что позволяет выстроить глитч-арт как единую программу сопротивления нормированному протокольному пользовательскому поведению. Глитч-феномен в манифестах расширяет своё эстетическое поле, становясь частью цифровой политики, определяя культурные ожидания, связанные с этим видом искусства. В статье показано наследование глитч-манифестами традиций модернистских и неоавангардных манифестов, указывается на типологическое сходство развития тех и других манифестов. При этом доказано, что глитч-манифесты усиливают прагматическую сторону реализации глитч-арта благодаря новым возможностям сетевого и постсетевого взаимодействия. Глитч-манифесты устанавливают глитч-арт как неотъемлемую часть культуры в информационном обществе, что выражается в подлинно антикапиталистическом настроении, где основной задачей глитч-феномена остаётся демонстрация пользователю истинного технологического мира вещей. Тем самым глитч-арт раскрывает культурную сущность и философию технологии, техно-бытие как способ существования современной постиндустриальной культуры и его ограничения.

Ключевые слова: глитч-арт, глитч-теория, эстетика ошибки, глитч-манифест, манифест.

Для цитирования: Жагун-Линник Э. В. Возобновление авангардно-модернистских стратегий и этические аспекты в глитч-манифестах // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 93–104. [https://doi.org/ 10.24412/1997-0803-2020-698-93-104](https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-93-104)

THE RENEWAL OF AVANT-GARDE AND MODERNIST STRATEGIES AND ETHICAL ASPECTS IN THE GLITCH MANIFESTOS

Elvira V. Zhagun-Linnik

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation,
e-mail: elvirazhagun@gmail.com, ORCID ID: 0000-0002-1291-9271

Abstract: Glitch art manifestos are structurally important for glitch culture. In their manifestos glitch artists formulate general principles declared on resistance to capitalist protocol formats, which makes it

ЖАГУН-ЛИННИК ЭЛЬВИРА ВАЛЕРЬЕВНА – преподаватель кафедры кино и современного искусства
Российского государственного гуманитарного университета

ZHAGUN-LINNIK ELVIRA VALERYEVNA – lecturer at the Department of the Cinema and Contemporary
Art Studies, the Russian State University for the Humanities

© Жагун-Линник Э. В., 2020

possible to establish glitch art as an unique program of resistance to normalized user protocol behavior. In these manifestos glitch extends its aesthetic field as participating in the digital politics and defining the cultural expectations linked to this form of art. The article proves that glitch manifestos go back to modernist and neo-avant-garde samples, pointing to the typological closeness of the development of both. Along with it, it demonstrates that glitch manifestos are to intensify the pragmatic side of the implementation of glitch art due to new opportunities for network and post-network interaction. Glitch manifestos introduce glitch art as an integral part of culture of the information society, expressed in a truly anti-capitalist mood, where the general aim of the glitch phenomenon is still to unveil the sincere technological world of things to the user. Thus, glitch art expresses the cultural essence and philosophy of technology, techno-being as a mood of existence of contemporary post-industrial culture, and its limitations.

Keywords: glitch art, glitch theory, glitch aesthetic, glitch manifestos.

For citation: Zhagun-Linnik E. V. The renewal of avant-garde and modernist strategies and ethical aspects in the glitch manifestos. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 93–104. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-93-104>

Глитч-арт и сформировавшаяся глитч-эстетика (эстетика ошибки) – это специфическое явление современной культуры, выполняющее критическую функцию в отношении технического прогресса. Под глитч-артом принято понимать как эстетизацию и институализацию глитчей в качестве культурного производства, так и критическую и философскую практику, предлагающую новый взгляд на устоявшиеся социокультурные представления и установки. Формирование самого глитч-арта определяется культурными контекстами использования глитч-феноменов¹, где определяющим фактором оказывается институционализация. Примером такого действия следует признать кураторский проект «Музей Глитч-Эстетики» (The Museum of Glitch Aesthetics) Марка Америки (Mark Amerika),

¹ Глитч (англ. glitch – ‘компьютерный глюк, сбой, ошибка, техническая помеха, проблема, затруднение, авария, дефект, внезапный отказ’) широко используют специалисты в сфере кибернетической и цифровой художественной культуры для описания всевозможных отклонений и помех в технических системах и электронике в виде изображения, графики, звука, текста, воспроизводимых посредством аппаратного аналогового и программного цифрового устройства.

Марго Киттлера (Margot Kittler) и других, основанный на стратегии The Artist 2.0 (художник 2.0)². «Музей Глитч-Эстетики» представляет собой музейно-кураторскую форму онлайн-выставки, в рамках которой семь разделов знакомят с концепцией проекта, экспликациями представленных работ, также возможно свободно загрузить электронный каталог, что интегрирует усилия художников в актуальную медиасреду. Так, одна из секций онлайн-музея посвящена реальным глитч-искажениям в google-картах и google-навигации. В видео Lake Como Remix художники используют программное обеспечение онлайн-навигации, предоставляемое Google Earth для перемещения по виртуальной карте. В процессе движения они фиксируют глитчи в ландшафте, превращающие дома в подобие кораблей, туннели – в абстрактные экспрессионист-

² Марго Киттлер пишет, что основной эстетической и художественной стратегией The Artist 2.0 является создание «альтернативного мира иллюзий, где утопический коллектив, состоящий из сети единомышленников, художников и интеллектуалов, использует все доступные технологии новых медиа, чтобы вмешиваться и/или нарушать мировые капиталистические потоки» (Официальный сайт музея. URL: <http://www.glitchmuseum.com/index.html>)

ские острые формы, дороги – в футуристически-калейдоскопические объекты. Таким образом, случайно найденные и пойманные глитч-феномены, попадая в онлайн-музей как институт современного искусства, автоматически становятся музеефицированными глитч-артефактами, что уподобляет глитч-феномены реди-мейд объектам и найденным объектам. Данный проект нивелирует различие между глитчем и глитч-артом, превращая это новое искусство в ресурс критики социальных процессов в современных медиа.

Данная критика, будучи систематизирована для практических целей, превращается в глитч-эстетику. Глитч-эстетика – концепция, сформировавшаяся на дихотомии нормы и ошибки в культуре, где глитч является ошибкой, интерпретируемой как разрыв, нарушающий норму процессуальности системы. Глитч в глитч-арте позиционируется как феномен, открывающий для пользователя скрытые принципы и структурные особенности функциональности технологии, визуализируя её материальность. Такой институционализированный глитч обосновывается через два аспекта – формально-стилистический и коммуникативный, и тем самым выступает как художественная норма социальной критики всевластия технологий. Указанная устойчивая институционализация, произведённая чрезвычайно быстро, как раз и потребовала манифестов для своего подкрепления.

Художественный манифест кратко выражает позицию художника в отношении искусства как такового и места собственно творчества в развитии искусства. Начиная с середины XIX века манифест оказывается вариантом художественной стратегии, сочетающим в разных пропорциях этиче-

ские и эстетические аспекты стилеобразующего явления. Манифест – стратегический призыв, цель которого сформировать новый вариант визуальности, стиля, истории искусства и культуры. Так, современный манифест нормирован как *artist's statement* и является необходимым в современном художественном процессе.

Как и любые другие художники, глитч-художники [об этом явлении см.: 7; 8] создают свои манифесты, наследующие традиции коллективных манифестов модернизма. В отличие от индивидуальных убеждений и концептов в рамках частной художественной позиции, в этих манифестах утверждается концепция развития культуры, техники и искусства как радикально нового феномена. Это показывает наследование практик модернизма в современных культурных практиках цифрового, сетевого и постцифрового искусства [2; 9; 13; 19], претендующих на пересмотр статуса искусства и статуса культуры вообще. Действительно, каждое художественное направление, имеющее притязания на собственный культурный проект и собственное пересоздание культуры, издавало свой манифест: манифест футуризма Филиппо Томмазо Маринетти (1909), манифест «Искусство шумов» Луиджи Руссоло (1913), манифест супрематизма Казимира Малевича (1915), «Манифест Дада» Тристана Тцара (1918), манифест «Мы» Дзиги Вертова (1922), манифест Обэриу (1928), манифест сюрреализма Андре Бретона (1929), манифесты театра жестокости Антонена Арто (1932–1933) и т.д.

Традиция манифестов продолжилась и во второй половине XX века. Например: Флюксус-манифесты (*Fluxus Manifesto*) Джорджа Мачунаса (1963), ситуационист-

ский манифест (1960), манифест киберпанка (1976–1998) и манифест киборга Донны Дж. Харауэй (1985), включая теоретические и философские обоснования таких направлений, как концептуализм [10; 11], формирующие общие художественные принципы.

Свои манифесты создают художники цифрового искусства: манифест сетевого искусства (Net.art) Н. Букчин и А. Шульгина (1999) [20]; манифест хакера (hacker manifesto) Варка МакКензи (McKenzie Wark, 2004) [29]; манифест метамодернизма (The Metamodernist Manifesto) Люка Тёрнера (Luke Turner, 2011) [17].

Общим для всех манифестов оказывается фокус не столько на художественных, сколько на этических аспектах. Но если манифесты модернизма, полемицирующие с кодифицированными (академическими) нормами производства культуры и искусства, в большей степени литературоцентричны, манифесты второй половины XX века, в период кризиса всех традиционных институтов, ориентированы на всеобщее социальное действие, в то время как манифесты начала XXI века, созданные уже в «акторно-сетевой» среде и внутри концепции sustainability, часто напоминают инструкцию с несомненным этическим пафосом. Разные глитч-манифесты сочетают в себе все три аспекта (литературность, социальность, этичность), но общим для всех оказывается интенция умышленного ускользания от техники и технологии для устойчивого развития общества на разумных основаниях.

Такая доминанта манифестов определяется не столько социально-политическими интересами отдельных художников, сколько собственной логикой развития глитч-арта. Глитч-арт является художественным вариантом хактивизма (от. англ. hactivism,

слияние двух слов hacker и activism). Так называется одна из форм «активизма в области цифрового искусства, основанная на взломе, переформатировании и изменении данных и систем, которое используется в художественном ключе, также включающая в себя всевозможные интервенции в форме тактических медиа»[10]¹, которые отражают «воздействие новых технологий на культуру, например, обратить технологию на саму себя» [15, с. 204–211]. Это определение прямо указывает на сложность современных культурных процессов: перед нами не просто однонаправленное воздействие технологий на культуру, но особый способ развития технологии за счёт мобилизации и усиленной рефлексии коммуникативных механизмов культуры.

Таким образом, глитч-арт апеллирует к опыту повседневности [16] и наследует традиции культурных практик дадаизма и движения группы Флюксус [14], основанных на художественном переосмыслении повседневных явлений и событий. Так, глитч-художники, сопротивляясь навязанным правилам пользовательского поведения, используют глитч-феномен не столько как эстетический феномен, но и как вариант сопротивления навязанной рутине, что понимается как необходимая часть цифровой политики.

¹ Термин введён в 1996 году Дэвидом Гарсиа и Гертом Ловинком в манифесте «The ABC of tactical media». Tактические медиа описывают интервенционистскую практику медиаискусства, создаются для проведения кампаний, формирования художественных сетей или акций в киберпространстве: пиратских радио и телевидения, интернет-радио, интернет-кампаний, видеоактивизма, технологичного самиздата и медиаактивизма.

Манифест всегда отчасти компенсирует закрытость системы смыслового производства в искусстве. В глитч-арте такая закрытость концептуализирована технологическими аспектами. Концепция «чёрного ящика» подразумевает, что технологический медиум, как любые медиа вообще, оказывается непрозрачным. Эта непрозрачность выражена способностью медиума в процессе работы автономно формировать собственное высказывание – обнажать технический код, скрытый от пользователя. Иначе говоря, в непрерывном процессе культурной коммуникации глитч-феномен раскрывает синтаксис своей работы, как именно и когда он пересобирает высказывания. Глитч-теория превращает эту автономию в основание для разработки новых продуктивных механизмов современной культуры, для чего необходимо обратиться к истории этой культурной практики.

Глитч-арт напрямую взаимодействует со специфической технической реальностью и материальностью, исследует её, взламывает, обнажает ограничения различных видов технических аппаратов и программного обеспечения. Этой многозадачностью обусловлено видовое разнообразие глитч-практик, которое, в конце концов, восходит к авангардной идее обнажения материальности самого медиума искусства (медиума формы, ритма, краски, плоскости холста, цвета) [3]. Глитч вытаскивает на уровень доступной человеческому восприятию репрезентации скрытое от пользователя высказывание медиа, тем самым продолжая авангардно-модернистскую традицию заинтересованного взаимодействия художника с материальностью технических медиа. Тем самым манифест помогает понять этот алгоритм не как произвол отдельных

художников, а как базовый инструмент для самого искусства.

Уже в авангарде самостоятельным высказыванием становится обнажение собственной материальности и реальности медиума, где манифест был одновременно медиумом и инструментом такого обнажения. Ведь «задача авангарда строилась на том, чтобы устранить из каждого художественного медиума всё ему чуждое, чтобы проявить его собственные свойства» [4, с. 84], а художественно-эстетические возможности самого медиума оказывались приоритетными. В рамках этой традиции – обнаружение сообщения самого медиума, подкреплённое манифестом как указанием на такой режим, – развивается и глитч-арт как продуктивное средство обнаружения конструктивных механизмов культуры.

Но чтобы такое самообнаружение медиа, уже неподдерживаемое авангардным проектом, продолжало быть продуктивным для порождения новых культурных практик, необходимо вскрыть информационный смысл этого самообнаружения в культуре, не зависящий от отдельных утилитарных или художественных решений, то есть переориентировать феномен от утилитарных функций в пользу художественных. Пример такой отрешённости был дан ещё авангардистами в их критике современности: «представители исторического авангарда интересовались технологической, индустриальной современностью. Однако их интерес был продиктован стремлением эстетизировать и дефункционализировать эту современность, дабы продемонстрировать свою убеждённость в иррациональности и абсурдности прогресса» [5, с. 60]. Эстетизация дисфункциональных, сломанных, руинированных технических систем характер-

на для произведений глитч-арта, что вполне отвечает гройсовскому определению арт-активизма в применении к функционированию вещей в искусстве. Это определение может быть перенесено и в науки о культуре, где функционирование культурной семантики будет описано как результат обнаружения ограничений рутинизированных культурных практик и тем самым манифест будет считаться частью этого функционирования.

Б. Гройс усматривает в такой иррационализации современности ретроспективный взгляд на неё, когда «технически управляемая, ориентированная на прогресс современность выглядит как тотальная катастрофа» [5, с. 62]. Тем самым можно говорить, что глитч-арт не просто вскрывает механизмы культуры как «чёрного ящика», но вскрывает их критически, поддерживая манифестами адресность, а не просто релевантность этой критики. Глитч-арт, так же как дадаизм, сюрреализм и футуризм, противопоставляет своё искусство буржуазной идеологии, капиталистическому обществу, иллюзии прозрачного интерфейса, навязанной мощными корпорациями, чьей главной идеей является задача полностью стереть медиум, сделать интерфейс и любое посредничество невидимым, – протестует против перфектизации и фетишизации совершенной, гладкой визуальности. Для этого вырабатывается ретроспективный взгляд на культурную динамику с точки зрения будущих комбинаторных возможностей техники.

К манифестам глитч-арта относятся манифест Дж. Кейтса «Грязные Новые Медиа» (DNM), манифест Р. Менкман, манифест К. Клонингера и Н. Бриза. Все они сочетают в себе активистский и хакерский

подходы, формируя концептуальную составляющую культурного проектирования вокруг неподчинения аппаратному и программному обеспечению. Глитч-манифесты оказываются формой арт-активизма, которые не просто артикулируют этическую и социальную позицию глитч-арта, но призывают активно практиковать её в современной культуре, превращая манифест в прагматический ресурс. Такое культурное функционирование глитча усиливает идеологический уровень глитча как ошибки, разрыва, который противопоставляется рутинным коммерческим формам протоколов, разрушая ожидаемые визуальные, аудиальные, текстовые принципы коммуникации и взаимодействия с технологией [18]. Глитч-практики обращают подрыв системы в способ критически осмыслить существующую медиареальность как неотъемлемую часть современной культурной системы.

Манифест *Glitch studies Manifesto* (Глитч Манифест) [25] художника, теоретика, куратора из Голландии Розы Менкман был создан в 2009–2010 годах и включён в книгу «*The Glitch Moment(um)*» 2011 года. Манифест стал ответом на тревожащую тенденцию превращения глитч-артефактов из критической практики в дизайн и товар, что тоже соответствует борьбе с обыденным сознанием в художественной культуре XX века.

Менкман актуализирует глитч как критическое событие, сопоставляющее внутри культуры социальное и техническое: «материальность глитч-арта не является ни цифровым материалом, который соответствует форматам, ни машиной (механизмом), порождающим его (глитч-арт), а постоянно меняющимся конструктом, который зависит от взаимодействия текста, социаль-

ной, эстетической, политической и экономической динамики, и точкой зрения, при которой меняется значение при различных субъектах» [26]. Таким образом, глитч является для неё не статическим, а динамическим элементом культурной системы, и манифест, локализуя предмет внутри системы, подрывает любое его конформистское использование.

При этом глитч-событие она понимает в категории деструктивного импульса [27, р. 35], как создающего критическую метапозицию по отношению к породившей его среде. При этом для неё глитч-импульс делает видимым не только сам интерфейс как место человеко-машинного взаимодействия, но и порядок производства культуры в конкретных современных исторических условиях. Тем самым глитч, по мнению данного автора, принципиально исключает редукцию коммуникации до линейного обмена информацией [27]. Исходя из таких культурных амбиций глитча, Менкман обличает трансформацию глитч-арта в узкий жанр творчества, где стилизация низводит глитч пусть до причудливой, но всего лишь информации, напрямую не связанной с историческими задачами глитча. Этим объясняется пафос манифеста, призывающего всеми средствами сопротивляться навязанным категориям, определениям, протоколам и нормам: «Подвергайте сомнению функционирующие шаблоны художественной практики. Боритесь с жанрами, интерфейсами и ожидаемыми результатами!» [25]. Как и авангардисты, она с помощью анафорических восклицаний мобилизует зрителя, делая его активным участником процесса. Но, в отличие от военного стиля мобилизации в авангарде, здесь мобилизация концептуализирует саму позицию зрите-

ля в мире меняющихся технологий. Тем самым должен быть достигнут надлежащий и творческий, и критический уровень субъектов культуры.

Другой, относительно новый, но не менее радикальный манифест, посвящённый глитчу, был создан Куртом Клонингером совместно с Ником Бризом в 2014 году [21, pp. 11–25]. В отличие от манифеста Менкман, акцент в нём делается не столько на эстетических, сколько на социально-политических аспектах культурной коммуникации. В этом манифесте авторы впервые обосновывают «политический» глитч как явление и понятие.

Непременный политический смысл глитча авторы манифеста обосновывают двойственностью самой его природы. С одной стороны, глитч делает доступной пользователю внутреннюю естественность технологии, её подлинные, скрытые от внешнего наблюдателя процессы. С другой – технология не обладает необходимой субъективностью, позволяющей наделить актуализированный сбой в визуальной форме смыслом, увидеть усиливающийся аксиологический аспект развития технологий, благодаря чему ответственность за социально-политическое содержание культуры как основание ценностного выбора возвращается субъекту. Таким образом, признание глитча и становится политически ангажированным субъектом: «Машина не может распознать/осознать глитч. Только люди осознают глитч как глитч. Потому что машина не имеет никаких причин для ожиданий. Машина просто делает то, что делает. Глитч возникает, когда человек ожидает, рассчитывает на одно, а получает другое. Без надежды, предчувствия и ожидания, без чувства правильности и того, как всё

должно быть, глитч не существует. В мире есть лишь события. Когда люди отфильтровывают глитч как шум, мешающий статус-кво сигнала, когда люди отказываются находить общий язык и быть взволнованными и напуганными нюансами глитч-события, они принимают консервативное политическое решение» [21, р. 16]. Тем самым авторы манифеста отождествляют инертность и аполитичность с наивным восприятием глитча, а радикализм и политическую ангажированность – с глитч-артом как сознательной его формой.

Итак, Курт Клонингер и Ник Бриз установили прямую корреляцию между творческим, осознанным отношением к глитч-событию и формулированием политической позиции. Политический глитч, по аналогии с истинным глитчем Менкман, сопротивляется его пассивному восприятию как добавочной информации, демонстрируя интерсубъективность любой рефлексии над качественным изменением информации.

Соответственно, настоящим, то есть политическим, глитч-феномен становится тогда, когда «наделяет своего “зрителя” собственной свободой воли и обязательством, которое она накладывает» [21, р. 19]. При такой форме повседневной коммуникации, сталкивающейся с техническими ограничениями, глитч заставляет субъекта осознать свои ограничения и страхи и бороться с ними, выходя за пределы пользовательского контроля, навязанного нормами, как технологически-функциональными, так и коммуникативными. При этом политический глитч, как и любой другой, радикализует любой язык в качестве нейтрального медиума технологий: «политический глитч отказывается функционировать как простой знак, простой символ визуального

языка» [21, р. 22], поскольку это знаки уже присущи технологической системе. В таком случае событие политизируется как необходимая критика буржуазной «экономии знака» [1] в противоположность коммерческой прагматизации семантики.

Общим знаменателем двух манифестов служит концепция-манифест Грязных Новых Медиа [23] (2005) Джона Кейтса – профессора кафедры кино, видео, новых медиа и анимации в School of the Art Institute of Chicago, Illinois (SAIC). Кейтс обозначил этическую позицию данного явления как противостояние коммерциализации культуры и цифровому капиталистическому производству, чтобы «обозначить контраст с той чистотой, которую я ассоциирую с коммерческими или корпоративными стилями цифрового искусства и дизайна» [28]. Так же как и Ник Бриз и Клонингер [22], Джон Кейтс рассматривает этическую составляющую глитч-арта в качестве необходимой части культурной повседневности обычного пользователя. Интерактивный принцип взаимодействия с изменчивой технологией посредством глитч-феномена для него подрывает рутинизированные в господствующей культуре конструкции информации, что позволяет в ходе глитч-процедуры реконтекстуализировать высказывание как культурный факт через «*poiesis (производство)* ошибочных практик» [24, р. 33]. Выход взаимодействия с глитчем в повседневность позволяет пользователю сопротивляться технократическому социальному порядку и узнать больше не только о себе как о субъекте, но и о самой технологии и её невидимых последовательных инструкциях. Теория Грязных Новых Медиа строится вокруг этической проблематики обращения с глитч-феноме-

нами, где глитч может исчезнуть при стирании различия между людьми и машинами, поскольку сама технология не считывает глитч-событие как ошибку.

Наиболее важным пунктом в теории Грязных Новых Медиа Кейтса оказывается технологическая уязвимость и поломка, которую он понимает как основу медиареальности. Способность ломаться, по мнению Кейтса, сближает технологию и человека, но не в сентиментальном, а в трансгуманистическом ключе. Тогда глитч-событие оказывается не предметом ситуативного опыта, а неотъемлемой частью любых механизмов культуры – «плотно сбитые инфраструктурные сети, в которых функционируют современные общества, привычно стусёвывают различие между вещами и людьми. Они производят гибридные сети, в которых можно увидеть иллюстрацию к “неантропоцентрическому” подходу, характерному для акторно-сетевой теории» [6].

Критическое, политическое и этическое понимание глитч-арта в названных манифестах требует строго развести глитч-искусство как феномен культуры и глитч-эстетику как порождающий механизм культуры. Это разделение основано на специфике производственных ресурсов и задач. Глитч-эстетика опирается исключительно

на категорию художественного средства, превращаясь в приём сгличенности (glitchy) и оказываясь анахронизмом по отношению к истинному глитчу. Но критический подход, в том числе выраженный авторами манифестов, позволяет концептуализировать глитч-визуальность как эволюционно синхронную технологию в современной культуре, расширяя модель культурной коммуникации в контексте трансгуманистических дискуссий. Этику этих манифестов можно назвать контркультурной, но внутри проблематизации места человека в технической системе, когда этика определяет культурные нормы как для машин, так и для человека.

Глитч-манифесты возобновляют установку авангардной стратегии увлечённости техническими инновациями, совместно с неоавангардной установкой, на интеллектуальность и концептуализацию нехудожественных событий. В глитч-манифестах находит продолжение модернистская традиция политизации искусства, где призывом к действию оказывается сама критическая рефлексия сетевой коммуникации. Тем самым в мире сетевого взаимодействия вслед за новыми нормами культурного производства в Сети приходят и новые паттерны автономного культурного развития системы «человек – машина».

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / [перевод с французского Д. Кралечкин]. Москва : Академический проект, 2007. 352 с.
2. Галкин Д. В. Эстетика кибернетического искусства 1950–1960-х годов : алгоритмическая живопись и роботизированная скульптура // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 320. С. 79–86.
3. Гринберг К. Авангард и китч / перевод А. Калинина // Художественный журнал. 2005. № 60. С. 49–58. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/60/avangard-i-kitch/>
4. Гройс Б. Под подозрением. Феноменология медиа. Москва : Издательство «Художественный журнал», 2006. 199 с.
5. Гройс Б. В потоке. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. 190 с.

6. Грэхэм С., Трифт Н. Неисправность : ремонтировать, поддерживать работу и понимать // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2014. № 2. С. 147–174.
7. Жагун-Линник Э. В. Осмысление эстетического в глитч-арте // Артикульт. 2017. 27 (3). С. 144–150. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-3-144-150
8. Жагун-Линник Э. В. Проблематизация художественных аспектов глитч-арта в современных исследованиях глитч-феноменов // Артикульт. 2019. 34 (2). С. 69–78. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-69-78
9. Ерохин С. В. Эстетика цифрового изобразительного искусства. Санкт-Петербург : Алетея, 2010. 432 с.
10. Киреев О. Краткий глоссарий тактической медиа-критики [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2005. № 58–59. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/30/article/563>
11. Коцут Дж. Искусство после философии [Электронный ресурс] // Искусствознание. 2001. № 1. С. 545–563.
12. Левитт С. Параграфы о концептуальном искусстве [Электронный ресурс] // Художественный журнал. 2008. № 69. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/366>
13. Манович Л. Язык новых медиа / [перевод Дианы Кульчицкой]. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.
14. Меньшиков Л. А. Художественные манифесты 1960-х годов : Программа флюксуса и её автор // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2014. Серия 15. Выпуск 1. С. 107–116.
15. Пол К. Цифровое искусство / [перевод : Александра Глебовская]. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. 271 с. : ил., цв. ил. (GARAGE).
16. Серто М. Изобретение повседневности. Искусство делать / [перевод с французского Д. Калугина, Н. Мовниной]. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 332 с.
17. Тёрнер Л. Манифест метамодернизма [Электронный ресурс]. 2011. URL: <http://metamodernizm.ru/manifesto/>
18. Anver J. (2018) How the Dirty New Media Movement Informed the First Virtual Art Galleries. *Art Practical*. Available at: <https://www.artpractical.com/column/how-the-dirty-new-media-movement-informed-the-first-virtual-art-galleries/>
19. Betancourt M. (2016) *Glitch Art in Theory and Practice: Critical Failures and Post-Digital Aesthetics*. Taylor and Francis: 150. <https://doi.org/10.4324/9781315414812>
20. Bookchin N., Shulgin A. *Introduction to net.art, 1994–1999*. Available at: <http://www.easylife.org/netart/>
21. Briz N., Cloninger C. (2014) *Sabotage! glitch politix Man[ua]l/ifesto*. One Per Year. Brescia, Italy: Link Editions, pp. 11–25.
22. Briz N. (2015) *THOUGHTS ON GLITCH[ART]v2.0*. Available at: <http://nickbriz.com/thoughtsonglitchart/thoughtsonglitchartv2.0.pdf>
23. Cates J. (2012) *Years of Dirty New Media*. Available at: <http://glitch.us/files/1337YEARS.pdf>
24. Faes A. (2015) The Error of Error: politics, community and humor in glitch art. *Bachelor of Visual and Critical Studies the School of the Art Institute of Chicago*, p. 33.
25. Menkman R. (2011) *Glitch Studies Manifesto*. Available at: http://amodern.net/wp-content/uploads/2016/05/2010_Original_Rosa-Menkman-Glitch-Studies-Manifesto.pdf
26. *Menkman's interview* (2010). Available at: <http://dinca.org/interview-with-rosa-menkman-dutch-visualist/5323.htm>
27. Menkman R. (2011) *The glitch moment(um)*. Network Notebooks 04, Institute of Network Cultures. Amsterdam.
28. Peplin E. (2011) *Dirty New Media Art*. Available at: <http://glitch.us/DirtyNewMedia.html>
29. Wark McKenzie (2004) *A Hacker Manifesto*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

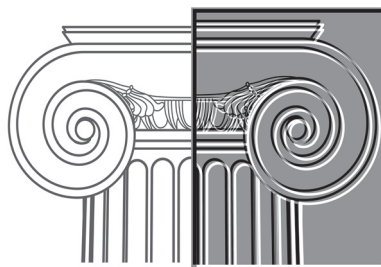
References

1. Baudrillard J. *To the criticism of the political economy of the sign*. Moscow, Publishing House "Academic Project", 2007. 352 p. (In Russ.).
2. Galkin D. V. Aesthetics of cybernetic art of the 1950th – 1960th: algorithmic painting and robotic sculpture. *Tomsk State University Journal*. 2009, no. 320, pp. 79–86. (In Russ.).
3. Greenberg K. Avant-garde and kitsch. *Moscow Art Magazine*. 2005, no. 60, pp. 49–58. Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/60/avangard-i-kitch/> (In Russ.).
4. Groys B. *Under suspicion. Phenomenology of media*. Moscow, Publishing House "Art Journal", 2006. 199 p. (In Russ.).
5. Groys B. *In the flow*. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 190 p. (In Russ.).
6. Graham S., Trift N. Malfunction: Repair, Maintain, and Understand. *NZ. Debates on politics and culture*. 2014, no. 2, pp. 147–174. (In Russ.).
7. Zhagun-Linnik E. V. The understanding of aesthetical aspect in glitch art. *Articult*. 2017, 27 (3), pp. 144–150. DOI: 10.28995/2227-6165-2017-3-144-150 (In Russ.).
8. Zhagun-Linnik E. V. Problematization of artistic aspects of glitch art in contemporary glitch studies. *Articult*. 2019, 34 (2), pp. 69–78. DOI: 10.28995/2227-6165-2019-2-69-78 (In Russ.).
9. Erokhin S. V. *Aesthetics of digital fine arts*. St. Petersburg, Aletheia Publishing House, 2010. 432 p. (In Russ.).
10. Kireev O. A brief glossary of tactical media criticism. *Moscow Art Magazine*. 2005, no. 58–59. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/30/article/563> (In Russ.).
11. Kossuth J. Art after philosophy. *Art History*. 2001, no. 1, pp. 545–563. (In Russ.).
12. Levitt S. Paragraphs on conceptual art. *Moscow Art Magazine*. 2008, no. 69. Available at: <http://moscowartmagazine.com/issue/23/article/366> (In Russ.).
13. Manovich L. *The language of new media*. Moscow, Ad Marginem Press, 2018. 399 p. (In Russ.).
14. Menshikov L. A. The art manifestos in the 1960th years: the fluxus program and its author. *Vestnik of Saint Petersburg University. Arts*. 2014, issue 1, pp. 107–116. (In Russ.).
15. Christiane P. *Digital art*. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 271 p. (In Russ.).
16. Serto M. *The invention of everyday life. The art of making*. St. Petersburg, Publishing House of the European University in St. Petersburg, 2013. 332 p. (In Russ.).
17. Turner L. *The Metamodernist Manifesto*. Available at: <http://metamodernizm.ru/manifesto/> (In Russ.).
18. Anver J. (2018) How the Dirty New Media Movement Informed the First Virtual Art Galleries. *Art Practical*. Available at: <https://www.artpractical.com/column/how-the-dirty-new-media-movement-informed-the-first-virtual-art-galleries/>
19. Betancourt M. (2016) *Glitch Art in Theory and Practice: Critical Failures and Post-Digital Aesthetics*. Taylor and Francis: 150. <https://doi.org/10.4324/9781315414812>
20. Bookchin N., Shulgin A. *Introduction to net.art, 1994–1999*. Available at: <http://www.easylife.org/netart/>
21. Briz N., Cloninger C. (2014) *Sabotage! glitch politix Man[ual]/ifesto*. One Per Year. Brescia, Italy: Link Editions, pp. 11–25.
22. Briz N. (2015) *THOUGHTS ON GLITCH[ART]v2.0*. Available at: <http://nickbriz.com/thoughtsonglitchart/thoughtsonglitchartv2.0.pdf>
23. Cates J. (2012) *Years of Dirty New Media*. Available at: <http://glitch.us/files/1337YEARS.pdf>
24. Faes A. (2015) The Error of Error: politics, community and humor in glitch art. *Bachelor of Visual and Critical Studies the School of the Art Institute of Chicago*, p. 33.
25. Menkman R. (2011) *Glitch Studies Manifesto*. Available at: http://amodern.net/wp-content/uploads/2016/05/2010_Original_Rosa-Menkman-Glitch-Studies-Manifesto.pdf

26. *Menkman's interview* (2010). Available at: <http://dinca.org/interview-with-rosa-menkman-dutch-visualist/5323.htm>
27. Menkman R. (2011) *The glitch moment(um)*. Network Notebooks 04, Institute of Network Cultures. Amsterdam.
28. Peplin E. (2011) *Dirty New Media Art*. Available at: <http://glitch.us/DirtyNewMedia.html>
29. Wark McKenzie (2004) *A Hacker Manifesto*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

*

СОЦИАЛЬНО-
КУЛЬТУРНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОТРАСЛЕВЫХ ИНСТИТУЦИЯХ КУЛЬТУРНОГО ПРОФИЛЯ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД

УДК 379.8:001.1

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-106-113>

Н. В. Шарковская

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: 7948493@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена изучению функций как фиксированных служебных ролей, которые социально-культурные технологии исполняют в гуманистически ориентированной среде отраслевых институций культурного профиля. Достижение результативности их продуктивного использования связывается с возрастанием продолжительности свободного времени современного человека; появлением новых моделей отраслевых социальных институтов культурного профиля, в том числе многофункциональных культурных центров; актуализацией принципов государственно-частного, муниципально-частного партнёрства в сфере культуры. С педагогических позиций раскрывается сущность взаимообусловленных функций (ведущих, базовых и опосредованных) социально-культурных технологий; характеризуются уровни их стимулирования применительно к педагогической подсистеме социально-культурной деятельности: «специалист социально-культурной сферы – обобщённый субъект/субъекты». Делается вывод о значимости функций социально-культурных технологий в процессе разно-стороннего личностного развития как менеджера, технолога, так и зрителя, слушателя, читателя; необходимости создания условий для их ценностного самоопределения и творческой самореализации в процессе организованного досуга.

Ключевые слова: функция, социально-культурная технология, специалист социально-культурной сферы, личность посетителя, социально-культурная деятельность, отраслевые институции культурного профиля.

Для цитирования: Шарковская Н. В. Функции социально-культурных технологий в отраслевых институциях культурного профиля: деятельностный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 106–113. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-106-113>

FUNCTIONS OF SOCIOCULTURAL TECHNOLOGIES IN SECTORAL INSTITUTIONS CULTURAL PROFILE: AN ACTIVITY APPROACH

Natalia V. Sharkovskaya

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: 7948493@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the study of functions as fixed service roles that sociocultural technologies perform in a humanistically oriented environment of sectoral institutions of a cultural

ШАРКОВСКАЯ НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры социально-культурной деятельности факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

SHARKOVSKAYA NATALIA VLADIMIROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Professor at the Departments of Social and Cultural Activity, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Шарковская Н. В., 2020

profile. The achievement of the effectiveness of their productive use is associated with an increase in the duration of free time of a modern person; the emergence of new models of sectoral social institutions of a cultural profile, including multifunctional cultural centers; updating the principles of public-private, municipal-private, partnership in the field of culture. The essence of interdependent functions (leading, basic and mediated) of sociocultural technologies is revealed from the pedagogical point of view; the levels of their stimulation are characterized in relation to the pedagogical subsystem of sociocultural activity: “specialist in the sociocultural sphere is generalized subject/subjects”. The conclusion is made about the importance of the functions of social and cultural technologies in the process of versatile personal development of both a manager, a technologist and a spectator, listener, reader; creating conditions for their value self-determination and creative self-realization in the process of organized leisure.

Keywords: function, sociocultural technology, specialist in the sociocultural sphere, visitor’s personality, sociocultural activity, branch institutions of a cultural profile.

For citation: Sharkovskaya N. V. Functions of sociocultural technologies in sectoral institutions cultural profile: an activity approach. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 106–113. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-106-113>

Обращённость к исследованию функций социально-культурных технологий обусловлена актуализацией гуманистического потенциала социально-культурной деятельности и условий его реализации в отраслевых институциях культурного профиля. В современной ситуации социальных изменений потребность теории социально-культурной деятельности в обосновании нормативного характера методологического знания о сущности социально-культурных технологий, их функций значительно возрастает.

Именно с помощью социально-культурных технологий, их функций моделируются основания гуманистически ориентированной предметной среды отраслевых институций культурного профиля, связанные: а) с личностным духовно-нравственным развитием посетителей, их информационным просвещением, дополнительным образованием и самообразованием; становлением и проявлением социальных, общекультурных и поликультурных компетентностей; б) с решением ситуативных проблем в области координации стилей руководства самодеятельными творческими коллективами; в) с активизацией подготовки посе-

тителей к выполнению разных социальных (зритель, слушатель, читатель и т.д.) и межличностных (лидер, генератор креативных идей и т.д.) ролей с целью регулирования общественных отношений в соответствии с традициями конкретных отраслевых институций культурного профиля: библиотек, музеев, современных клубных образований, парков культуры и отдыха, культурно-досуговых центров, художественных галерей, выставочных и ярмарочных комплексов и прочих.

Достижение результативности активного использования социально-культурных технологий в отраслевых институциях культурного профиля обусловлено:

- модернизацией внешних/внутренних структурных подразделений отраслевых учреждений культуры, появлением их новых моделей, в том числе домов ремёсел, многофункциональных культурных центров, «призванных значительно повысить эффективность социально-культурной деятельности россиян» [6, с. 4];
- увеличением продолжительности свободного времени как общественного явления, стимулированием его продуктивного

использования посетителями институций культурного профиля на основе применения современных методов и созидательных форм социально-культурной деятельности;

- созданием социальной ситуации развития специальных способностей (музыкальных, хореографических, сценических, литературных и т.п.) личности специалиста/посетителя; осуществлением управляемого воспитывающего обучения в самостоятельных коллективах, представленных в разных по своей художественной направленности студиях, кружках, секциях;

- актуализированием принципов государственно-частного и муниципально-частного партнёрства в сфере культуры, базирующихся на открытости и доступности информации о данных видах современного партнёрства; значимости методического сопровождения деятельности, связанной с подготовкой проектов [3].

Используясь в разных по перспективной направленности сферах предоставления культурных услуг, связанных с прогнозированием и проектированием комплексных досуговых программ общекультурной значимости, созданием многообразных по тематической содержательности культурных продуктов, технологии способствуют их апробации и последующей реализации в макро-, микро-, мезоформах социальных процессов отраслевых институций культурного профиля, тем самым развивая креативную индивидуальность не только самих специалистов, но и посетителей.

В связи с этим функции, то есть фиксированные служебные роли, которые технологии исполняют применительно к педагогической системе теории социально-культурной деятельности, «позволяют сохранять непрерывность существования данной системы» [2], выявлять специфич-

ность спектра её реализации, устанавливать наличие не только стабильного, но и изменчивого состояния в отраслевых институциях культурного профиля.

Предлагаемый нами перечень функций социально-культурных технологий, основанный на анализе материалов теоретических исследований функций социально-культурной деятельности (Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильников, Н. Н. Ярошенко, Г. Н. Новикова), а также изучении педагогического опыта применения технологий в сфере культуры (М. А. Ариарский, Е. И. Григорьева, И. А. Ивлиева, П. П. Терехов), позволяет сгруппировать их в классы типологической направленности: от ведущих к опосредованным, то есть в порядке ступеней «иерархической лестницы», наполнив их содержательным основанием. Собственно, сама классификация базируется на деятельностном подходе – конкретно-методологическом принципе научного исследования, основными принципами которого являются: принципы развития, предметности, активности, системного анализа структуры социально-культурной деятельности.

К ведущей функции социально-культурных технологий нами отнесена *функция организации межличностного взаимодействия специалиста с обобщённым субъектом отраслевых институций культурного профиля.*

Руководствуясь методологическим положением о том, что социально-культурная деятельность является отраслью современной педагогической науки, в виде показателей, позволяющих оценить данную функцию с позиции исполнения личностью профессиональной роли специалиста сферы культуры, выбраны: а) актуализация стабильных коммуникативных актов с обобщённым субъектом – посетителем, выпол-

нящим разные социальные роли в конкретных общекультурных программах, проектах, культурно-просветительских акциях, основанных на принципах и приёмах социальной перцепции (уважительном отношении к ним как посетителям, новизне и адекватности межличностного и межгруппового восприятия, обусловленности межличностных отношений реальными созидательными действиями конкретной референтной группы); б) предметная рефлексия процесса межличностных отношений, обращённая на коррегирование психологического климата в разных типах социальных общностей, прежде всего любительского коллектива, с целью достижения свободно выражения каждым участником авторской точки зрения, взаимопонимания при обсуждении проблемных вопросов, связанных с совместной деятельностью.

Данная функция социально-культурных технологий предполагает выделение двух родовых функций:

1. Функция организации продуктивного досуга в отраслевых институтах культурного профиля.

Интегрированный комплекс взаимобусловленностей компонентов функции социально-культурных технологий вбирает в себя: аргументацию значимости учёта специфики организации разных типов досуга: продуктивного/формального и т.д.; прогнозирование и проектирование ситуаций выбора просоциальных действий в том или ином учреждении культуры, создание программы осуществления данного вида досуговых действий, критериев их оценивания; выявление сущности педагогических приёмов организации плодотворного досуга, их воздействия на создание его модели на основе принципов учёта возрастных и индивидуальных возможностей посети-

телей, опоры на креативный личностный ресурс отдельного посетителя; саморегуляцию избрания форм реактивного досуга с учётом консолидирования интересов всех участников социальных и просветительских программ, проектов.

2. Функция регуляции социальных контактов в педагогической подсистеме «специалист социально-культурной сферы – обобщённый субъект/субъекты».

Интегрированный комплекс взаимобусловленностей функции социально-культурных технологий вбирает в себя: обеспечение паритета разноплановых профессиональных/любительских интересов в рамках педагогической подсистемы «специалист – обобщённый субъект/субъекты»; достижение актуальных целей, обусловленных стремлением к конструктивному проведению досуга с использованием доступных психолого-педагогических, технических, аудиовизуальных и выразительных средств; установление универсальных для организации социально-культурной деятельности правил осуществления контактов посетителей с представителями общественных институций культурного профиля; соотнесённость стилей межличностного взаимодействия с определённым регламентом проведения занятий в тематических студиях, кружках по интересам, спортивных секциях, арт-студиях, фотостудиях и т.д.

Уровни реализации вышеназванных функций в педагогическом процессе отраслевых институций культурного профиля: уровень ознакомления и последующего активного/пассивного вхождения посетителей в открытую среду социального института культурного профиля, принятия его традиций, норм поведения; уровень применения специалистом программно-аппаратных средств, используемых для модификации

управления социально-культурной деятельностью; уровень артикуляции возможностей урегулирования межличностных отношений на этапе формирования любительского творческого коллектива: хореографического, театрального, музыкального, в том числе самодеятельной песни, как малой социальной группы.

К базовым функциям социально-культурных технологий, гарантирующим эффективность осуществления социально-культурной деятельности в отраслевых институтах культурного профиля, причислен следующий ряд функций.

Функция адаптации личности к организационно-педагогическим условиям реализации социально-культурной деятельности.

Интегрированный комплекс взаимообусловленностей функции социально-культурных технологий вбирает в себя: персонализацию в нормах-правилах, упорядочивающих выбор форм и методов социально-культурной деятельности с учётом специфики профессиональных/любительских интересов специалистов/участников общекультурных программ досуговой направленности; соразмерность процессам аккультурации, то есть приобретения личностью посетителя знаний о тех или иных ранее малоизвестных сферах реализации социально-культурной деятельности, происходящим в результате как вхождения в новую гуманистически ориентированную среду отраслевых институтов культуры, так и кардинальной смены организационных условий духовной жизнедеятельности конкретной личности, предопределённой мотивирующими факторами, прежде всего целеобразованием – созданием образцов предвосхищаемых средств, способных привести к достижению желаемого результата во время проведения досуга.

Уровни, стимулирующие функцию: уровень инновационной, деловой активности отраслевых институций культуры; уровень морально-психологического климата и проявления общественного мнения в них; уровень профессиональной культуры менеджеров, технологов; уровень базовой культуры личности посетителя.

Функция информационного ориентирования личности о направлениях осуществления социально-культурной деятельности.

Интегрированный комплекс взаимообусловленностей функции социально-культурных технологий вбирает в себя: проведение личностью посетителя углубленного анализа роли информации при выборе определённого направления осуществления социально-культурной деятельности согласно смысловым обобщённым установкам; одновременность работы с разными по общекультурной насыщенности источниками информации; отражательность полученной информации в субъективной информационной модели ведущих направлений социально-культурной деятельности, а также предполагаемых её изменений; принятие во внимание взаимообусловленных факторов (макро- и микро-) информационно-коммуникативного пространства отраслевых институций культурного профиля, влияющих на продуктивность избранного решения [4, с. 92–98]; возможность пересмотра содержательных основ данной функции, связанных с процессами формирования ценностных ориентаций личности, повышающих степень вероятности расхождения групповых и индивидуальных оснований оценок разных видов информации и самостоятельного ориентирования в ней при подборе приемлемых направлений социально-культурной деятельности.

Ведущие средства информационного ориентирования: средства массовой информации, аудио-, видео-, кино-, фотоматериалы, глобальная компьютерная сеть Интернет, социальная/коммерческая реклама, радио и телевидение, цифровые и печатные экспонаты, разные формы периодических изданий и прочие.

Функция осуществления межличностной и межкультурной коммуникации в гуманистически ориентированной среде отраслевых институций культурного профиля.

Интегрированный комплекс взаимосвязанных функций социально-культурных технологий вбирает в себя: активизацию межкультурных контактов личности специалиста/посетителя и представителей разных социально-культурных общностей, ведущих как к взаимообмену ценностными установками, так и к дифференциации в процессе коммуникации из-за различных видов образного восприятия мира культуры и искусства при условии соблюдения этических правил неформального общения и досугового поведения; поощрение проявления коммуникативной инициативности специальными средствами: подкастингом, сценической речью, видеотрансляцией, коммуникативно-речевыми играми, содержащими обще/этнокультурные компоненты; побуждение субъектов межличностной и межкультурной коммуникации к выполнению конкретных предметных действий: креативных, мнемических, перцептивных, личностный смысл которых оценивается доминирующими эмоциями и чувствами, а также умением контролировать и сознательно корректировать своё настроение в контексте жизненных ожиданий, связанных с определённой досуговой ситуацией; модификацию приёмов межличностной и

межкультурной коммуникации на основе реализации их специфических механизмов: ассоциативных, побудительных, информативных, экспрессивных, в гуманистически ориентированной среде отраслевых институций культурного профиля.

Функция развития творческой индивидуальности личности.

Интегрированный комплекс взаимосвязанных функций социально-культурных технологий вбирает в себя: воссоздание сочетаемости духовных потребностей в самоактуализации и когнитивных интересов личности специалиста/посетителя, значимых для интенсивного процесса интегрирования в новую гуманистически ориентированную среду; расширение жизненного опыта о многообразии направлений социально-культурной деятельности с целью раскрытия созидательных возможностей; формирование мотивов – совокупности социальных и психолого-педагогических условий, побуждающих личность к творчеству через механизм «эмоциональной коррекции» поведения (А. В. Запорожец); увеличение спектра культуротворческих форм и приёмов реализации социально-культурной деятельности, способствующих эффективной инкультурации личности в конкретной макро-/микросреде; корреляция данных форм с методами стимулирования творческого самовыражения личности посетителя: методом опережающего общекультурного развития (М. А. Ариарский, И. А. Ивлиева); методом погружения в атмосферу события культурной жизни; методом микрооткрытий, методом синектики и другими; автономный выбор личностью посетителя предмета общекультурного развития и саморазвития, в том числе художественного и технического творчества и т.д. [5, с. 402].

К опосредованным функциям социально-культурных технологий, позволяющим расширить объём социально-гуманитарных знаний о содержательности сфер реализации социально-культурной деятельности, отнесены:

- *ориентационная функция социально-культурных технологий*, включающая: приобщение посетителей к ценностям природного и культурного наследия, формирование стабильного интереса к социально-культурной деятельности, соответствующего их досуговым предпочтениям и личностным особенностям; авторскую рефлексию воздействия разных типов проблемных ситуаций на принятие личностью решения о выборе той или иной перспективной сферы социально-культурной деятельности; ознакомление с инновационными формами и способами проведения активно-творческого досуга в определённом институте культурного профиля; организацию совместных с другими социальными учреждениями мероприятий в формате информационно-просветительской тематики с целью воспитания социально значимых качеств личности конкретного посетителя.

- *мобилизационная функция социально-культурных технологий*, связанная с актуализацией общественной позиции о диверсификации отраслевых институций культурного профиля, их структур; эмо-

циональной выраженностью способности специалиста к принятию конструктивных решений по эффективному применению разных видов средств (информационных, педагогических, наглядных и т.д.) для популяризации самодеятельного художественного, технического и прочих видов творчества; переходом от пассивных к инициативным формам проведения посетителями свободного времени при наличии возможности создания атмосферы креативного поиска и выбора как традиционных, так и инновационных организационных моделей социально-культурной деятельности.

Вышеуказанные функции социально-культурных технологий, их содержательная насыщенность подтверждают положение о том, что отраслевые институции культурного профиля обуславливают неограниченный в их гуманистически ориентированной среде процесс реализации социально-культурной деятельности, в центре которого находится как специалист: менеджер, технолог, так и обобщённый субъект: зритель, слушатель, читатель. Основным смыслом такой социально-культурной деятельности становится их разностороннее личностное развитие, создание условий для ценностного самоопределения и творческой самореализации, качество и мера которых выступает показателем современного общества.

Список литературы

1. Ариарский М. А., Ивлиева И. А. Общекультурное развитие личности в системе непрерывного профессионального образования : монография / Российская академия образования, Институт педагогики и психологии профессионального образования. Казань : Данис, 2007. 155 с. : табл.
2. Беспалов В. Е., Сальников Л. В. Введение в функционалистику. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1991. 179 с.
3. Федеральный закон от 13 июля 2015 года N 224-ФЗ «О государственно-частном партнёрстве, муниципально-частном партнёрстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/

4. Шарковская Н. В. Информационные основы педагогики досуга // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 6 (74). С. 92–98.
5. Шарковская Н. В. Социальное творчество как фактор самореализации студенческой молодёжи в культурном пространстве современного общества // Социально-культурная деятельность: векторы исследовательских и практических перспектив : материалы международной электронной научно-практической конференции, 18 мая 2018 года / Казанский государственный институт культуры ; научные редакторы : П. П. Терехов, Д. В. Шамсутдинова. Казань, 2018. С. 402–406.
6. Ярошенко Н. Н., Чижиков В. М. Многофункциональные культурные центры в дискурсе современной российской культуры : монография. Москва : МГИК, 2017. 160 с.

References

1. Ariarskii M. A., Ivlieva I. A. *General cultural development of personality in the system of continuous professional education*. Kazan, Publishing House “Danis”, 2007. 155 p. (In Russ.).
2. Bepalov V. E., Salnikov L. V. *Introduction to functionalistics*. Sverdlovsk, Publishing House of the Ural University, 1991. 179 p. (In Russ.).
3. *Federal Law of July 13, 2015 N 224-FZ “On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation”*. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660/ (In Russ.).
4. Sharkovskaya N. V. The information basics of the pedagogy of leisure. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2016, no. 6 (74), pp. 92–98. (In Russ.).
5. Sharkovskaya N. V. Social creativity as a factor of self-realization of student youth in the cultural space of modern society. In: Terekhov P. P., Shamsutdinova D. V., eds. *Sociocultural activity: vectors of research and practical prospects: materials of the international electronic scientific-practical conference, May 18, 2018*. Kazan, Publishing House of the Kazan State Institute of Culture, 2018. Pp. 402–406. (In Russ.).
6. Yaroshenko N. N., Chizhikov V. M. *Multifunctional cultural centers in the discourse of modern Russian culture*. Moscow, Publishing House of the Moscow State Institute of Culture, 2017. 160 p. (In Russ.).

*

«ВОЛОНТЁРЫ КУЛЬТУРЫ» РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ

УДК 316.663-057.875

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-114-121>

М. И. Васильковская¹, В. Д. Пономарёв²

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Российская Федерация,
e-mail: margo197411@rambler.ru¹, e-mail: ponomarev63@mail.ru²

Аннотация: В статье рассматривается общественное движение «Волонтёры культуры» как этап формирования и развития молодёжного института волонтерства, деятельность которого заключается в реализации социально-культурных проектов и инициатив в сфере культуры. Авторами выделены этапы формирования молодёжного института волонтерства в сфере культуры и представлены примеры волонтерской деятельности в масштабах государства, проанализированы и выявлены виды взаимодействия учреждений культуры, высшего образования и института волонтерства. Также в статье дано описание специфики деятельности крупных общественных волонтерских движений в России и охарактеризован опыт работы волонтеров Кемеровского государственного института культуры по развитию молодёжного института волонтерства в сфере культуры. Рассмотрены мотивы участия студентов в волонтерской деятельности высшего учебного заведения. Авторами отмечено, что к этапам формирования и развития молодёжного института волонтерства относятся: информационная поддержка волонтерства на территории Российской Федерации, развитие обществ волонтеров, задействованных в волонтерской работе в области культуры; реализация общественно значимых проектов и инициатив волонтерской направленности; формирование кадрового резерва организаций социально-культурной сферы; федеральная программа «Волонтёры культуры» и молодёжное движение в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: институт волонтерства, социально-культурная деятельность, культурное волонтерство, волонтеры культуры, студенческая молодёжь, волонтерская деятельность, волонтерство, волонтер, культура, культурные ценности.

Для цитирования: Васильковская М. И., Пономарёв В. Д. «Волонтёры культуры» Российской Федерации как общественное движение и социальный институт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 114–121. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-114-121>

ВАСИЛЬКОВСКАЯ МАРГАРИТА ИВАНОВНА – кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности факультета социально-культурных технологий Кемеровского государственного института культуры

VASILKOVSKAYA MARGARITA IVANOVNA – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor at the Department of social and cultural activity, the Faculty of Social and Cultural Technologies, the Kemerovo State Institute of Culture

ПОНОМАРЁВ ВАЛЕРИЙ ДМИТРИЕВИЧ – доктор педагогических наук, доцент, проректор по научной деятельности Кемеровского государственного института культуры

PONOMAREV VALERY DMITRIEVICH – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for Research, the Kemerovo State Institute of Culture

© Васильковская М. И., Пономарёв В. Д., 2020

“CULTURAL VOLUNTEERS” OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOCIAL MOVEMENT AND SOCIAL INSTITUTION

Margarita I. Vasilkovskaya¹, Valery D. Ponomarev²

Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russian Federation,

e-mail: margo197411@rambler.ru¹, e-mail: ponomarev63@mail.ru²

Abstract: The article considers the social movement “Cultural Volunteers” as a stage of formation and development of the youth institute of volunteering, whose activity are carried out in the implementation of sociocultural projects and initiatives in the field of culture. The authors highlight the stages of formation of the youth Institute of volunteering in the field of culture and present examples of volunteer activities on the scale of the state, analyze and identify the types of interaction between cultural institutions, higher education and the institute of volunteering. The article also describes the specifics of the activities of large public volunteer movements in Russia and describes the experience of volunteers of the Kemerovo State Institute of Culture in the development of the youth institute of volunteering in the field of culture. The article considers the motives of students’ participation in the volunteer activity of higher education institutions. The authors noted that the stages of formation and development of youth of the institute of volunteering include: information support of volunteering in the Russian Federation, the development of society volunteers engaged in volunteer work in the field of culture; implementation of socially significant projects and initiatives volunteer orientation; formation of a personnel reserve of the organisations socially cultural sphere; the Federal program “Cultural Volunteers” and youth movement in higher education.

Keywords: institute of volunteering, social and cultural activity, cultural volunteering, cultural volunteers, student youth, volunteer activity, volunteering, volunteer, culture, cultural values.

For citation: Vasilkovskaya M. I., Ponomarev V. D. “Cultural Volunteers” of the Russian Federation as a social movement and social institution. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 114–121. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-114-121>

Развитие волонтерства сегодня является одной из приоритетных задач государственной политики практически во всех сферах деятельности нашей страны. Особое внимание к деятельности волонтерства и некоммерческих организаций уделяется Президентом нашего государства и федеральными региональными властями, которым доверено акцентировать внимание к волонтерской деятельности различных категорий населения и поддерживать данный вид деятельности [7, с. 6].

При этом важную роль в решении проблем государства играют социальные институты, деятельность которых позволяет некоторым образом предотвращать угрозы гуманитарного кризиса, основными из ко-

торых назовём обесценивание общепринятых ценностей, а также изменение ценностных ориентиров, снижение духовно-нравственного и культурного уровня общества, деформирование исторической памяти, неверная оценка этапов развития истории, попытка деформации исторической памяти, увеличение индивидуализма, пренебрежения чужими правами и другие. Но в то же время существует уверенность, что быть совершенным членом общества способен индивид, овладевший нравственным кодексом гражданина, вставший на путь внутреннего улучшения [7, с. 6].

Одним из современных социальных институтов, решающих данную созидательную для общества и личности задачу, яв-

ляется институт волонтерства. А возможный путь устранения указанных выше проявлений гуманитарного кризиса мы видим именно в волонтерской деятельности, существующей в различных видах и направлениях. Рассмотрим их подробнее.

Итак, главными тенденциями добровольчества в области культуры, в соответствии с «Концепцией развития добровольчества в Российской Федерации вплоть до 2025 года», считаются направления деятельности, связанные с поддержкой работы учреждений культуры и содействие им в организации, а также в проведении многочисленных мероприятий в области культуры; организация различных видов волонтерских работ в сфере культуры, а также привлечение известных и популярных деятелей культуры и искусства в волонтерскую (добровольческую) деятельность [4].

Анализ специфики различных видов волонтерских объединений, действующих на территории России в Кемерово, Томске, Москве, Казани, Пскове и других городах, позволил нам выявить направления волонтерства, к которым относятся: социальное, экологическое, событийное, спортивное, культурное, медиаволонтерство, патриотическое волонтерство, донорство.

Но несмотря на уже существующие довольно разнообразие направления видов волонтерства, в 2020 году мы отметили появление его новых видов: волонтеров Конституции, волонтеров здоровья, е-волонтеров и других.

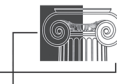
В современной социально-культурной ситуации волонтеры – это заинтересованные люди, деятельность которых направлена на решение важных для государства и общества задач, они «совершают добрые дела ради помощи другим людям и представляют всему обществу пример немалой

нравственной силы» [8]. И как подчеркнул Владимир Путин на встрече с волонтерами, а также с финалистами конкурса «Доброволец России – 2020»: «Мы высоко оцениваем вашу службу и станем создавать благоприятные условия для вашей работы. Ранее и в настоящее время в нашем государстве функционирует единая линия добровольческих центров, запущены специализированные цифровые сервисы...» [8].

В этом случае для исследований в области теории и практики социально-культурной деятельности актуальным является вопрос об институализации этой добровольческой деятельности, то есть об определении и выработке необходимых условий для дальнейшего развития в Российской Федерации института волонтерства как педагогически организованной на основе добровольности социально значимой деятельности.

Начнем с определения самого понятия «институт волонтерства». Анализ научных исследований позволил нам выделить несколько существующих определений данного научного термина. Т. А. Ковель рассматривает институт волонтерства как устойчивую модель организации работы волонтеров, которая имеет нормативную основу, включающую функции и описание методов взаимодействия волонтеров [3].

На наш взгляд, институт волонтерства является социальным институтом, обладающим собственной логикой формирования, концепцией ценностей и норм идеалов, это действия людей, заинтересованных в социально полезной работе на принципах безвозмездности [2, с. 57]. При этом наш научный интерес заключается в изучении этапов развития волонтерства в сфере культуры как процесса институализации многомиллионного добровольческого движения в Российской Федерации.

Началом одного из первых этапов считаем 2018 год, когда на заседании Совета по культуре глава Российской Федерации поддержал мысль о формировании и функционировании ресурсного центра информативной помощи волонтерства в области культуры. Отметим, что во Всероссийском конкурсе «Доброволец России» для участия в номинации «Вдохновлённые искусством» было подано больше тысячи социально значимых проектов. Продвигать проекты в области культуры и осуществлять их реализацию, применяя выработанную агентством «Росмолодёжь» инфраструктуру, глава страны Владимир Путин поручил Правительству Российской Федерации.

Начало следующего этапа в развитии института волонтерства в сфере культуры назовём 12 марта 2019 года, именно тогда Ассоциация волонтерских центров стала базой для зарождения «Волонтеров культуры» – нового социально-общественного движения, миссия которого заключается в создании и реализации общественно значимых проектов и инициатив в сфере культуры, связанных с сохранением культурного наследия народов Российского государства. Администрация Президента России поддержала концепцию общественного движения «Волонтеры культуры», которая была презентована и поддержана в августе 2018 года на Всероссийском образовательном форуме «Таврида».

Вслед за этим, преследуя цель формирования условий для осуществления творческого потенциала нации, в 2019 году Министерством культуры Российской Федерации было внесено предложение о введении государственной программы «Волонтеры культуры» в федеральный проект «Творческие люди» национального проекта «Культура». При этом были названы задачи реализа-

ции программы «Волонтеры культуры», позволяющие расширить волонтерскую деятельность в области культуры через организацию форумов и практических сессий; сформировать общества волонтеров в сфере культуры, а также осуществить всевозможную помощь (методическую, информативную, ресурсную) для эффективной работы волонтеров культуры.

Стоит отметить, что за прошедший 2020 год в рамках программы «Волонтеры культуры» запланированы и проведены мероприятия волонтерской направленности:

- «Школа волонтеров наследия» в Республике Крым, Республике Татарстан, Псковской, Орловской, Самарской, Владимирской, Саратовской, Московской, Ленинградской областях Российской Федерации (срок проведения: август – ноябрь 2020 года);
- в онлайн-режиме «Международный волонтерский лагерь» (период выполнения: октябрь 2020 года);
- «Панельная сессия» и «выставочная программа» в рамках Международного форума волонтеров в Москве (период выполнения: декабрь 2020 года) [11].

Таким образом, в программе «Волонтеры культуры» за период с 2019 по 2024 годы планируют принять участие 100 000 добровольцев. Действительно, на наш взгляд, перечисленные мероприятия являются средствами формирования и развития социально-культурного института молодёжного волонтерства в сфере культуры. Предполагается, что деятельность института волонтерства будет осуществляться на территории всего государства. А с помощью перечисленных мероприятий возможна апробация средств, форм и методов педагогики волонтерства для вовлечения молодёжи в институализированную волонтерскую деятельность [10].

В ходе исследования деятельности по развитию института волонтерства на территории Российского государства наше внимание привлекли несколько сайтов с имеющимися базами данных о волонтерах и их деятельности. В настоящее время существуют сайты волонтеров «Добро» и «Волонтеры в культуре». На сайте «Добро» желающие могут выбрать мероприятия и проекты волонтерской направленности для участия в них. На сайте представлена информация об организаторах и об особенностях организации волонтерской деятельности для участников данного сообщества. При этом интересным блоком существующей платформы выступает аналитический блок.

Близкой по содержанию является и база данных «Волонтеры в культуре». Данная платформа включает в себя данные о численности волонтеров, количестве и содержании мероприятий, в которых они примут участие, а также об объектах культурного наследия, в сохранении которых волонтеры имеют возможность принять участие.

Необходимо отметить и значение волонтерской деятельности в обучении студентов высшей школы, в том числе вузов культуры. Так, студенты вузов по направлению подготовки «Социально-культурная деятельность», являющиеся волонтерами и участвующие в организации и проведении социально-культурных проектов и акций в учреждениях культуры, в процессе волонтерской деятельности получают необходимые знания, умения и навыки в будущей профессиональной деятельности. Важно отметить, что целевой установкой социально-культурной деятельности выступает новая, духовно обогащенная личность, новые нравственно-эстетические качества, формируемые при этом у её участников [1]. Поэтому у студентов-волонтеров,

занимающихся представленной деятельностью, появляется возможность стать опытными и высококлассными специалистами социально-культурной деятельности, и мы можем утверждать, что молодежный институт волонтерства в сфере культуры является «профессиональной мастерской» по формированию кадрового резерва организаций социально-культурной сферы. Стоит также отметить, что при этом вовлечение в деятельность молодежного института волонтерства в сфере культуры способствует формированию и эффективному развитию социально-культурного творчества волонтеров.

Одним из этапов развития молодежного института волонтерства является молодежное движение в высших учебных заведениях, вместе с тем отметим, что для молодежи ключевая проекция профессий будущего – это способность адаптироваться и способность создавать изменения. На эти способности уже наслаиваются профессиональные стратегии, технологии, знания, навыки и компетенции [5, с. 122].

Так, в Кемеровском государственном институте культуры молодежный институт волонтерства существует в формате студенческих клубных формирований при вузе, например, клубное объединение «Волонтеры культуры» кафедры социально-культурной деятельности КемГИК, в состав которого входят примерно 35–40 обучающихся института.

В 2019–2020 учебном году в клубе была организована «Проектная лаборатория», участники (волонтеры) которой занимаются разработкой социально-культурных проектов, созданных для решения социально значимых проблем Кемеровской области. В 2019–2020 учебном году было разработано шесть, а в 2020–2021 году – око-

ло десяти социально-культурных проектов, которые нашли поддержку муниципальных властей региона, учреждений социально-культурной сферы, готовых стать партнёрами в реализации проектов волонтерской направленности, например, социально-культурного проекта «Музей для молодёжи» клубного объединения «Волонтеры культуры» КемГИК. С января по март 2020 года Областной музей изобразительных искусств города Кемерово посетили более 300 студентов и сотрудников института культуры.

Одним из значимых проектов, разработанных в 2019 году «Волонтерами культуры» КемГИК совместно с Кемеровской региональной общественной организацией содействия в развитии образования, науки и культуры «АРТ-ПРОСПЕКТ», является социальный проект «Открытая арена», который стал победителем II Конкурса президентских грантов 2019 года. Миссией проекта считается общественно-цивилизованная помощь, социализация, а также приспособление ребёнка с ограниченными возможностями здоровья к жизни путём творческой деятельности, а также циркового мастерства [9].

Представленный проект включает организацию тематических интерактивных площадок, организованных в холле цирка, мобильный кинотеатр для просмотров сюжетов и фильмов, посвящённых 100-летию цирка. Также участникам проекта предоставляется возможность репетировать вместе с актёрами цирка, находящимися на гастролях в Кемерово.

Проект нашёл поддержку у областных и региональных органов власти, Кемеровского государственного цирка, инклюзивных и реабилитационных центров для детей с ограниченными возможностями здоровья

Кемеровской области. К реализации проекта привлечены 48 волонтеров КемГИК, 6 специалистов из числа профессорско-преподавательского состава вуза. За первый период реализации проекта благополучателями стали 150 детей-инвалидов и их родители, от которых в адрес вуза были получены благодарности и положительные отзывы о работе волонтеров, содержании творческих площадок проекта.

Многие из детей с ограниченными возможностями здоровья впервые познакомились с цирком, обрели возможность побывать в его закулисье, пообщаться с дрессировщиками и акробатами. Отмечено также позитивное влияние мероприятий проекта на повышение самооценки, развитие воображения, установление дружеских отношений в детском коллективе.

Проект «Открытая арена» продолжается в 2021 году, но ситуация, связанная с коронавирусной инфекцией, внесла свои изменения в реализацию проекта, поэтому сейчас разрабатываются несколько вариантов его продолжения. Это и создание видеoverсий творческих площадок проекта, которые будут отправлены индивидуально в семьи с детьми-инвалидами, в реабилитационные центры. Также возможна дальнейшая реализация проекта в помещении Кемеровского цирка при соблюдении санитарно-эпидемиологических требований.

Приведённый пример показывает, что развитие молодёжного института волонтерства в сфере культуры и в социально-культурной сфере, создание и реализация социально-культурных проектов создают условия и предоставляют большие возможности для профессионального и личного самоопределения студента – будущего специалиста, способствуют реализации программ национального проекта «Культура» и вы-

полнению указаний и рекомендаций Президента Российской Федерации в направлении развития волонтерской деятельности в государстве.

Таким образом, проанализированные материалы и источники позволили нам сделать вывод о том, что к этапам формирования и развития молодёжного института волонтерства (институализации) относятся:

- информационная поддержка волонтерства на территории Российской Федерации;
- развитие общества волонтеров, задействованных в волонтерской работе в области культуры;

Список литературы

1. Ариарский М. А. Новый этап в развитии теории социально-культурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 1 (51). С. 102–109.
2. Васильковская М. И., Пономарёв В. Д. Социально-культурное творчество участников молодёжных объединений в формировании института волонтерства : монография / Министерство культуры Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный институт культуры». Кемерово : КемГИК, 2017. 191 с. : ил., табл.
3. Ковель Т. А. Волонтерство как социальный институт. Факторы институционализации волонтерства в современной России // Московский экономический журнал. 2019. № 7. DOI 10.24411/2413-046X-2019-17003
4. Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р // СЗ РФ. 2018. № 53, часть II, ст. 8791.
5. Культура России, основанная на знаниях : традиции и инновации подготовки кадров в сфере культуры и искусства : монография / под научной редакцией В. Д. Пономарёва, А. В. Шункова. Кемерово : КемГИК, 2019. 312 с.
6. Онищенко Е. В. Перспективы развития волонтерского движения в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2011. № 2. С. 183–187.
7. Основы государственной культурной политики. Москва : МК РФ, 2015.
8. Официальный сайт «Добровольцы России» [Электронный ресурс] URL: <https://dobrovolcirossii.ru/>
9. Официальный сайт Кемеровского государственного института культуры [Электронный ресурс] URL: http://www.kemguki.ru/news/studenty-kemgik-uchastniki-novogodnego-predstavleniya-kemerovskogo-gosudarstvennogo-tsirka-/?sphrase_id=45344
10. Паклина Е. А. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. Том 216. С. 125–134.
11. Программа «Волонтеры культуры» [Электронный ресурс] URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/creative-people/volunteers/>

- реализация общественно значимых проектов и инициатив волонтерской направленности;

- формирование кадрового резерва организаций социально-культурной сферы;

- федеральная программа «Волонтеры культуры» и молодёжное движение в высших учебных заведениях.

При этом «Волонтеры культуры» Российской Федерации как общественное движение и социальный институт, в свою очередь, является одним из этапов формирования и развития молодёжного института волонтерства, в рамках которого реализуются социально-культурные проекты, акции и инициативы в сфере культуры.

References

1. Ariarskii M. A. A new stage in the development of the theory of social and cultural activity. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2013, no. 1 (51), pp. 102–109. (In Russ.).
2. Vasilkovskaya M. I., Ponomarev V. D. *Social and cultural creativity of the participants of youth associations in the formation of the institute of volunteering*. Kemerovo, Publishing House of the Kemerovo State Institute of Culture, 2017. 191 p. (In Russ.).
3. Kovel T. A. Volunteering as a social institution. Factors of institutionalization of volunteering in modern Russia. *Moscow economic journal*. 2019, no. 7. (In Russ.). DOI 10.24411/2413-046X-2019-17003
4. The concept for the development of volunteering (volunteering) in the Russian Federation until 2025: approved by the order of the Government of the Russian Federation of December 27, 2018 No. 2950-r. *Code of Laws of the Russian Federation*. 2018, no. 53, part II, art. 8791. (In Russ.).
5. Ponomarev V. D., Shunkov A. V., eds. *Russian culture based on knowledge: traditions and innovations in personnel training in the sphere of culture and art*. Kemerovo, Publishing House of the Kemerovo State Institute of Culture, 2019. 312 p. (In Russ.).
6. Onishchenko E. V. Prospects for the development of the volunteer movement in Russia. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Psychology*. 2011, no. 2, pp. 183–187. (In Russ.).
7. *Fundamentals of state cultural policy*. Moscow, 2015. (In Russ.).
8. Official website “Volunteers of Russia”. Available at: <https://dobrovolcirossii.ru/> (In Russ.).
9. Official website of the Kemerovo State Institute of Culture. Available at: http://www.kemguki.ru/news/studenty-kemgik-uchastniki-novogodnego-predstavleniya-kemerovskogo-gosudarstvennogo-tsirka-/?sphrase_id=45344 (In Russ.).
10. Paklina E. A. Cultural volunteering as an innovative activity of volunteers. *Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2018, vol. 216, pp. 125–134. (In Russ.).
11. *Cultural Volunteers Program*. Available at: <https://culture.gov.ru/about/national-project/creative-people/volunteers/> (In Russ.).

*

ФОРМИРОВАНИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА ВОЛОНТЁРОВ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 374:004.738.5

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-122-128>

Н. И. Горлова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва, Российская Федерация,
e-mail: gorlovanat@yandex.ru

Аннотация: Вспышка пандемии COVID-19 стала причиной коренных изменений в традиционных моделях работы учреждений культуры с волонтерским сообществом. В рамках исследования особое внимание было уделено рассмотрению волонтерских онлайн-программ и их реализации на базе зарубежных музеев и библиотек в Великобритании и США в условиях самоизоляции населения. Один из наиболее важных выводов заключается в том, что во время карантина и постпандемического периода многие учреждения культуры пересмотрели имевшиеся подходы и сформулировали принципиально новые ключевые стандарты деятельности волонтеров в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: онлайн-волонтерство, волонтеры, учреждения культуры, музеи, библиотеки, взаимопомощь, пандемия COVID-19, постпандемический период.

Для цитирования: Горлова Н. И. Формирование онлайн-сообщества волонтеров учреждений культуры в период пандемии COVID-19: зарубежный опыт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 122–128. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-122-128>

FORMATION OF AN ONLINE COMMUNITY OF VOLUNTEERS OF CULTURAL INSTITUTIONS DURING THE COVID-19 PANDEMIC: FOREIGN EXPERIENCE

Natalia I. Gorlova

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, e-mail: gorlovanat@yandex.ru

Abstract: The outbreak of the COVID-19 pandemic has caused fundamental changes in the traditional working models of cultural institutions working with the volunteer community. Within the framework of the study, special attention was paid to the consideration of online volunteer programs and their implementation on the basis of foreign museums and libraries in the UK and the USA in the conditions of self-isolation of the population. One of the most important conclusions is that during the quarantine and post-pandemic period, many organizations reviewed existing approaches and formulated

ГОРЛОВА НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА – кандидат исторических наук, доцент Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова

GORLOVA NATALIA IVANOVNA – PhD in Historical Sciences, Associate Professor at the Plekhanov Russian University of Economics

© Горлова Н. И., 2020

fundamentally new key standards for organizing the work of volunteers in cultural institutions, including remote format.

Keywords: online volunteering, volunteers, cultural institutions, museums, libraries, mutual assistance, COVID-19 pandemic, post-pandemic period.

For citation: Gorlova N. I. Formation of an online community of volunteers of cultural institutions during the COVID-19 pandemic: foreign experience. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 122–128. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-122-128>

Потребность в исследовании определена отсутствием системности в реализации волонтерского менеджмента в учреждениях культуры, а также необходимостью структурирования процесса привлечения добровольных помощников к участию в проектах музеев и библиотек в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 и в постпандемический период.

Кроме того, как показал анализ, у большинства российских учреждений культуры в настоящее время отсутствует опыт реализации программ онлайн-волонтерства. Этим объясняется актуальность изучения деятельности зарубежных культурных институций, направленной на организацию волонтерского сообщества в дистанционном формате в условиях новой реальности.

Онлайн-волонтерство – это одно из направлений добровольческой деятельности на площадках учреждений культуры Великобритании, США, Франции и других стран. В России данная сфера появилась относительно недавно. На Западе волонтерская работа в музеях и библиотеках в виртуальном пространстве уже долгое время является неотъемлемой частью труда добровольных помощников.

Онлайн-волонтерство (виртуальное волонтерство) подразумевает под собой различные виды добровольческой деятельности, которые осуществляются удаленно с помощью Интернета, такие как пере-

вод и сканирование документов, создание базы данных, ведение профилей в социальных сетях, написание и редактирование статей, пресс-релизов, консультирование по различным вопросам, репетиторство и обучение и другие [1; 4; 9]. Таким образом, добровольные помощники могут принимать участие в многочисленных проектах учреждений культуры без физического присутствия, в дистанционном формате. К ключевым преимуществам волонтерства в виртуальном пространстве организаторы добровольческой деятельности относят гибкий график работы, комфорт, удобство и простоту, экономию денег (на проезд, питание), отсутствие необходимости тратить время на дорогу и логистику [2].

Удаленная работа стала предвестником масштабных изменений в организации волонтерского сообщества зарубежных музеев и библиотек. Пандемия заставила многих штатных сотрудников учреждений культуры овладевать новыми технологиями и учиться не только работать дистанционно, но и реализовывать проекты с участием волонтеров в виртуальном формате. Из-за самоизоляции вместо проведения экскурсий, приветствия на информационных стойках посетителей музеев, консультирования читателей библиотек добровольные помощники весной 2020 года активно осваивали веб-дизайн и перевод, работу с клиентами в онлайн-режиме. Однако карантин предо-

ставил учреждениям культуры и новые перспективы: современные условия позволяют использовать виртуальные технологии для продвижения своей организации, привлекать новых онлайн-посетителей, дистанционно осуществлять многочисленные проекты: от онлайн-лекций по искусству до виртуальных экскурсий.

Во время пандемии многие зарубежные учреждения культуры были закрыты на несколько месяцев, что привело к приостановке волонтерских программ. Чтобы выявить возможности восстановления (ремобилизации) волонтерской деятельности в секторе наследия после пандемии COVID-19, обратимся к опубликованным результатам исследования сообщества волонтеров наследия Великобритании (Heritage Volunteering Group), проведенного в мае 2020 года. В исследовании приняли участие 62 организации, работающие в сфере культуры Великобритании и привлекающие к своей деятельности волонтеров. Вопросы касались готовности организаций оптимизировать взаимодействие с волонтерами в постпандемический период, а также «пересобрать» необходимые для этого ресурсы, которыми организации обладают и в которых нуждаются [5].

Согласно результатам исследования, 10% организаций заявили, что смогут работать без участия волонтеров; 45% констатировали, что продолжение их деятельности без волонтеров невозможно; более 60% планируют увеличивать количество волонтеров и степень их влияния; более 50% будут развивать модели вовлечения волонтеров в свою деятельность; более 40% готовы разнообразить роли членов волонтерской команды.

Несомненно, у учреждений культуры появилось больше возможностей для твор-

ческого взаимодействия со своей целевой аудиторией, используя при этом более безопасные способы коммуникации. Онлайн-технологии позволили организациям стать более доступными и инклюзивными как для посетителей, так и для потенциальных добровольных помощников.

Принимая во внимание значительные преимущества удаленной работы, можно предположить, что многие библиотеки и музеи продолжат работать в этом режиме и после снятия ограничений, что, на наш взгляд, потенциально может привести к серьёзным преобразованиям, таким как развитие цифровизации и систематизации процессов волонтерского менеджмента; расширение географии участников проектов; использование смешанного формата работы; отсутствие необходимости выделять индивидуальные рабочие места для волонтеров; зонирование пространства под конкретные офлайн-активности учреждений культуры. Между тем непосредственные контакты штатного персонала музеев и библиотек со своими волонтерами также останутся актуальными и востребованными, возрастет ценность живых встреч и мероприятий.

Во время пандемии COVID-19 Лондонская публичная библиотека (London Public Library, Великобритания) активно оказывала поддержку местному сообществу в рамках реализуемой волонтерской программы в виртуальном пространстве [7]. Лондонской публичной библиотекой накоплен значительный опыт применения образовательных и познавательных моделей, с помощью которых волонтеры обучают различные целевые аудитории (детей, мигрантов и других). Сегодня наставничество в библиотеках Великобритании стало распространенной и востребованной образовательной практикой. Учреждение культуры в усло-

виях изоляции адаптировало под дистанционный формат деятельности некоторые офлайн-роли добровольных помощников. За несколько месяцев координаторами волонтеров был осуществлён набор виртуальных добровольцев на две программы.

Первая адаптированная волонтерская программа – «Онлайн-наставники (английский и французский язык)» – рассчитана на 6 месяцев и предусматривает возможность общения волонтеров с маленькими читателями посредством использования электронных писем, видеочатов, Zoom-конференций, а также предполагает проведение различных интерактивов для онлайн-чтения. В данном случае можно говорить о распространённой модели наставничества старших над младшими (cross-age peer tutoring): более взрослые волонтеры опекают юных учеников. Кандидаты на роль онлайн-наставников должны быть старше 16 лет, свободно говорить на английском языке, обладать отличными коммуникативными навыками, быть организованными, уметь работать с компьютером.

Вторая программа предназначена для обучения взрослого населения разговорному английскому языку в дистанционном формате. Идеальный кандидат в волонтеры: старше 19 лет, пунктуальный, дружелюбный, приветливый, опыт преподавательской деятельности не требуется. Для попадания в программу необходимо пройти собеседование и испытательный срок. Утвержденные добровольные помощники проводят несколько занятий в неделю.

С момента реализации программы онлайн-волонтерства в Лондонской публичной библиотеке сформировалась команда людей, преданных своей работе и разделяющих ценности учреждения культуры. В состав волонтеров входят представители

разных национальностей, возрастов и профессий: студенты, лингвисты, учителя, менеджеры. На наш взгляд, по мере осуществления подобных программ онлайн-обучение или комбинация «онлайн/офлайн» в скором времени станут нормой для культурных институций.

Период разбушевавшейся с первых месяцев 2020 года пандемии COVID-19 привёл к пересмотру учреждениями культуры стратегии коммуникации с волонтерским сообществом в виртуальном пространстве, стал толчком для тестирования, применения и совершенствования различных средств взаимодействия и методов работы с добровольными помощниками. В связи с этим многие библиотеки Великобритании перенесли часть активностей с участием волонтеров в интернет-среду, используя различные платформы для проведения видеоконференций, вебинаров и других подобных онлайн-мероприятий.

Например, волонтеры реализуют интерактивный и увлекательный шахматный онлайн-курс для детей и взрослых. Кроме того, во время пандемии многие учреждения культуры особое внимание уделяли волонтерской программе «Онлайн-помощник», направленной на повышение качества жизни пенсионеров путём обучения их компьютерной грамотности, простейшим навыкам взаимодействия с компьютером, Интернетом и гаджетами. По мнению авторов программы, это помогает пожилым людям преодолеть страх и неуверенность в отношении современных ИТ-технологий, что позволяет им избежать информационного, социального вакуума и одиночества, особенно в условиях самоизоляции.

Ещё одна онлайн-программа, заслуживающая внимания, – «Читающие друзья». Волонтеры выступают в качестве фасили-

таторов – организаторов групповой работы, обеспечивающих успешную коммуникацию всех участников программы. Фасилитатор предлагает определённого автора, книгу которого все желающие, заявившие о своём участии, обязуются прочитать до установленного срока. Основная активность группы сводится к обсуждению произведений. Именно дискуссии помогают участникам программы развиваться как читателям: лучше понимать прочитанное, запоминать факты, анализировать эмоции.

В условиях пандемии режим удалённой работы не только коснулся штатных сотрудников учреждений культуры, но и отразился на образе жизни и деятельности самих волонтеров. Так, библиотека Pikes Peak (Pikes Peak Library, Великобритания) предлагает своим онлайн-посетителям заниматься виртуальной йогой, практиковать иностранные языки, консультироваться по вопросам домашнего обучения – и всё это при участии добровольных помощников. В рамках программы «Репетиторы по математике» волонтеры проводят для учащихся индивидуальные и групповые занятия по алгебре и геометрии. Волонтеры-репетиторы самостоятельно готовят материалы урока, опираясь на запрос и потребности учеников в зависимости от уровня их подготовки. В назначенный день и время проводится онлайн-занятие.

Некоторые учреждения культуры с успехом расширяют диапазон применения современных инноваций, для того чтобы облегчить доступ целевой аудитории к своим услугам в условиях пандемии. «Измени жизнь! Помоги взрослому стать грамотнее» – именно под таким девизом библиотека Sand Creek (Sand Creek Library, Великобритания) призывает волонтеров стать онлайн-репетиторами для взрослых лю-

дей с целью повысить общий уровень грамотности, улучшить владение английским языком. Учреждение культуры ищет добровольных помощников, готовых уделять в течение недели несколько часов репетиторству, использовать и адаптировать предоставленные материалы под определённый стиль обучения, ежемесячно направлять отчёты о проделанной работе по электронной почте. Репетиторы должны отличаться ответственностью, пунктуальностью, дружелюбием, коммуникабельностью, умением общаться с людьми разного возраста, происхождения и социального статуса. Волонтеры обязуются пройти специальное обучение в дистанционном режиме.

Вот уже на протяжении нескольких лет Королевский музей Британской Колумбии (Royal British Columbia Museum, Великобритания) активно привлекает добровольных помощников в формате онлайн-волонтерства к участию в проекте по расшифровке различных документов (правительственных бумаг и стенограмм совещаний, дневников и писем, написанных жителями Британской Колумбии во время Первой мировой войны, и других) [11]. Подобная работа волонтеров даёт возможность сделать обширные коллекции музея более доступными для виртуальных посетителей, которые могут посмотреть экспозиции, не выходя из дома. На сайте музея содержится пошаговая инструкция для онлайн-помощников учреждения, с которой может ознакомиться каждый, желающий стать частью масштабного проекта [10].

Развитое сообщество онлайн-волонтеров действует при Библиотеке Конгресса (Library of Congress, США) [6]. Добровольным помощникам предлагается осуществление нескольких функций в рамках проекта по расшифровке различных докумен-

тов учреждения. Во-первых, волонтеры могут заниматься набором текстов, то есть просто перепечатывать документацию. Во-вторых, добровольцы имеют возможность тегировать документы – подбирать дополнительные ключевые слова (фразы) со схожим набором параметров для более удобного поиска на сайте библиотеки, чтобы пользователям было гораздо проще и быстрее найти нужную информацию.

В-третьих, волонтеры просматривают уже расшифрованные документы для исправления ошибок, завершая тем самым процесс декодирования. Весь объем документов рубрицируется по тематическим областям и историческим личностям. Каждый добровольный онлайн-помощник в зависимости от своих интересов самостоятельно определяется с видом документа, с которым ему предстоит работать, и временем, которое он готов потратить на обработку текста. Например, по состоянию на декабрь 2020 года 600 волонтеров приняли участие в расшифровке документов «Письма к Теодору Рузвельту». Около 10 092 документа было обработано силами волонтеров, 3 287 документов находятся в работе. Более чем для 10 000 документов ещё только планируется провести обзор, то есть расшифровать их.

Библиотека Конгресса хранит одну из крупнейших в мире коллекций материалов о Гражданской войне, где содержатся документы, свидетельствующие об ожесточённой борьбе между Севером и Югом. Обращаясь к статистике, можно отметить, что данная тематическая рубрика наиболее востребована среди онлайн-волонтеров. В настоящее время на сайте библиотеки указано, что 41 335 документов находятся в статусе «завершено», более 170 документов – «в процессе обработки», «требуется обзор» – 746 документов.

11 695 документов Анны Элизабет Дикинсон – американской писательницы, феминистки и суфражистки, члена Республиканской партии – было обработано благодаря онлайн-волонтерам [3]. Несколько сотен виртуальных помощников приняли участие в работе над документами Уолта Уитмена (5 192 шт.), известного американского поэта и публициста, автора произведения «Листья травы».

Онлайн-волонтерство – важная составляющая Цифровой библиотеки Университета Айовы (США) [8]. Добровольные помощники занимаются расшифровкой рукописей, связанных с историей первых жителей Айовы. Потенциальным кандидатам в волонтеры требуется только подключение к Интернету и регистрация на сайте. Примечательно, что проект по формированию волонтерского онлайн-сообщества начался в 2011 году с привлечения всех желающих к работе с дневниками и письмами участников Гражданской войны 1861–1865 годов. Только за первый год работы волонтеры обработали сотни документов.

Подводя итог, необходимо отметить, что в период пандемии испытаниям на прочность подверглись многие аспекты деятельности зарубежных учреждений культуры, оказавшихся в условиях определённого кризиса: управленческие навыки волонтерским сообществом, умение принимать творческие решения для оказания полноценных услуг своей целевой аудитории и правильной организации коммуникации, навыки использования цифровых технологий. Удалённая работа стала масштабным следствием пандемии и одновременно выходом из сложившейся ситуации, позволив многим зарубежным культурным институциям выжить, а сотрудникам и волонтерам – опробовать дистанционный формат деятельности.

Рассмотренный опыт зарубежных учреждений культуры в сфере формирования волонтерского онлайн-сообщества может стать практическим руководством, с помощью которого российские музеи и

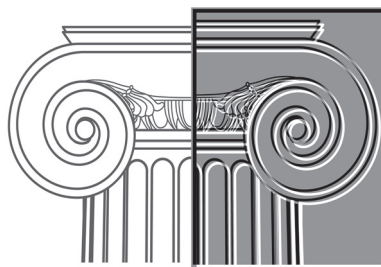
библиотеки, не имеющие опыта реализации подобных проектов в постпандемический период, смогут качественно организовать работу виртуальных добровольных помощников.

Список литературы

1. Кульминская А. В. Добровольчество в сети Интернет : проблемы идентификации // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 5 (62). С. 169–178. DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.016
2. Ackermann K., Manatschal A. (2018) Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared. *New media & society*, vol. 20, no.12, pp. 4453–4472.
3. Dickinson A. E. *Papers*. Available at: <https://crowd.loc.gov/campaigns/anna-e-dickinson-papers/>
4. Hu Y., Janowicz K., Couclelis H. (2017) Prioritizing disaster mapping tasks for online volunteers based on information value theory. *Geographical analysis*, vol. 49, pp. 175–198.
5. HVG survey on rebuilding volunteering capacity in the heritage sector. Available at: <https://ru.surveymonkey.com/stories/SM-G8V5SXXD/>
6. *Library of Congress*. Available at: <https://volunteerabroadforfree.org/online-volunteering-with-library-of-congress/>
7. *London Public Library*. Available at: <https://www.londonpubliclibrary.ca/about-my-library/volunteer>
8. *Online volunteering with DIY History*. Available at: <https://volunteerabroadforfree.org/online-volunteering-with-diy-history/>
9. Postigo H. (2009) America online volunteer. Lessons from an early co-production community. *International journal of cultural studies*, vol. 12, no. 5, pp. 451–469.
10. *Royal British Columbia Museum*. Available at: <http://transcribe.royalbcmuseum.bc.ca/>
11. *Volunteer Royal British Columbia Museum*. Available at: <https://volunteerabroadforfree.org/online-volunteering-with-royal-british-columbia-museum-transcribe-project/>

References

1. Kulminskaia A. V. Volunteering in the Internet: identification problems. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2019, no. 5 (62), pp. 169–178. DOI: 10.26105/SSPU.2019.62.5.016 (In Russ.).
2. Ackermann K., Manatschal A. (2018) Online volunteering as a means to overcome unequal participation? The profiles of online and offline volunteers compared. *New media & society*, vol. 20, no.12, pp. 4453–4472.
3. Dickinson A. E. *Papers*. Available at: <https://crowd.loc.gov/campaigns/anna-e-dickinson-papers/>
4. Hu Y., Janowicz K., Couclelis H. (2017) Prioritizing disaster mapping tasks for online volunteers based on information value theory. *Geographical analysis*, vol. 49, pp. 175–198.
5. HVG survey on rebuilding volunteering capacity in the heritage sector. Available at: <https://ru.surveymonkey.com/stories/SM-G8V5SXXD/>
6. *Library of Congress*. Available at: <https://volunteerabroadforfree.org/online-volunteering-with-library-of-congress/>
7. *London Public Library*. Available at: <https://www.londonpubliclibrary.ca/about-my-library/volunteer>
8. *Online volunteering with DIY History*. Available at: <https://volunteerabroadforfree.org/online-volunteering-with-diy-history/>
9. Postigo H. (2009) America online volunteer. Lessons from an early co-production community. *International journal of cultural studies*, vol. 12, no. 5, pp. 451–469.
10. *Royal British Columbia Museum*. Available at: <http://transcribe.royalbcmuseum.bc.ca/>
11. *Volunteer Royal British Columbia Museum*. Available at: <https://volunteerabroadforfree.org/online-volunteering-with-royal-british-columbia-museum-transcribe-project/>

КУЛЬТУРА В ЭПОХУ
ЦИФРОВИЗАЦИИ

ЕДИНОЕ ЦИФРОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗНАНИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО КОДА ЛИЧНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ

УДК 316.614:001.51

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-130-138>

Е. В. Динер¹, Н. В. Лопатина²

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: sautinalina@yandex.ru¹, e-mail: lis.mgik@yandex.ru²

Аннотация: В статье рассмотрена проблема формирования национального культурного кода личности в условиях цифрового общества, отмечена её острая актуальность. На основе анализа состояния социализации и культурации личности в цифровом пространстве авторы статьи делают вывод о необходимости применения новых подходов к созданию научно-теоретической и организационно-методической базы формирования национального культурного кода личности, определяют ведущие принципы проектирования единой социокультурной среды, призванной развивать национальную культурную идентичность личности в условиях цифрового общества. Авторы отмечают, что такое проектирование необходимо производить на основе передовых цифровых и интеллектуальных технологий, оно должно быть нацелено на интеграцию и систематизацию библиотечно-архивно-музейных ресурсов, представленных в соответствии со спецификой восприятия, информационными и культурными практиками, свойственными различным категориям пользователей. Исходя из этого в статье сформулированы направления научных исследований, которые в ближайшие годы могут стать ключевыми для библиотечно-информационных наук.

Ключевые слова: национальный культурный код, цифровое общество, единое цифровое пространство знаний, новейшие информационные технологии, социокультурное проектирование, мотивация к освоению культурных национальных ценностей.

Для цитирования: Динер Е. В., Лопатина Н. В. Единое цифровое пространство знаний в формировании национального культурного кода личности: методология проектирования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 130–138. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-130-138>

ДИНЕР ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор педагогических наук, профессор кафедры библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

DINER ELENA VASILIEVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Professor at the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

ЛОПАТИНА НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой библиотечно-информационных наук факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры

LOPATINA NATALIA VIKTOROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Head of the Department of Library and Information Sciences, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture

© Динер Е. В., Лопатина Н. В., 2020

A SINGLE DIGITAL SPACE OF KNOWLEDGE IN THE FORMATION OF THE CULTURAL CODE OF AN INDIVIDUAL: DESIGN METHODOLOGY

Elena V. Diner¹, Natalia V. Lopatina²

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: sautinalina@yandex.ru¹, e-mail: lis.mgik@yandex.ru²

Abstract: The article discusses the problem of forming a national cultural code of an individual in a digital society, notes its acute relevance. Based on the analysis of the state of socialization and culture of the individual in the digital space, the authors of the article conclude that it is necessary to apply new approaches to the creation of a scientific-theoretical and organizational-methodological base for the formation of a national cultural code of a person, determine the leading principles of designing a single sociocultural environment designed to develop the national cultural identity of a person in a digital society.

Keywords: national cultural code, digital society, common digital space of knowledge, the latest information technologies, sociocultural design, motivation to master cultural national values.

For citation: Diner E. V., Lopatina N. V. A single digital space of knowledge in the formation of the cultural code of an individual: design methodology. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 130–138. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-130-138>

Постановка вопроса

Преодоление угрозы, связанной с утратой национальной и культурной идентичности российских граждан, в настоящее время признаётся одним из приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года [5]. Трансформация среды и условий развития современного человека [9; 17], изменение инвариантов базового характера (таких, как нация, государство, религиозные ценности, культурные традиции), происходящие в ходе глобализации и цифровизации, актуализируют проблему формирования уникальных культурных кодов личности, простроенных на гуманистической платформе.

Глобальное сетевое взаимодействие как основа социализации и культурации личности в цифровом обществе амбивалентно. С одной стороны, оно ведёт к интеграции культур, созданию межкультурных кодов и взаимопонимания между народами.

С другой стороны, снижает объём и проводимость контента, формирующего и поддерживающего национальную идентичность, транслирующего ментальные паттерны, традиции, ценностные и нравственные ориентиры, выступающие основой национальной консолидации, сохранения духовно-культурного генетического кода нации, устойчивого развития государства, его обротов и конкурентоспособности.

В таких условиях вполне реальной становится опасность утраты нравственных ценностей, последствия которой могут привести к повреждению духовно-культурного генетического кода нации, потере всех значимых достижений прошлого и в итоге сущности народного сознания.

В рамках национального проекта «Культура», при разработке которого особое внимание уделялось укреплению «российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных ценностей народов

России», эту задачу предлагается решать «путём проведения мероприятий, направленных на популяризацию русского языка, литературы как основы национальной идентичности, на сохранение национальных культурных традиций, промыслов и ремёсел», а также с помощью обеспечения широкого доступа российских граждан к культурным благам [14].

Если учесть, что в настоящее время этот доступ возможен только с использованием интернет-среды, пути преодоления проблемы формирования национального культурного кода сопряжены с необходимостью проектирования такого цифрового пространства знаний, в котором применялись бы самые эффективные методы и способы представления духовно-ценностного контента и которое было бы доступно каждому гражданину России. Его создание требует выработки общих принципов и методов проектирования, но в научной литературе они пока не представлены.

Понятие

«культурный код личности»

В гуманитарном поле научных исследований понятие «культурный код личности» пока не получило однозначного толкования. В научной литературе его рассматривают как феномен, представляющий собой «идеальное образование», культурное бессознательное, скрытое от понимания, но проявляемое в поступках [7, с. 100]. В «Большом толковом словаре по культурологии» этот термин трактуется как «уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков ... закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру» [13].

В контексте гуманитарного знания культурный код осознаётся элементом семиотической концепции культуры и характеризуется как система знаков, управляемых определёнными правилами, распространяемыми среди представителей определённой культуры и предназначенных «для генерации и циркуляции смыслов в этой культуре и для этой культуры» [22, с. 4]. Укореняясь в народном сознании, такие смыслы создают систему уникальных архетипов, определяющих национальную идентичность, менталитет народа, систему его нравственно-духовных ценностей. Они формируют своеобразие психологии народа, стратегию поведения его представителей [4].

Культурный код как идеальное образование не является системой ценностей, поскольку лишён иерархии, но он формирует ценностные ориентации личности, создавая в сознании индивида эмоционально окрашенный образ, имеющий «мотивирующую силу» [7; 12; 16].

В некоторых научных работах на основе формирования исторических, географических, культурных факторов формирования русского общества выделены некоторые культурные коды, характеризующие национальные стереотипы поведения. Так, М. А. Демчук называет следующие:

- быстрое решение жизненных проблем; крайне высокая трудоспособность в критические моменты, в очень сжатые сроки; желательное наличие общего врага для сплочения нации, коллектива, группы;
- утопическая вера в лучшее будущее и ностальгия по временам героического прошлого; безответственность; непрактичность в отсутствии критических моментов;
- власть, царь и идеология, жизненно необходимые для сплочения народа, неот-

делимые друг от друга понятия, стоящие выше закона; упование на чиновников, законодателей и Вождя в сумме с собственной безответственностью;

- коллективное сознание; отрицание личности и индивидуализма;
- стремление к духовности, высшей справедливости, непринятие инакомыслия; неумение вести конструктивный диалог; эмпирическое познание мира; чувства превыше разума; культ страданий и жертвенности [7].

И. В. Ерофеева, О. А. Фильшина, основываясь на результатах анализа рекламных и журналистских текстов, выделяют такие наиболее часто применяемые в медиатексте его составляющие:

- семья, дом;
- патриотизм, соборность;
- щедрость;
- свобода;
- лень;
- душевность, духовность [8, с. 64].

Однако в научной литературе подчёркивается и тот факт, что национальный культурный код подвержен изменению [7], поскольку одним из главных факторов формирования составляющих его эмоционально окрашенных образов становится характер деятельности представителей определённого социума, определённой культуры [11], в том числе и национальной.

Это положение в полной мере можно отнести и к информационной деятельности современного человека как основе культурных процессов [см., например: 9; 15]. Понимание роли информационного разнообразия социокультурной феноменологии в формировании культурного кода личности само по себе выступает элементом национальной традиции (высокие позиции

чтения, разнообразие форм культурного и гуманитарного просвещения, устойчивое позитивное отношение к институтам памяти), что находит отражение в культурной, образовательной и информационной политике государства. Не следует забывать о том, что и эмоциональное состояние индивида в значительной мере формируется и изменяется под воздействием информационной среды: художественной литературы, кинематографа [17], а эмоциональное и эстетическое поле личности – важнейший элемент её культурного кода (в чём мы имели возможность убедиться в условиях пандемии).

Анализируя специфику и основные аспекты конструирования национальной, гражданской идентичности в современной информационной среде, можно утверждать, что одной из главных проблем выступает «слабость когнитивного и символического фундамента» различных видов самоидентификации, доминирование в их сознании фрагментарного представления о русской истории, культуре. И в данном случае речь идёт о том, что эффекты воздействия способов и приёмов, реализуемых в интернет-пространстве, оказывают сильное впечатление, социокультурные последствия которого характеризуются устойчивостью во времени [6; 19]. Но большинство социокультурных каналов, представленных в настоящее время в интернет-среде, не используют всего разнообразия этих способов, что ослабляет воздействие контента, формирующего национальный культурный код, особенно на сознание молодёжи.

Таким образом, решение обозначенных задач возможно сегодня только с использованием новейших информационных технологий распространения и продвижения

в интернет-пространстве информационных ресурсов духовно-нравственного характера, основанных на национальных идеалах. Лишь в этом случае мы имеем возможность противопоставить деструктивному влиянию национальные культурные ценности и способствовать их освоению.

Кроме того, в цифровом пространстве информационные ресурсы, необходимые для формирования национального культурного кода личности, остаются разрозненными, отсутствует комплексная научно-теоретическая и организационно-методическая база их цифровой интеграции.

Формат представления этих ресурсов далеко не всегда отвечает многообразию пользователей и мотивирует их к восприятию и осмыслению содержания, поскольку не соответствует:

а) специфике восприятия информации в зависимости от демографических, психографических характеристик, интересов, предпочтений, иных индивидуальных особенностей;

б) формируемым в цифровом пространстве культурным, в том числе читательским, практикам.

Пути преодоления проблемы

Преодоление обозначенных проблем находится в плоскости проектирования новой методологии представления системного контента и интеграции библиотечно-музейно-архивных традиционных и сетевых ресурсов, обеспечивающих духовно-нравственный потенциал граждан России. В её основе – идея единого цифрового пространства, позволяющего представлять всё культурное богатство государства полно, структурированно, в соответствии со спецификой восприятия, информационными

и культурными практиками, свойственными различным категориям пользователей. Реализация идеи цифрового пространства культуры требует нацеленности на поддержание общегражданского сознания, отхода от «этнического национализма» [17]; учёта демографических, психографических и информационно-культурологических особенностей пользователей; использования новейших технологических разработок в области представления мультимедийной информации.

В данном случае мы считаем необходимым обратиться к концепту единого цифрового пространства знаний. Появившись впервые в 2014 году в Указе Президента России «Об утверждении основ государственной культурной политики» [2] и затем в новой редакции Федерального закона «О библиотечном деле» [3], до настоящего времени это понятие рассматривается как обобщённая цель, своего рода перспектива развития науки, культуры и образования на основе создания и интеграции информационных ресурсов и сервисов. На наш взгляд, одна из наиболее удачных попыток определения данного понятия была сделана в книге «О едином цифровом пространстве научных знаний», где единое цифровое пространство знаний предлагается понимать как компьютерную среду, объединяющую разнородные информационные ресурсы (документные, метайнформацию, факты), «обращаясь к которой, пользователь (начиная от учёного и кончая учеником средней школы) должен получить ответы на вопросы, касающиеся тех или иных областей ...» [3, с. 729].

Применяя это определение к единому цифровому пространству культуры, целесообразно понимать необходимость ин-

теграции собственно художественной информации и «информации о художественной информации» [9; 13; 20]. В данном случае речь идёт о необходимости выявления, создания и интеграции ресурсов просветительского, образовательного, научного и научно-популярного характера, в том числе ресурсов искусствоведческого и справочного характера, ресурсов по истории искусств, а также критики, реакций различных групп потребителей на художественную информацию, обсуждений, находящихся отражение в социальных сетях, комментариях и иных формах обратной связи открытых ресурсов.

Особое место в данной системе принадлежит библиографическим (метаинформационным) ресурсам и сервисам, позволяющим организовывать единое цифровое пространство культуры, исходя из индивидуальных и типовых потребностей пользователей, их уровня готовности к восприятию социально значимой информации.

Современные задачи социокультурного проектирования, в частности задача формирования культурного кода личности, требуют понимания возможностей передовых цифровых, интеллектуальных технологий производства знания, новых способов конструирования и адаптации информационных массивов, систем обработки больших объёмов данных. С другой стороны, возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учётом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе требует применения инструментария гуманитарных и социальных наук. В этих условиях мы можем выделить следующие актуальные направления научных исследований, которые должны

стать ключевыми для библиотечно-информационных наук в ближайшие годы:

1) теоретико-методологические и эмпирические исследования ценностных ориентиров личности в цифровом обществе, современной информационной среды, проблем взаимодействия человека и информационных систем, информационной культуры личности;

2) теоретико-методологические исследования принципов и методов проектирования новой парадигмы информационного социокультурного пространства, основанного на синтезе натурной и электронной информации, определяющего формирование культурных кодов личности в информационном обществе;

3) исследования психологии восприятия натурной и электронной информации в современной информационной среде, читательских практик, проблем чтения, смыслопонимания традиционного и электронного текстов, проблем развития мотивации к чтению; исследование развития интеллектуальных и аффективных (эмоции, воображение) качеств личности в процессе взаимодействия с современной коммуникативной средой;

4) исследование и разработка информационно-технологической базы единого цифрового пространства развития ключевых компетенций личности в цифровом обществе.

Резюме

Подводя итог вышесказанному, мы надеемся, что наши коллеги разделят обозначенные в этой статье концептуальные предложения. Представленный подход позволит не только объединить необходимые ресурсы, но и достичь «эффекта социально-ин-

формационного воздействия» на пользователей различных возрастных, социальных и этнических групп, поможет развить мотивацию к освоению национальных культурных ценностей и предоставит больше возможностей для доступа к ним гражданам России. Конкретные проектные решения,

реализующие этот подход, имеют серьезный потенциал для построения адекватных новым информационным режимам инструментов формирования национального культурного кода личности, преодоления вызовов, связанных с дегуманизацией и денационализацией российской культуры.

Список литературы

1. Федеральный закон «О библиотечном деле» от 29.12.1994 № 78-ФЗ, ст. 18.1 (редакция от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/103585/>
2. Указ Президента РФ № 808 от 24.12.2014 года «Об утверждении основ государственной культурной политики». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208>
3. Антопольский А. Б., Каленов Н. Е., Серебряков В. А., Сотников А. Н. О едином цифровом пространстве научных знаний // Вестник Российской академии наук. 2019. Том 89. № 7. С. 728–735. doi: 10.31857/S0869-5873897728-735
4. Бабосов Е. Культурный код нации : сущность и особенности // Наука и инновации. 2016. № 3. С. 48–50.
5. Большие вызовы и приоритеты научно-технологического развития [Электронный ресурс] // Научно-технологическое развитие Российской Федерации : официальный Интернет-ресурс. URL: <https://нтр.рф/challenges-priorities/>
6. Викторова Е. В., Бадаева Е. Р. «Новые» и «старые» социокультурные эффекты информационного воздействия на личность в пространстве Интернет // Коммуникология. 2019. Том 7. № 1. С. 100–112. DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-1-100-112
7. Демчук М. А. Влияние архетипов, культурных кодов и национальной ментальности на содержание музыкальных рецензий // Медиасреда. 2018. № 13. С. 99–103.
8. Ерофеева И. В., Фильшина О. А. Национальные стереотипы как топос медиатекста : актуальность медиаархеологии // Гуманитарный вектор. 2017. № 5. С. 59–65.
9. Зубов Ю. С. Библиография и художественное развитие личности. Москва : Книга, 1979. 142 с.
10. Зубов Ю. С. Информатизация и информационная культура // Проблемы информационной культуры : сборник статей / под редакцией Ю. С. Зубова и И. М. Андреевой. Москва : Московский государственный университет культуры, 1994. С. 43–51.
11. Кассирер Э. Философия символических форм / [перевод с немецкого С. А. Ромашко]. Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2002-. Том 3. 2002. 397 с.
12. Клименкова А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. № 2. С. 5–12.
13. Кононенко Б. И. Большой толковый словарь по культурологии [Электронный ресурс]. Москва, 2003. 511 с. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm>
14. Мосунова Л. А., Динер Е. В., Булдакова Ю. В., Русских С. Н. Развитие интереса к филологическим знаниям в социокультурной среде региона // Образование и саморазвитие. 2019. Том 14. № 1. С. 95–106.
15. Национальный проект «Культура» : паспорт проекта [Электронный ресурс] // Сайт Министерства культуры Российской Федерации. URL: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/>
16. Оленев С. М., Сляднева Н. А. Информационные основы культурогенеза // Культурология: новые подходы : альманах-ежегодник. Выпуск 3–4. Москва : МГУК, 1998. С. 33–48.
17. Рапай К. Культурный код : как мы живём, что покупаем и почему / перевод с английского [У. Саламагова]. Москва : Московская школа управления Сколково : Альпина Бизнес Букс, 2008. 166 с. : портр.

18. Скворцов Н. Г. Формирование национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2016. Том 20. № 4. С. 53–60.
19. Сляднева Н. А. Информационная антропология нового мира: проблемы интеллектуальной эволюции человека информационной эпохи // Культура и образование в информационном обществе : материалы Международной научной конференции, Краснодар, 16–18 сентября 2003 года / [научные редакторы : И. И. Горлова и др.]. Краснодар : Краснодарский государственный университет культуры и искусств, 2003. С. 40–45.
20. Титов В. В. Национально-гражданская идентичность российской молодёжи: проблема конструирования в цифровую эпоху // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Том 25. № 8. С. 81–86. DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-8-81-86
21. Трубников С. А. Литературная библиография как средство эстетического развития читателей : пособие по спецкурсу для студентов библиотечных факультетов / Министерство культуры РСФСР, Московский государственный институт культуры. Москва : [б. и.], 1970. 238 с.
22. Fiske J. (1999) *Television Culture*. London : Routledge.

References

1. *Federal Law "On librarianship" dated December 29, 1994 No. 78-FZ, art. 18.1 (as revised on 03.07.2016)*. Available at: <https://base.garant.ru/103585/> (In Russ.).
2. *Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of December 24, 2014 "On the approval of the foundations of the state cultural policy"*. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208> (In Russ.).
3. Antopolskii A. B., Kalenov N. E., Serebryakov V. A., Sotnikov A. N. Common digital space of scientific knowledge. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. 2019, vol. 89, no. 7, pp. 728–735. (In Russ.). doi: 10.31857/S0869-5873897728-735
4. Babosov E. The cultural code of nation: a subject and the features. *Science and Innovations*. 2016, no. 3, pp. 48–50. (In Russ.).
5. *Big challenges and priorities of scientific and technological development*. Available at: <https://нтр.рф/challenges-priorities/> (In Russ.).
6. Viktorova E. V., Badaeva E. R. The 'new' and the 'old' socio-cultural effects of informational impact in the internet space. *Communicology*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 100–112. (In Russ.). DOI: 10.21453/2311-3065-2019-7-1-100-112
7. Demchuk M. A. The influence of archetypes, cultural codes and national mentality on the content of musical reviews. *Mediasreda*. 2018, no. 13, pp. 99–103. (In Russ.).
8. Erofeeva I. V., Filshina O. A. National stereotypes as media text topos: urgency of media archeology. *Humanitarian vector*. 2017, no. 5, pp. 59–65. (In Russ.).
9. Zubov Yu. S. *Bibliography and artistic development of personality*. Moscow, Publishing House "Kniga", 1979. 142 p. (In Russ.).
10. Zubov Yu. S. Informatization and information culture. In: Zubov Yu. S., Andreeva I. M., eds. *Problems of information culture: A collection of articles*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University of Culture, 1994. Pp. 43–51. (In Russ.).
11. Cassirer E. *Philosophy of symbolic forms. Volume 3*. Moscow, St. Petersburg, University Book Publishing House, 2002. 397 p. (In Russ.).
12. Klimenkova A. M. Cultural codes as factors forming value orientations. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series Sociology*. 2013, no. 2, pp. 5–12. (In Russ.).
13. Kononenko B. I. *Big explanatory dictionary of cultural studies*. Moscow, 2003. 511 p. Available at: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/culturology-dictionary/index.htm> (In Russ.).
14. Mosunova L. A., Diner E. V., Buldakova Yu. V., Russkich S. N. The development of interest in philological knowledge in the socio-cultural environment of the region. *Education and Self-Development*. 2019, vol. 14, no. 1, pp. 95–106. (In Russ.).
15. *National project "Culture": project passport*. Available at: <https://culture.gov.ru/about/national-project/about-project/> (In Russ.).

16. Olenev S. M., Slyadneva N. A. Information bases of cultural genesis. In: *Culturology: new approaches: almanac-yearbook. Issue 3–4*. Moscow, Publishing House of the Krasnodar State University of Culture, 1998. Pp. 33–48. (In Russ.).
17. Rapai K. *Cultural code: how we live, what we buy and why*. Moscow, Alpina Business Books, 2008. 166 p. (In Russ.).
18. Skvortsov N. G. The formation of national identity in modern Russia. *Humanitarians of the South of Russia*. 2016, vol. 20, no. 4, pp. 53–60. (In Russ.).
19. Slyadneva N. A. Information anthropology of the new world: problems of the intellectual evolution of a person of the information age. In: Gorlova I. I. et al, eds. *Culture and education in the information society: materials of the International scientific conference, Krasnodar, September 16–18, 2003*. Krasnodar, Publishing House of the Krasnodar State University of Culture and Arts, 2003. Pp. 40–45. (In Russ.).
20. Titov V. V. National-civil identity of the Russian youth: a problem of design in a digital epoch. *Transbaikal State University Journal*. 2019, vol. 25, no. 8, pp. 81–86. (In Russ.). DOI: 10.21209/2227-9245-2019-25-8-81-86
21. Trubnikov S. A. *Literary bibliography as a means of aesthetic development of readers*. Moscow, 1970. 238 p. (In Russ.).
22. Fiske J. (1999) *Television Culture*. London : Routledge.

*

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЧТЕНИЯ

УДК 028:001.5

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-139-143>

Ю. П. Мелентьева

Российская академия наук, Москва, Российская Федерация

Аннотация: Статья представляет педагогический подход в исследованиях чтения и раскрывает направления изучения чтения в современной педагогике. Уделено внимание рассмотрению вопросов чтения в работах классиков педагогической науки. Автор определяет позиции исследований чтения в структуре современной педагогической науки. Представлены результаты анализа массива педагогической литературы на основе электронного каталога Государственной научной педагогической библиотеки имени К. Д. Ушинского на предмет выявления актуальной тематики изучения чтения в рамках педагогики. Определены основные тематические направления изучения чтения, рассмотрено формирование научной области знания «Педагогика чтения», рассматривающей чтение как компонент образования. Представлены основные дефиниции, используемые в публикациях педагогического характера, посвящённых проблеме чтения. Выявлены пробелы в изучении чтения. Определена ограниченность педагогики чтения как области науки.

Ключевые слова: чтение, педагогика, педагогика чтения, педагогические науки, образование.

Для цитирования: Мелентьева Ю. П. Педагогический подход в исследованиях чтения // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 139–143. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-139-143>

PEDAGOGICAL APPROACH IN READING RESEARCH

Yulia P. Melentieva

Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract: The article presents a pedagogical approach to reading research and reveals the directions of reading study in modern pedagogy. Attention is paid to the consideration of reading issues in the works of classics of pedagogical science. The author defines the positions of reading research in the structure of modern pedagogical science. The results of the analysis of an array of pedagogical literature on the basis of the electronic catalogue of the State Scientific Pedagogical Library named after K. D. Ushinskii to identify relevant themes of the study of reading pedagogy. The main thematic areas of the study of reading are determined, the formation of the scientific field of knowledge “Pedagogy of reading”, which considers reading as a component of education, is considered. The main definitions used in pedagogical

МЕЛЕНТЬЕВА ЮЛИЯ ПЕТРОВНА – доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующий отделом проблем чтения ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, заместитель председателя Научного совета по проблемам чтения Российской академии образования

MELENTIEVA YULIA PETROVNA – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Honored Worker of Culture of the Russian Federation, Head of the Department of Reading Problems of the Scientific Research Center “Nauka” RAS, Deputy Chairman of the Scientific Council on Reading Problems of the Russian Academy of Education

© Мелентьева Ю. П., 2020

publications devoted to the problem of reading are presented. Gaps in the study of reading are revealed. The limitations of reading pedagogy as a field of science are determined.

Keywords: reading, pedagogy, pedagogy of reading, pedagogical sciences, education.

For citation: Melentieva Yu. P. Pedagogical approach in reading research. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 139–143. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-139-143>

В данной статье мы продолжаем рассмотрение педагогического подхода к исследованиям феномена чтения, начало которого было предложено в коллективной монографии «Книжная культура в социогуманитарных исследованиях: особенности взаимодействия в контексте междисциплинарной парадигмы» [4].

Педагогика как наука о воспитании и обучении человека не могла, конечно, не включить проблему чтения в свой контекст. Наиболее активно изучались проблемы чтения, тесно увязанные с задачей обучения грамоте, а также с проблемами воспитания, передачи моральных канонov и т.п. Педагогика выделилась из философии, в рамках которой она развивалась на протяжении тысячелетий, только в XVII веке [8]. Этому способствовали труды английского философа Ф. Бэкона [2], где ярко присутствовала проблематика, связанная с чтением, которое он тесно связывал с научным познанием и развитием личности.

Дальнейшее укрепление самостоятельного научного статуса педагогики связано с деятельностью других крупных европейских учёных, и прежде всего Яна Амоса Коменского, автора выдающегося труда «Пампедия» («Всеобщее воспитание»), где были сформулированы в том числе и педагогические основы культуры чтения. Главную задачу чтения он видел в «освобождении от тумана незнания», чему должно способствовать не только образование, но и самообразование.

На протяжении нескольких веков парадигма педагогики как науки не один раз изменялась, корректировалась в зависимости от понимания ценности человеческой личности в целом и детства как периода её развития. Формирование педагогики как науки шло также в зависимости от социального климата, складывающегося в мире в целом и в каждой стране в частности, поэтому можно, вероятно, говорить о национальных особенностях педагогики. Можно, однако, смело утверждать, что всеми педагогическими авторитетами разных стран с первых, ещё донаучных, времён осознания задач влияния на личность чтение (и книга) декларировалось как важнейшее средство воспитания и образования.

Русская педагогическая мысль также рассматривала чтение как способ приобщения к морали и знанию [9]. Нет, пожалуй, ни одного крупного русского педагога, от К. Д. Ушинского до В. А. Сухомлинского, который не говорил бы о пользе чтения.

Российская педагогика, претерпев несколько трансформаций своей парадигмы, в том числе и в самом недавнем времени [3], представляет сегодня науку, которая определяет свой объект как систему педагогических явлений, связанных с развитием индивида, а предмет – как целостный педагогический процесс направленного развития и формирования личности в условиях её воспитания, обучения и образования. Такое понимание объекта и предмета современной российской педагогики как науки логич-

но определяет её структуру. Она включает в себя следующие разделы:

1. Общие основы педагогики.
2. Дидактика (Теория обучения).
3. Теория воспитания.
4. Дошкольная педагогика.
5. Школоведение.
6. Педагогика высшей школы.
7. Социальная педагогика.
8. Профессиональная педагогика.
9. Религиозная педагогика.
10. Креативная педагогика.
11. Нейропедагогика.
12. Педагогика сотрудничества.
13. Сравнительная педагогика.
14. Педагогика инноваций.
15. Военная педагогика.
16. Специальная педагогика (тифло-, сурдо).

Научный интерес представляет выявление степени осмысления и включения различных аспектов чтения в представленных разделах педагогики и педагогических концепциях.

Анализ массива педагогической литературы на основе электронного каталога Государственной научной педагогической библиотеки имени К. Д. Ушинского, включивший рассмотрение 9 423 документов, позволил выявить основную проблематику, связанную с чтением. Исследование показало, что большое количество публикаций посвящено проблеме «чтение как учебный предмет». Публикации такого рода представляют собой, как правило, описание опыта обучения первоначальному чтению или методические рекомендации в данной области. Зачастую встречаются работы, где описывается зарубежный опыт.

Заметное место в потоке публикаций занимает тема «Формирование навыков и механизмов чтения». Анализируются техно-

логии обучения чтению, отечественный и зарубежный опыт приобщения к чтению, в том числе и новейший, использование медийных возможностей. Отдельное направление этой темы – формирование навыков чтения на иностранном языке в ходе его освоения; использование факторов, помогающих этому процессу. Чтение как инструмент освоения предметных областей рассматривается в публикациях, посвящённых преподаванию, конечно, прежде всего литературы, но также и физики, географии, музыки, истории и других.

Значительный круг публикаций посвящён обучению различным видам и типам чтения (быстрому, выразительному, внеклассному, домашнему, самостоятельному, развивающему, познавательному, учебному, занимательному и другим), анализ которых позволяет выявить их возможности влияния на развитие личности. Особое внимание уделяется проблеме обучения осмысленному чтению. Однако эта проблема выходит уже за рамки педагогики и требует привлечения психологических знаний.

На грани педагогики и психологии находятся отражённые в ряде публикаций такие темы, как формирование интереса к чтению; причины нежелания читать; чтение как род речевой деятельности и т.п., а также важнейшая проблема чтения художественной литературы, умения понимать прочитанное, к этой же тематике присоединяется проблема культуры чтения. Довольно подробно рассматриваются темы «Чтение во вспомогательной школе», «Обучение чтению по Брайлю», «Привлечение к чтению детей с особенностями развития» и т.п.

За последние годы сформировался круг публикаций, посвящённых оценке качества чтения российских читателей-детей в контексте международных программ PISA,

PIRLS [10] и других, что позволяет говорить о достаточно тесных контактах российских педагогов с зарубежными коллегами. Заметное количество публикаций посвящено уровню подготовки учителей к обучению чтению, а также – требованиям к учебникам и учебным пособиям по этой проблеме. Очевидно, что проблема чтения находит отражение только в нескольких разделах педагогики, прежде всего – в «Дидактике».

Таким образом, активно формируется научная область знания, которая может быть названа как «педагогика чтения», где чтение рассматривается прежде всего как компонент образования.

Анализ публикаций позволяет утверждать, что основной научной проблемой педагогики чтения является проблема обучения чтению, которая включает такие темы, как «Обучение детей умению читать»; «Обучение умению читать детей с особыми потребностями»; «Обучение чтению текстов на иностранном языке»; «Методики и технологии обучения чтению» (в том числе и компьютерные); «Обучение различным типам и видам чтения» (быстрому, учебному и другим); «Обучение учителя для работы по проблемам чтения» и т.д.

Этот вывод подтверждает анализ основных дефиниций, используемых в публикациях педагогического характера, посвящённых проблеме чтения: «чтение как учебный предмет»; «обучение чтению»; «способы обучения чтению»; «методы и технологии обучения чтению»; «методы приобщения к чтению»; «виды чтения»; «типы чтения»; «качества чтения», которые нашли отражение в «Глоссарии по проблеме чтения» [5–7].

Гораздо менее глубоко осмыслено чтение как деятельность, через которую происходит вхождение человека в жизнь, развитие личности (в том числе и профессиональное),

её самоидентификация. Не часто изучается влияние чтения на разные стороны жизнедеятельности различных возрастных групп, в том числе детей и взрослых.

Одним из наиболее значительных направлений современных педагогических исследований является определение и формирование информационной культуры, в рамках которого чтению уделяется лишь небольшое внимание.

К сожалению, в массиве педагогических публикаций немного аналитических, глубоких, обобщающих работ, подобных статье известного учителя Ш. А. Амонашвили [1], посвящённых чтению как масштабному явлению, безусловно оказывающему педагогическое влияние на формирование личности.

Таким образом, очевидно, что научная область знания, которая может быть названа как «педагогика чтения», рассматривает чтение прежде всего в контексте дидактики. Анализ показывает, что слабым местом педагогики чтения как области научного знания является тот факт, что исследователь опирается в основном на практический опыт обучения, слабо представляя себе специфику чтения как особой эмоционально-познавательной деятельности, достижения психологической науки, а также – знания, накопленного книговедением, библиотековедением, филологией. Всё это в значительной степени определяет ограниченность педагогики чтения как области науки, декларативный, описательный и зачастую прямолинейный характер её выводов и рекомендаций. Этот недостаток может быть преодолен лишь в том случае, если педагогика чтения будет опираться на достижения в области проблем чтения в других науках, прежде всего, конечно, в философии и психологии.

Список литературы

1. Амонашвили Ш. А. Чтение – качество личности и образ жизни // Школьные технологии. 1998. № 5. С. 221–226.
2. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 томах / составление, общая редакция и вступительная статья Л. Л. Субботина. Москва : Мысль, 1971. Том 1. 590 с.
3. Днепров Э. Д. Новейшая политическая история российского образования : опыт и уроки. Издание 2-е, дополненное. Москва : Мариос, 2011. 471 с.: портр.
4. Книжная культура в социогуманитарных исследованиях : особенности взаимодействия в контексте междисциплинарной парадигмы : коллективная монография / ответственный редактор В. И. Васильев ; составители: Д. Н. Бакун, М. А. Ермолаева. Москва : Наука, 2017. 96 с.
5. Мелентьева Ю. П. Глоссарий по проблеме чтения (Часть 1. Автоматизированное чтение – наука о чтении) [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика : электронный научный журнал. 2020. № 2 (35). С. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glossariy-po-probleme-chteniya-chast-1-avtomatizirovannoe-chenie-nauka-o-chtenii>
6. Мелентьева Ю. П. Глоссарий по проблеме чтения (Часть 2. Научение чтению – траектория чтения) [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика : электронный научный журнал. 2020. № 3 (36). С. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glossariy-po-probleme-chteniya-chast-2-nauchenie-chteniyu-traektoriya-chteniya>
7. Мелентьева Ю. П. Глоссарий по проблеме чтения (Часть 3. Трудности чтения – ядро читательской компетентности) [Электронный ресурс] // Культура: теория и практика : электронный научный журнал. 2020. № 4 (37). С. 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/glossariy-po-probleme-chteniya-chast-3-trudnosti-chteniya-yadro-chitatelskoy-kompetentnosti>
8. Мюнстерберга Г. Психология и учитель / перевод с английского А. А. Громбаха. Москва : ЗАО «Совершенство», 1997. 315, [1] с. (Классики психологии).
9. Порфирьев И. Я. О чтении книг (О почитании книжном) в древние времена России // Православный собеседник. 1856. № 6. С. 173–198 ; № 7. С. 443–461.
10. Цукерман Г. А. Оценка читательской грамотности. Материалы к обсуждению [Электронный ресурс]. Москва, 2010. 67 с. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561931/PISA2009.pdf>

References

1. Amonashvili Sh. A. Reading – quality of personality and lifestyle. *The school of technology*. 1998, no. 5, pp. 221–226. (In Russ.).
2. Bacon F. *Essays. In 2 volumes, volume 1*. Moscow, Mysl Publishers, 1971. 590 p. (In Russ.).
3. Dneprov E. D. *The latest political history of Russian education*. 2nd edition. Moscow, 2011. 471 p. (In Russ.).
4. Vasiliev V. I., eds. *Book culture in socio-humanitarian research: features of interaction in the context of an interdisciplinary paradigm*. Moscow, Akademiizdatcenter “Nauka” RAS, 2017. 96 p. (In Russ.).
5. Melentieva Yu. P. Glossary on the problem of reading (Part 1. Automated reading-the science of reading) *Culture: Theory and Practice: Electronic Scientific Journal*. 2020, no. 2(35). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/glossariy-po-probleme-chteniya-chast-1-avtomatizirovannoe-chenie-nauka-o-chtenii> (In Russ.).
6. Melentieva Yu. P. Glossary on the problem of reading (Part 2. Learning to read – the trajectory of reading) *Culture: Theory and Practice: Electronic Scientific Journal*. 2020, no. 3(36). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/glossariy-po-probleme-chteniya-chast-2-nauchenie-chteniyu-traektoriya-chteniya> (In Russ.).
7. Melentieva Yu. P. Glossary on the problem of reading (Part 3. Difficulties of reading-the core of reader competence). *Culture: Theory and Practice: Electronic Scientific Journal*. 2020, no. 4 (37). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/glossariy-po-probleme-chteniya-chast-3-trudnosti-chteniya-yadro-chitatelskoy-kompetentnosti> (In Russ.).
8. Munsterberg G. *Psychology and teacher*. Moscow, 1997. 315 p. (In Russ.).
9. Porfiriev I. Ya. About reading books (About the veneration of books) in ancient times of Russia. *The Orthodox interlocutor*. 1856, no. 6, pp. 173–198; no. 7, pp. 443–461. (In Russ.).
10. Tsukerman G. A. *Evaluation of reader literacy. Materials for discussion*. Moscow, 2010. Available at: <https://www.hse.ru/data/2011/02/21/1208561931/PISA2009.pdf> (In Russ.).

П РОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТАНДАРТИЗАЦИЯ БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

УДК 02:378.14

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-144-150>

Т. Я. Кузнецова

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация,
e-mail: aprikt.biblio02@inbox.ru

Аннотация: Рассматривается процесс разработки профессиональных стандартов в библиотечно-информационной сфере. Освещается нормативно-правовая база профессиональной стандартизации отрасли. Дается краткая характеристика проекта профессионального стандарта «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» (2014). Рассматривается современный этап профессиональной стандартизации. Анализируются концептуальные подходы к разработке стандарта и определению его функционально-содержательной структуры. Обосновывается целесообразность дифференцированного подхода как основы разработки линейки профстандартов с учетом полифункциональности библиотечно-информационной деятельности. Однако указывается, что интегрированный подход позволит в более короткий срок обеспечить отрасль профессиональным стандартом с представлением в его функционально-содержательной структуре всех базовых направлений библиотечно-информационной деятельности. Характеризуется роль профессионального стандарта как инструмента реализации государственной кадровой библиотечной политики.

Ключевые слова: библиотечно-информационная деятельность, профессиональный стандарт, библиотека, трудовые функции, квалификации, профессиональные компетенции, библиотечно-информационное образование, независимая оценка квалификаций.

Для цитирования: Кузнецова Т. Я. Профессиональная стандартизация библиотечно-информационной деятельности: концептуальные подходы // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 144–150. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-144-150>

PROFESSIONAL STANDARDIZATION OF LIBRARY AND INFORMATION ACTIVITY: CONCEPTUAL APPROACHES

Tatiana Ya. Kuznetsova

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation,
e-mail: aprikt.biblio02@inbox.ru

Abstract: The process of developing professional standards in the library and information sphere is considered. The article highlights the regulatory framework for professional standardization

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА ЯКОВЛЕВНА – кандидат педагогических наук, доцент, эксперт Управления научной работой Московского государственного института культуры

KUZNETSOVA TATIANA YAKOVLEVNA – PhD in Pedagogic Sciences, Associate Professor, Expert in Scientific Work Office, the Moscow State Institute of Culture

© Кузнецова Т. Я., 2020

of the industry. A brief description of the draft professional standard “Specialist in the field of library and information activities” (2014) is given. The current stage of professional standardization is considered. Conceptual approaches to the development of the standard and the definition of its functional and content structure are analyzed. The expediency of the differentiated approach as the basis for the development of a line of professional standards, taking into account the multifunctionality of library and information activities, is justified. However, it is pointed out that the integrated approach will allow providing the industry with professional standards in a shorter period of time, with the representation of all the basic directions of library and information activities in its functional and content structure. The role of the professional standard as a tool for implementing the state personnel library policy is characterized.

Keywords: library and information activity, professional standard, library, labour functions, qualifications, professional competencies, library and information education, independent assessment of qualifications.

For citation: Kuznetsova T. Ya. Professional standardization of library and information activity: conceptual approaches. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 144–150. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-144-150>

Переход на профессиональную стандартизацию различных отраслей экономики и социальной сферы начался в стране в соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2012 года № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» [4], распоряжением Правительства РФ от 29.11.2012 года № 2204-р «О плане разработки профессиональных стандартов на 2012–2015 годы» [5] и постановлением Правительства РФ от 22.01.2013 года № 23 «О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов» [6].

Цель этих нормативных профессионально-технологических документов – регулирование процессов развития и использования кадрового потенциала страны, ориентированного на решение экономических и социальных задач, стоящих перед государством, на основе установления и реализации единых требований к содержанию и качеству профессиональной деятельности специалистов с учётом специфики различных отраслей производства. Профессиональные стандарты должны также лечь в основу развития программ всех уровней

профессионального образования, обеспечить их максимальную ориентацию на потребности практических сфер экономики. Кроме того, профессиональные стандарты, определяя содержание профессиональной деятельности и устанавливая квалификационные требования к специалистам с учётом выполняемых ими трудовых функций, являются инструментом оценки уровня их профессионализма, содействуют подбору и расстановки персонала на конкретных производственных участках.

В настоящее время в стране разработаны и действуют около 1 300 профессиональных стандартов, охватывающих различные отрасли экономики, финансов, промышленного производства, транспорта, связи и информационных коммуникационных технологий, образования, здравоохранения, социального обслуживания. В сфере культуры имеется восемь стандартов, из них два по музейному делу [7].

К сожалению, библиотечно-информационная сфера значительно отстала от этого процесса. Однако ещё в 2013 году библиотечные специалисты приступили к работе по созданию отраслевого профессио-

нального стандарта. Ответственным разработчиком выступил Московский государственный институт культуры на основании конкурса, объявленного Министерством культуры РФ.

Подготовленный проект профессионального стандарта «Специалист в области библиотечно-информационной деятельности» был ориентирован на отрасль в целом и включал основные виды функциональной деятельности библиотек. Логическая структура профессионального стандарта была выстроена с учётом уровней квалификаций специалистов, выполняющих определённые функции: от обслуживания пользователей и формирования библиотечного фонда до научно-аналитической, методической и консультационной работы [2]. Тем не менее в проекте недостаточно полно были представлены такие важные направления, как краеведческая деятельность, библиотечно-информационное обслуживание детей и юношества. Отсутствовала в нём и трудовая функция, связанная с библиотечно-информационным обслуживанием лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Профстандарт прошёл все необходимые стадии профессионально-общественной экспертизы, был одобрен Российской библиотечной ассоциацией (РБА), согласован с Министерством культуры РФ и в 2014 году направлен на утверждение в Министерство труда и социальной защиты РФ. Однако по ряду причин, одной из которых явилось отсутствие необходимой административной поддержки, документ не был утверждён.

Активное развитие современных библиотек как информационных, образовательных и культурно-просветительских центров, их всё более заметная роль в системе социальных коммуникаций, в том

числе цифровых, реализация крупномасштабных проектов корпоративного взаимодействия, таких как Федеральная государственная информационная система «Национальная электронная библиотека» (НЭБ), создание модельных библиотек нового поколения, весьма обострили проблему профессиональной стандартизации отрасли.

Необходимость разработки нового проекта профессионального стандарта обусловлена в том числе и тем, что полифункциональность видов деятельности библиотек в цифровую эпоху выдвигает новые требования к библиотечным специалистам, уровню их профессиональных компетенций и знаний. При этом следует отметить, что в проекте «Стратегии развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года» [8] ставится задача обеспечения отрасли квалифицированными, мотивированными на результат кадрами, а также предусматривается расширение спектра профессий, необходимых для функционирования библиотек в условиях цифровой экономики. Главным инструментом решения этих задач должны стать профессиональные стандарты специалистов библиотечно-информационной деятельности с учётом многовекторности реализации социальных функций библиотек в современном мире.

В целях активизации работы по подготовке нового проекта профстандарта с учётом происшедших в отрасли преобразований при РБА в 2018 году был создан Совет по профессиональным квалификациям в области библиотечно-информационной деятельности, включающий представителей библиотек различных типов и ведомственной принадлежности, а также профильных вузов [3].

Стимулом для создания этого совета послужил начавшийся в стране процесс становления и развития Национальной системы квалификаций на основании Федерального закона № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» [9]. В её задачи входит содействие переходу на профессиональные стандарты, формирование института независимой оценки квалификаций по различным видам профессиональной деятельности, а также развитие профессионально-общественной аккредитации образовательных программ подготовки, переподготовки и повышения квалификаций кадров.

Согласно Федеральному закону № 238-ФЗ, реализация этих задач возлагается на Советы по профессиональным квалификациям (СПК), которые стали активно создаваться на базе ассоциаций, союзов и иных организаций, представляющих или объединяющих профессиональные сообщества.

Совет по профессиональным квалификациям РБА инициировал подготовку нового проекта профстандарта. При этом рассматривались два подхода к его содержательно-функциональной структуре. Один можно определить как дифференцированный, другой – интегрированный.

Первый подход предусматривает разработку линейки, то есть нескольких профессиональных стандартов по базовым направлениям (видам) библиотечно-информационной деятельности; второй – комплексное отражение всех направлений (видов) профессиональной деятельности в одном стандарте. При этом под видом профессиональной деятельности понимается совокупность обобщённых трудовых функций, охватывающих все производственные процессы на конкретном функциональном направлении работы.

Поскольку профстандарты, по рекомендациям ВНИИ труда [1], разрабатываются на вид профессиональной деятельности, а не на отрасль в целом и не на должности работающих в ней специалистов, следовало определить виды профессиональной деятельности, в первую очередь нуждающиеся в профстандартах.

С позиций дифференцированного подхода и сложившихся видов отраслевой профессиональной деятельности в линейку профессиональных стандартов целесообразно, на наш взгляд, включить следующие профстандарты:

- специалист по библиотечно-информационному обслуживанию;
- специалист по формированию и сохранению библиотечных фондов;
- специалист по электронным библиотекам и цифровым библиотечным сервисам;
- специалист по библиотечной научной и методической работе.

На Всероссийском библиотечном конгрессе: XXIV Ежегодной Конференции РБА в Туле (2019) на межсекционном заседании, посвящённом вопросу, какой стандарт необходим отрасли, дифференцированный подход был поддержан и было принято решение о разработке линейки профстандартов по вышеуказанным видам профессиональной деятельности.

На наш взгляд, дифференцированный подход более соответствует современным тенденциям развития библиотечно-информационной отрасли. Он позволяет более ёмко отразить её полифункциональность и расширяющийся диапазон деятельности библиотек: от создания многообразных информационных продуктов, включая мультимедийные, и новых цифровых сервисов до организации образовательно-просветительных и событийных мероприятий.

Инициативная группа РБА, куда вошли представители МГИК (Т. Я. Кузнецова, руководитель группы, эксперт Управления научной работой МГИК), РГБ, РНБ, РГДБ, РГБМ, РГБС, подготовила проект первого профстандарта линейки – «Специалист по библиотечно-информационному обслуживанию».

Концептуально функциональная структура профстандарта базируется на рассмотрении библиотечно-информационного обслуживания как базового, комплексного и системообразующего направления деятельности библиотек, включающего в себя не только все технологически возможные контакты и отношения между библиотекой и различными категориями пользователей, но и функциональные связи с окружающим социумом с учётом его социально-экономических приоритетов и историко-культурных особенностей.

Исходя из этого в проекте представлены следующие обобщённые трудовые функции:

- библиотечное обслуживание пользователей – стационарное и дистанционное; к этой обобщённой функции отнесено также проведение образовательно-просветительных, культурно-досуговых и событийных мероприятий, так как эти формы работы составляют значительную часть библиотечного обслуживания в целом;

- справочно-библиографическое и информационное обслуживание;

- краеведческая библиотечная деятельность, поскольку это направление, как базовое в работе центральных региональных и муниципальных библиотек, занимает приоритетное место в библиотечно-информационном обслуживании, как в содержательном, так и функционально-технологическом аспектах;

- библиотечно-информационное обслуживание особых категорий пользователей (детей, молодёжи, лиц с ограниченными возможностями здоровья).

Следует отметить, что введение обобщённых трудовых функций по краеведческой деятельности и обслуживанию особых категорий пользователей является, на наш взгляд, очень важным и принципиально отличает предлагаемый проект стандарта от ранее разработанного.

Представленные в проекте трудовые функции предусматривают широкое использование цифровых технологий. В частности, в обобщённую трудовую функцию «справочно-библиографическое и информационное обслуживание» включён комплекс трудовых действий, умений и знаний по созданию и ведению библиотечных сайтов, блогов, аккаунтов в социальных сетях, мессенджеров, а также по использованию аналитических форм и методов работы с цифровой информацией посредством гипертекстов, гиперссылок, метаданных. Это тоже отсутствовало в предыдущем проекте.

Вместе с тем, помимо трудовых действий, умений и знаний, связанных с цифровизацией библиотечного обслуживания, в профстандарте уделяется значительное внимание гуманитарной составляющей этого процесса. Так, среди профессиональных знаний, необходимых для выполнения всех трудовых функций, обозначены не только знания отечественной и мировой художественной литературы, но и тенденций развития современного литературного процесса, искусства, основ гуманитарных, точных и естественных наук. В систему знаний библиотекаря-краеведа входят основы источниковедения, этнографии, музееведения, архивоведения. Библиотекарям, обслуживающим пользователей с ограниченными воз-

возможностями здоровья, необходимы знания основ дефектологии и тифлопедагогики.

В целях активизации работы над профстандартами по решению Совета библиотек при Министерстве культуры РФ от 26 августа 2020 года проектным офисом разработки документов определена Российская государственная детская библиотека. Министерством культуры РФ утверждены также экспертный совет и рабочая группа, в состав которых вошли руководители и ведущие специалисты национальных, федеральных и крупнейших региональных библиотек, представители системы профессионального образования и Российской библиотечной ассоциации.

После многочисленных дискуссий относительно концептуального подхода к дальнейшей работе над профстандартами было принято решение о переходе на интегрированный подход, который позволит в наиболее короткий срок обеспечить отрасль профессиональным стандартом. Его функциональная модель включит все главные направления библиотечно-информационной деятельности: библиотечно-информационное обслуживание; формирование, организация и сохранение библиотечного фонда; библиотечная научная, методическая и проектная деятельность.

При таком подходе, на наш взгляд, весьма важно в качестве самостоятельных обобщённых трудовых функций представить

в проекте профстандарта краеведческую деятельность библиотек, обслуживание особых отдельных пользователей (детей и подростков, лиц с ограниченными возможностями здоровья), а также деятельность по организации и проведению библиотечных культурно-образовательных, просветительских и событий мероприятий.

В заключение следует подчеркнуть, что утверждение нового проекта профессионального стандарта «Специалист по библиотечно-информационной деятельности» и его дальнейшее внедрение создадут принципиально новую нормативно-правовую среду для развития профессиональных компетенций библиотечных специалистов с учётом современных требований к профессии библиотекаря. Профстандарт также станет основой совершенствования всех звеньев профессионального библиотечно-информационного образования, его актуализации и большой сопряжённости с библиотечной практикой.

Таким образом, профессиональный стандарт в библиотечно-информационной сфере, устанавливая единые требования к содержанию и качеству профессиональной деятельности на её ключевых направлениях, выступит функционально-технологической моделью развития отрасли на долгосрочную перспективу и явится главным инструментом реализации государственной кадровой политики в библиотечном деле.

Список литературы

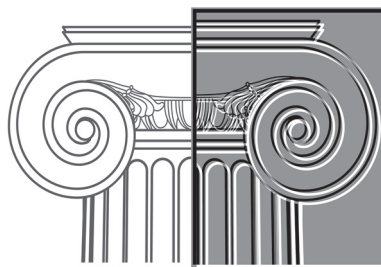
1. Волошина И. А. и др. Методические рекомендации по формированию содержания профессиональных стандартов / И. А. Волошина, О. Д. Прянишникова, О. Ф. Клинк, О. М. Зайцева ; Научно-исследовательский институт труда и социального страхования Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва, 2016. 22 с. (Национальная система квалификаций).
2. Ключев В. К. Проект Профессионального стандарта специалиста в области библиотечно-информационной деятельности : общая характеристика и комментарии // Информационный бюллетень РБА. 2018. № 84. С. 16–19.

3. Кузнецова Т. Я. Комментарий к Положению о Совете по профессиональным квалификациям в области библиотечно-информационной деятельности // Информационный бюллетень РБА. 2018. № 82. С. 132–138.
4. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70170950/>
5. О плане разработки профессиональных стандартов на 2012–2015 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2012 г. № 2204-р [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112012-n-2204-r/>
6. О правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов : постановление Правительства Российской Федерации от 22.01.2013 г. № 23 (редакция от 29.11.2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-22012013-n-23/>
7. Реестр профессиональных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/>
8. Стратегия развития библиотечного дела в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.rba.ru/netcat_files/userfiles/news/2020/06_08/strat_bib.pdf
9. Федеральный закон от 3.07.2016 № 238-ФЗ «О независимой оценке квалификации» [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03072016-n-238-fz-o/>

References

1. Voloshina I. A., Pryanishnikova O. D., Klink O. F., Zaitseva O. M. *Methodological recommendations on the formation of the content of professional standards*. Moscow, 2016. 22 p. (In Russ.).
2. Klyuev V. K. Project of the Professional standard of a specialist in the field of library and information activity: general characteristics and comments. *Informacionnyj Bulletin RBA*. 2018, no. 84, pp. 16–19. (In Russ.).
3. Kuznetsova T. Ya. Commentary on the Regulation on the Council for professional qualifications in the field of library and information activity. *Informacionnyj Bulletin RBA*. 2018, no. 82, pp. 132–138. (In Russ.).
4. *On measures for the implementation of state social policy: Decree of the President of the Russian Federation dated 07.05.2012 No. 597*. Available at: <https://base.garant.ru/70170950/> (In Russ.).
5. *On the plan for the development of professional standards for 2012–2015: order of the Government of the Russian Federation dated November 29, 2012 No. 2204-r*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-29112012-n-2204-r/> (In Russ.).
6. *On the rules for the development, approval and application of professional standards: Resolution of the Government of the Russian Federation dated January 22, 2013 No. 23 (as amended on November 29, 2018)*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-22012013-n-23/> (In Russ.).
7. *Register of professional standards*. Available at: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/> (In Russ.).
8. *Library development strategy in the Russian Federation until 2030*. Available at: http://www.rba.ru/netcat_files/userfiles/news/2020/06_08/strat_bib.pdf (In Russ.).
9. *Federal Law of 03.07.2016 No. 238-FZ “On independent assessment of qualifications”*. Available at: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-03072016-n-238-fz-o/> (In Russ.).

ОБРАЗОВАНИЕ
В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ ЗАПАДА

УДК 378.4:316.7

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-152-163>

Т. Н. Калугина

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, e-mail: tnk77@mail.ru

Аннотация: С развитием публичной дипломатии образованию, как одному из инструментов «мягкой силы», отводится ключевая роль в выстраивании эффективных международных отношений и налаживании межкультурного диалога. Усиление инструментального подхода к публичной дипломатии и укрепление политического аспекта образования обеспечивают ему важное место во внешней стратегии государств, превращая его в эффективный инструмент расширения влияния на глобальном уровне, продвижения социальных, культурных и политических ценностей. Страны, занимающие ведущие позиции на рынке экспорта образовательных услуг, используют разнообразные технологии для создания позитивного имиджа. Одновременно глобализация и развитие академической мобильности, общая интернационализация образования меняют представление о его ценности: традиционные высокие цели формирования личности замещаются рыночной целесообразностью, что проявляется как в политике университетов, так и в поведении самих иностранных студентов. Ещё одной тенденцией становится использование инструментов культурного влияния для защиты собственной культурной безопасности. В итоге борьба между доминирующими экспортёрами образования, которые являются также и мировыми лидерами, влияющими на глобальную политику и экономику, привела к трансформации образования как инструмента «мягкой силы» в орудие давления и принуждения. Ограничение доступа к внутренним образовательным программам, фактически действующее в США и западноевропейских странах, применение политики двойных стандартов направлены на закрепление права на культурное влияние за одними странами и отказ в культурной безопасности другим.

Ключевые слова: интернационализация образования, «мягкая сила», экспорт образовательных услуг, глобальная культура, культурная безопасность, академическая мобильность, публичная дипломатия, инструменты культурного влияния.

Для цитирования: Калугина Т. Н. Университетская культура в условиях санкций Запада // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 152–163. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-152-163>

UNIVERSITY CULTURE UNDER THE SANCTIONS OF THE WEST

Tatiana N. Kalugina

MGIMO University, Moscow, Russian Federation, e-mail: tnk77@mail.ru

Abstract: With the development of public diplomacy, education, as one of the instruments of “soft power”, has been assigned a key role in building effective international relations and establishing

КАЛУГИНА ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА – старший преподаватель кафедры английского языка № 8 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации

KALUGINA TATIANA NIKOLAEVNA – Senior Lecturer, English Department No. 8, MGIMO University

© Калугина Т. Н., 2020

intercultural dialogue. Strengthening the instrumental approach to public diplomacy and the growth of a policy-forming factor in the formation of national educational policy secure education an important place in the foreign policy of the state, turning it into an effective tool for expanding influence at the global level, promoting specific social, cultural and political values. Countries that hold leading positions in the export market for educational services use a variety of conceptual approaches to create a positive image. At the same time, globalization and the development of academic mobility within the framework of the internationalization of education are changing the modern understanding of education value: traditional high goals are replaced by market rationality, both on the part of universities and on the part of foreign students. Another trend is the use of tools of cultural influence to protect one's own cultural security. As a result, the struggle between the dominant exporters of education, who are also world leaders influencing global politics and economy, has led to the shift of education as an instrument of "soft power" into the category of an instrument of pressure and coercion. While implementing restriction on access to their education, the United States and Western European countries stick to a policy of double standards in the struggle for cultural influence thus securing the right to cultural influence for some countries and denies cultural security to others.

Keywords: internationalization of education, "soft power", export of educational services, global culture, cultural security, academic mobility, public diplomacy, instruments of cultural influence.

For citation: Kalugina T. N. University culture under the sanctions of the West. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 152–163. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-152-163>

Глобализация создала условия для глубоких изменений в системе международных отношений. Возникли новые влиятельные акторы, представленные транснациональными корпорациями, крупными международными общественными организациями и научными центрами, которые стали оспаривать у государства монополию влияния как внутри границ, так и в мире в целом. Новейшие технологии предоставили одним акторам преимущество над другими, и сила современного государства определяется его местом в иерархии доступа к этим технологиям, возможностью регулировать их разработку в своих интересах и способностью навязать их другим. Именно такое поведение государств и иных влиятельных глобальных акторов является наиболее очевидной внешнеполитической стратегией. Однако несмотря на кажущуюся новизну современных методов и их событийной оболочкой, цель остаётся вполне традиционной, а именно – приобретение власти и влияния на мировой арене.

В последние десятилетия становится всё более очевидным, что отношения, выстраиваемые между гражданами различных государств, не менее важны для дипломатии. В условиях глобализации всё больше людей становятся глобально мобильными и появляются всё новые возможности развития и поддержания личных и деловых связей на транснациональном уровне. Благодаря этим связям позитивные международные отношения могут быть реализованы широким кругом субъектов, а не только сотрудниками государственных ведомств. Как верно отмечает М. Лебедева, «сотрудничество же государств и негосударственных акторов в последнее время порождает различные формы партнёрства и взаимодействия так, что становится всё сложнее провести грань между государственными и негосударственными акторами» [5, с. 220].

Идея использования отношений между людьми в качестве фактора влияния и продвижения национальных интересов способствовала развитию публичной дипломатии.

Из множества институтов, через которые может осуществляться публичная дипломатия, ключевая роль отводится учреждениям высшего образования. Университет – это место, где академический обмен призван способствовать межкультурному диалогу о сложных идеях и разнообразии интересов и выстраивать эффективные международные отношения с помощью так называемой мягкой силы. «Мягкая сила» предполагает использование ненасильственных средств, позволяющих влиять на мышление и расположение других людей. Её цель – формировать у людей, а через них внутри сообществ и наций, предпочтительную для заинтересованных лиц систему культурных ценностей и политических взглядов. «Использование “мягкой силы” – это использование силы ценностей» [4, с. 268]. Различные страны задевают характерные для каждой из них концептуальные подходы к созданию своего позитивного имиджа. США и Великобритания делают упор на привлекательность своих политических и экономических ценностей, страны Западной Европы подчёркивают значимость культурно-исторических ценностей, ЕС фокусируется на продвижении социокультурных ценностей, а Россия в использовании инструментов несилового воздействия опирается на богатство народной культуры, этническое многообразие, философско-этическую глубину.

США провозглашают желание помочь другим странам в улучшении их экономических условий и повышении культурного уровня основной целью международного сотрудничества в области образования. В то же время Государственный департамент, орган, регулирующий отношения США с другими странами, рассматривает международные образовательные програм-

мы как инструмент внедрения ценностей американской культуры, а также как средство поддержки демократии за рубежом, укрепления связей с союзниками и обеспечения поддержки политики США. Признание Колина Пауэлла, бывшего Госсекретаря США, о том, что он считает дружбу будущих мировых лидеров, получивших образование в США, самым ценным активом страны («I can think of no more valuable asset to our country than the friendship of future world leaders who have been educated here») подтверждает тот факт, что США прекрасно понимают, что «образование является одним из наиболее важных инструментов для достижения в перспективе доминирования на мировой арене» [15].

Подобно США, Великобритания также развивает международное сотрудничество в области образования. Университеты нового поколения, так называемые post-1992 universities, получившие статус университетов после 1992 года, изначально ориентированы на «интернационализацию обучения, совершенствование системы управления и финансового менеджмента, а также на потребности рынка труда» [1, с. 1136]. Появление новых специализированных вузов олицетворяет смену курса образовательной политики государства, усиление государственного присутствия в сфере высшего образования. «Переориентация британской системы на задачи транснационального образования» [2, с. 327] и создание зарубежных филиалов британских университетов способствовали увеличению экспорта образовательных услуг. Международные исследовательские и образовательные программы являются также важными источниками дохода. В 2017–2018 годах британские университеты получили 8,2 млрд фунтов стерлингов (10,5 млрд долларов США) в виде

дохода от исследований, 1,39 млрд фунтов стерлингов из которых поступили из международных источников. 437 000 иностранных студентов, обучающихся в Великобритании, по данным на 2014–2015 годы, принесли экономике Великобритании 26 млрд фунтов стерлингов (33 млрд долларов США), а также привнесли свои навыки и идеи в исследования и промышленность Великобритании [16]. В 2018 году в Великобритании обучались около 460 000 студентов-иностранцев, не считая тех, кто проживал в ЕС.

В Европе социально-экономический фактор стимулировал изменения в функционировании системы развития высшего образования. Интернационализация образования, рост конкуренции между университетами, ослабление роли государства как заказчика образовательных услуг, усиление влияния рынка на политику и практику высшего образования, создание международной системы лицензирования, аккредитации и сертификации привели к формированию согласованного европейского «понимания необходимости комплексного подхода в области структуры высшего образования, признанного превосходства университетов в качестве среды для культурного сознания и повышения конкурентоспособности в качестве движущей силы перемен, отвечающих потребностям глобальной экономики» [11, р. 43]. Таким образом, образованию непосредственно присваивается статус инструмента «мягкой силы», обеспечивающего создание отношений, основанных на когнитивной социальной ценности. Болонский процесс используется как европейский инструмент «мягкой силы» для продвижения привлекательности европейской модели развития и популяризации европейских языков. Расширение культурных

и социальных связей не ограничивается только европейским пространством. Инвестиции в высшее образование стран третьего мира рассматриваются как способ расширения взаимодействия и сотрудничества в будущих отношениях между ЕС и Азией.

А. Чумаков объясняет успешное и долгосрочное сотрудничество западных стран в сфере высшего образования наличием «относительно общей идеологии и совпадением стратегических позиций – приверженностью либерально-демократическим ценностям и капиталистическому пути развития» [9]. Но современный мир является многополярным, и сейчас за усиление глобального влияния борются четыре глобальных актора – коллективный Запад, Исламский мир, Китай и Россия. В отличие от Запада, у России, её партнёров по БРИКС и других развивающихся стран Азии и Южной Америки отсутствует «идеология, которая могла бы стать прочным объединяющим началом для других стран, поэтому у них фактически нет стратегических союзников, а их объединения и всевозможные альянсы складываются на прагматической основе, когда, поскольку и если отдельные стороны соглашения усматривают в этом свой интерес» [9]. Данный фактор создаёт дополнительные трудности в конкуренции с западными странами в сфере образования и за культурное влияние в целом.

Так как именно «уровень развития образования во многом определяет как политико-экономический, так и социокультурный уровень развития страны» [3, с. 156], многие государства, в первую очередь Россия, Китай, Индия, Бразилия, наряду с реализацией экономических реформ, уделяют внимание реформированию и модернизации национальных систем образования. Ведь «в неослабевающей психологической

и информационной борьбе качественно поставленное высшее образование не менее действенно в сравнении со специальными инструментами нейтрализации ложного представления о государстве и его национальных интересах» [7, с. 90].

В последние десятилетия такой инструментальный подход к публичной дипломатии был институционализирован, превращён в объект государственной политики, координировался через программы и управлялся организациями, специально созданными для продвижения национальных интересов.

Соединенные Штаты, например, давно продвигают свои интересы через программу Фулбрайта, основная цель которой – способствовать взаимопониманию между людьми и странами, хотя программа вполне прозрачно формулирует интересы превосходства Америки и её усилия по созданию привлекательного культурного и политического образа страны. Аналогичным образом Британский совет позиционирует себя в качестве международной организации, задачей которой является распространение образования и формирование культурных связей, но не скрывает своего желания посредством академического обмена между университетами использовать «мягкую силу» – особенно в отношении стран, которые когда-то были британскими колониями. Другие европейские страны, такие как Швеция и Нидерланды, последовали примеру Великобритании и Германии и создали собственные агентства по реализации образовательных программ в целях развития публичной дипломатии. До своего распада Советский Союз также принимал большое количество иностранных студентов из развивающихся стран. В современных реалиях Россия рассматривает высшее образование

как один из основных инструментов культурного влияния.

Эти примеры показывают, что поддержание политики мобильности студентов и учёных по всему миру в рамках общей стратегии публичной дипломатии неизменно находится в русле национальных интересов соответствующих государств. Разумеется, по мере изменения геополитических условий меняются и характер этих интересов, и формы поддержки международного образования. Общественная роль и мера академической свободы университетов различны и зависят от политической культуры страны. Следует отметить, что между системами высшего образования меньше различий, чем между национальными и политическими культурами. Однако политика, как известно, имеет тенденцию формировать высшее образование. В эпоху неолиберализма, ассимиляции и ксенофобии правительства разных стран стремятся укрепить чувство единства и национальной принадлежности. В США традиционно подчёркивается значимость «американского образа жизни» и завоеваний американской демократии. В Великобритании министерство образования требует, чтобы все государственные школы продвигали фундаментальные «британские ценности» (духовное, нравственное, социальное и культурное развитие своих студентов). В Китае нынешняя администрация стремится достичь «омоложения китайского народа» и использует основные социалистические ценности для укрепления доверия людей к социалистическому пути, теориям, системе и культуре с китайскими особенностями. Идеологический контроль над воспитанием гражданственности в этих странах соответствует националистическим настроениям. Хотя рассуждения об учебных программах по граждан-

скому воспитанию могут быть разными в разных странах, сравнительные исследования показали, что гражданское образование воплощает в себе ключевые ценности, включая солидарность и преданность национальным традициям, и закрепляет эти ценности в стандартах учебных программ и формах их реализации.

«Формирование образования в качестве политикообразующего фактора» [6, с. 388] обеспечило ему важное место во внешней политике ведущих государств. Образование становится эффективным инструментом расширения влияния на глобальном уровне, продвижения конкретных социальных, культурных и политических ценностей. Сейчас образование, особенно высшее, стало не только средством передачи знаний и развития критического мышления, но и формой публичной дипломатии. «Только развитая система образования, отвечающая требованиям, предъявляемым инновационной высокотехнологичной экономикой, и интегрированная в международное образовательное и научное пространство, способна стать одним из важнейших конкурентных преимуществ» [8, с. 86] современного государства и использоваться в качестве инструмента «мягкой силы» для получения лидерских позиций на международной арене.

Проводя аналогии между понятиями «мягкая сила» и «пропаганда», М. Лебедева приходит к выводу, что в рамках реалистического подхода, построенного на принципе конкуренции за мировое влияние, эти два понятия могут рассматриваться как тождественные. «Применение “мягкой силы” может сопровождаться элементами “жёсткой силы”, а именно, назойливости при демонстрации привлекательности, в том числе и в области образования» [5, с. 216]. На-

пример, когда страны Азии и Африки стали независимыми, колониальные державы нуждались в новом обосновании для поддержки иностранных учёных и студентов в своих университетах. Это проявилось в форме идеологии девелопментализма (Developmentalism), которая предполагала, что колониальные державы несут ответственность за развитие знаний и навыков, необходимых новым независимым странам для реализации их национальных целей социального и экономического развития. Однако этот акт публичной дипломатии не был проявлением альтруизма, а был основан на интересах экономически развитых стран в поиске новых рынков для своих товаров и услуг и продвижении своих геополитических интересов. «Используя “мягкую силу”, и в частности её культурное влияние, страна-гегемон стремится к смене культурных кодов других стран и замене их на свой код или побуждает местные политические и культурные элиты к выработке собственных мифологизированных ложных кодов» [4, с. 269].

Ещё одной тенденцией современной публичной дипломатии стало понимание, что «мягкая сила» не «рассматривается только как воздействие одного субъекта на другого, без понимания того факта, что противоположная сторона также является субъектом, а не объектом» [5, с. 219]. Сегодня интернационализация обязательно связана с компромиссными отношениями между мировыми культурами. Ещё десять лет назад интернационализация высшего образования часто воспринималась как подражание опыту Запада в глобальном контексте западного господства. В сегодняшних реалиях многополярного мира в рамках более широкого культурного взаимодействия между цивилизациями и ака-

демическая мобильность как следствие интернационализации высшего образования должна быть подобна двустороннему потоку культуры. В данном процессе университетам отводится уникальная роль как продукта, так и создателя культуры. Иностранный студент получает возможность как учиться у других, так и знакомить окружающих с собственным культурным мировоззрением. К сожалению, взаимопонимание и уважение к другим культурам редко имело место во взаимодействии цивилизаций. Свободное и ненаправляемое взаимодействие народов ярко выявило глобальную геополитическую асимметрию – глубокие различия взглядов и традиций, сформированных длительным историческим процессом; результат взаимодействия является комплексным и не всегда предсказуемым и осложняется психоисторическими особенностями взаимодействующих субъектов.

Для защиты своей культурной безопасности противоположная сторона может использовать инструменты культурного влияния. Например, Китай, защищая свою культурную безопасность от западного влияния, стремится углубить понимание европейцами и жителями тех стран, на которые он пытается распространить своё культурное влияние, своей культуры и особенностей мировоззрения [10]. С целью популяризации китайской культуры, изучения китайского языка и развития дружеских взаимоотношений Китай развивает сеть культурно-образовательных центров – Институтов Конфуция. Институты Конфуция объединяются с местными университетами и школами, они более рассеяны и укореняются в национальные системы образования гораздо глубже и быстрее, чем западные университеты и институты западной культуры, которые ориентируются на крупные города.

Важно отметить, что, в отличие от других национальных институтов культуры, которые содействуют изучению языка и культуры определённой страны, способствуют развитию международного культурного обмена и отношений и находятся под управлением некоммерческих организаций, Институты Конфуция полностью финансируются и регулируются правительством Китая, что способствует их быстрому внедрению и распространению. К 2020 году Китай планировал увеличить число Институтов Конфуция до 1 000, что можно расценивать как успех в использовании «мягкой силы» в экспорте своей идеологии [13].

Конкурентная борьба между ведущими игроками на рынке образовательных услуг в частности и на мировой арене в целом привела к перемещению образования как инструмента «мягкой силы» в категорию инструмента давления и принуждения. Международные эксперты в сфере образования (Фабрис Жомон, Магди Тафик Абдельхамид, Вагди Савахел) выражают опасения, что США используют инструменты международного сотрудничества в сфере высшего образования как метод кнута и пряника [17]. Например, предоставление африканским университетам права участия в совместных американо-африканских образовательных программах UPI (Unified Progress International) и YALI (Young African Leaders Initiative) может служить наградой за вклад в развитие африканского высшего образования и расширение прав и возможностей молодёжи. В то же время США используют африканские университеты как прокси-поле битвы для сдерживания влияния других международных держав, таких как Китай и Россия, и как инструмент «мягкой силы» для расширения сфер своего культурного, политического и экономиче-

ского влияния. Такие политико-административные меры, как отказ в визе и введение санкций против стран, наносят вред академическому сообществу и высшему образованию в целом. Введение ведущими научными журналами ограничений, предусматривающих, что результаты научных исследований могут быть опубликованы исключительно на английском языке, также является препятствием для развития науки и создаёт неравные условия для учёных из разных стран.

Борьба США с Китаем не могла не отразиться на международном сотрудничестве в области высшего образования. По обвинению в «злоупотреблении студенческими визами для эксплуатации американских академических кругов» 9 сентября 2020 года были отменены более 1 000 виз китайских студентов и исследователей. Сходная ситуация имела место в июне 2020 года в Бельгии, когда один из ведущих университетов Бельгии решил закрыть финансируемый государством китайский Институт Конфуция в своем кампусе после обвинений бывшего сотрудника в шпионаже в пользу Китая. Швеция также объявила о закрытии всех Институтов и классов Конфуция в апреле 2020 года, аргументируя этот шаг растущей обеспокоенностью проблемами безопасности и правами человека в Китае, где был заключён в тюрьму издатель китайского происхождения со шведским гражданством [14]. Прискорбно отметить, что наблюдается рост политизации культуры, которая подрывает доверие общества к культурным учреждениям, программам обмена и прочим проектам. Политика двойных стандартов также становится неотъемлемой частью борьбы за культурное влияние. Комментируя газете *University World News* закрытие Институтов Конфуция в

Швеции, Тобиас Хубинетт, адъюнкт-профессор международного образования в Карлстадском университете, сказал: «Китайское правительство и Коммунистическая партия проводят культурную политику, как это делали другие диктатуры» [14], тем самым закрепляя право на культурное влияние за одними странами и отказывая в культурной безопасности другим.

Европарламент также рассматривает использование сферы образования в качестве инструмента давления на Россию. Политические скандалы на фоне пропагандистской кампании, связанной с голословными обвинениями в отравлении Скрипалей и Навального, а также попытки Запада ограничить контакты в сфере международного сотрудничества и прецеденты с отменой студенческих виз вызывают недоверие со стороны потенциальных студентов и негативно сказываются на академической мобильности и расширении участия в совместных научных проектах и образовательных программах. Со своей стороны, пытаясь сохранить приток иностранных студентов из России, Европарламент рекомендовал ЕС разработать стратегию для привлечения российских студентов на учебу в европейские университеты и создать в одном из государств ЕС «русский университет в изгнании». В условиях охлаждения международных отношений между Россией и Западом культура остаётся чуть ли не единственной сферой, в которой можно отметить положительные аспекты международного взаимодействия. Несмотря на негативную риторику США и ЕС в адрес России, сотрудничество в области культуры сохраняется, равно как и межвузовское сотрудничество в рамках совместных образовательных программ и научных проектов. Это показывает, что сохранение широких свя-

зей между народами в сфере культуры, искусства, спорта, бизнеса становится тем звеном, которое объединяет различные нации в период неблагоприятной политической ситуации и способствует развитию отношений между народами.

К сожалению, на современном этапе развития глобализационных/глокализационных процессов растущая политизация академической мобильности бросает вызов как усилиям университетов по развитию международного сотрудничества, так и процессам интернационализации высшего образования в целом. Обучение за границей – это уже не просто удовлетворение образовательных потребностей отдельных учащихся и институциональное партнёрство, но и политическая, дипломатическая и экономическая повестка дня национальных государств. По мнению Ли Тран (Ly Tran), профессора Университета Дикин (Мельбурн), «международное образование превратилось в оружие» [12], первой жертвой которого стали китайские студенты. В современной действительности, когда государства для сохранения своих лидерских позиций на мировой арене стали ограничивать гражданам других государств доступ к образованию в рамках санкционной политики, образование из арсенала инструментов «мягкой силы» становится одним из инструментов «жёсткой силы».

Слабости неолиберальной глобализации и низкая межкультурная чувствительность создают почву для национализма в определённых группах студенческой молодёжи, даже в среде тех, кто учится за границей, что создаёт проблемы для студентов, придерживающихся космополитических взглядов. В интервью французскому журналу *Le Point* Фрэнсис Фукуяма сделал предположение, что в будущем глобализа-

ция будет предполагать усиление государственного контроля, особенно когда дело коснётся решения социальных и экономических проблем. Все перечисленные факторы затрудняют формирование космополитической идентичности и создают противоречия в понимании того, что сегодня такое «гражданин мира» и какие именно личностные качества сейчас актуальны.

Дилемма космополитизма и национального гражданского духа не только обсуждалась среди учёных, занимающихся гражданским образованием, но также нашла отражение в политике и практике национальных государств. Отстаивая традицию космополитизма, Тао Ванг (Tao Wang) предлагает эволюционное определение глокализированных граждан. По его мнению, компетенции глокализированных граждан включают четыре фактора: локальную идентификацию, глобальные перспективы, межкультурное общение и действия для человеческого благополучия [18]. Соответственно, в рамках данного определения предполагается, что иностранные студенты должны развивать местную и национальную идентичность и осознавать свою культуру; иметь глобальную перспективу и уметь понимать и анализировать процессы человеческой цивилизации, мирового развития и глобальные вызовы; искать точки соприкосновения, сохраняя при этом свои различия, уважать разнообразие и различия в многокультурном мире и активно участвовать в межкультурном общении; а также создавать чувство общности вокруг общего будущего человечества и действовать во имя коллективного благополучия и устойчивого развития. В рамках идеи космополитизма ожидается, что в эпоху глобализации молодое поколение приобретёт глобальную компетен-

цию для построения более открытого и равноправного мира. Однако в эпоху растущего национализма иностранным студентам всё чаще приходится сталкиваться с культурной амбивалентностью национализма и глобализации.

В заключение стоит отметить, что использование санкций и ограничений в сфере образования создаёт неравные условия конкуренции экспортёров образования, препятствует его интернационализации, ограничивает международное сотрудничество университетов и реализацию международных научных проектов. Использование политизированной риторики в адрес той или иной страны формирует в сознании местных студентов негативный образ чужой культуры. Недостаточное понимание культурных особенностей иностранных студентов создаёт для последних неблагоприятную среду, препятствующую как их интеграции в студенческом кампусе, так и развитию космополитической идентичности в целом. Глокализационные процессы дают возможность снизить градус противостояния культур за счёт глокализации учебных программ и деколонизации знаний. Глокализация учебной программы должна

предлагать местные перспективы и концептуальные интерпретации наряду со сравнительными и глобальными вариантами. Деколонизация знания важна, поскольку она может оказаться эффективным противодействием недопониманию различных реальностей путём применения готовых теоретических взглядов гегемонии, ведущих к иерархическому суждению и большому дистанцированию. Растущая политизация академической мобильности бросает вызов как усилиям университетов по развитию международного сотрудничества, так и процессам интернационализации высшего образования. Сегодня всё больше стран отказывается от слепой интернационализации высшего образования, настаивая на её локальном обосновании и международном характере как основных характеристиках. В таких условиях именно университеты играют ключевую роль посредника между локальным и глобальным, так как их задачей становится интерпретировать и интернационализировать глобальную культуру в локальный контекст, конструировать новые общие знания (локальные и глобальные), обогащать собственную и глобальную культуры.

Список литературы

1. Вахштайн В. С. Система высшего образования в Великобритании // Вестник Российской академии наук. 2007. № 12. С. 1134–1138.
2. Вахштайн В. С. Две модели образовательных систем : континентальная и атлантическая // Прогнозис. 2006. № 6. С. 321–352.
3. Воевода Е. В. История организации профессиональной языковой подготовки специалистов-международников: от Киевской Руси к Российской империи : монография. Москва : Изд-во Московского государственного областного университета, 2010. 156 с.
4. Горлова И. И., Бычкова О. И. Культура как «мягкая сила»: инструменты и точки приложения // Теория и практика общественного развития. 2015. № 18. С. 268–272.
5. Лебедева М. М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
6. Лебедева М. М. Международно-политические процессы интеграции образования // Интеграция образования. 2017. № 21 (3). С. 385–394. DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703
7. Мишин Ю. Д., Дёмина О. А., Постников П. М. Модернизация высшего образования и национальные интересы России // Концепт : философия, религия, культура. 2018. № 1. С. 84–94. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-1-5-84-94>

8. Торкунов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4 (25). С. 85–93.
9. Чумаков А. Н. Глобальный мир : столкновение интересов [Электронный ресурс]. Москва : Проспект. 2018. 512 с. URL: https://www.researchgate.net/publication/323783609_GLOBALNYJ_MIR_STOLKNOVENIE_INTERESOV
10. Dewen T. (2017) Cultural exchanges as a pillar to the China-EU relations. In: Hong Zhou, ed. *China – EU Relations*. Singapore: SSAP-Springer.
11. Jones J. W. (2009/2010) European Union Soft Power: Cultural Diplomacy & Higher Education in Southeast Asia. *Silpakorn University International Journal*, vol. 9–10, pp. 41–70.
12. Lau J. International education ‘weaponised’ as geopolitical tension rises. *The Times Higher Education*. Available at: https://www.timeshighereducation.com/news/international-education-weaponised-geopolitical-tension-rises?utm_source=THE%20Website%20Users&utm_campaign=b022a6c3a9-EMAIL_CAMPAIGN_2020_11_13_03_47&utm_medium=email&utm_term=0_daa7e51487-b022a6c3a9-76415306
13. Luqiu L. R., McCarthy J. D. (2019) Confucius Institutes: The Successful Stealth “Soft Power” Penetration of American Universities. *The Journal of Higher Education*, vol. 90:4, pp. 620–643. DOI: 10.1080/00221546.2018.1541433
14. Myklebust J. P. (2020) Confucius institutions close as China relations deteriorate. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200513092025679>
15. Nye J. (2009) Smart Power. *New Perspectives Quarterly*, vol. 26, iss. 2, p. 17.
16. O’Malley B. (2020) MPs warn of China’s threat to UK academic freedom. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2019111215390721>
17. Savahel Wagdy (2020) University partnerships – A carrot and stick approach. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200226130741533>
18. Wang T. (2020) Students caught between globalisation and nationalism. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200911103504970>

References

1. Vakhstain V. S. The system of higher education in Great Britain. *Vestnik Rossiyskoj akademii nauk*. 2007, no. 12, pp. 1134–1138. (In Russ.).
2. Vakhstain V. S. Two models of educational systems: Continental and Atlantic. *Prognosis*. 2006, no. 6, pp. 321–352. (In Russ.).
3. Voevoda E. V. *History of the organization of professional language training for international specialists: from Kievan Rus to the Russian Empire*. Moscow, Publishing House of the Moscow Region State University, 2010. 156 p. (In Russ.).
4. Gorlova I. I., Bychkova O. I. Culture as a soft power: tools and points of application. *Theory and practice of social development*. 2015, no. 18, pp. 268–272. (In Russ.).
5. Lebedeva M. M. Soft power: the concept and approaches. *MGIMO Review of International Relations*. 2017, no. 3 (54), pp. 212–223. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-3-54-212-223
6. Lebedeva M. M. International political processes of integration of education. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*. 2017, no. 21 (3), pp. 385–394. (In Russ.). DOI: 10.15507/1991-9468.088.021.201703.385-394
7. Mishin Y. D., Dyomina O. A., Postnikov P. M. Modernization of the higher education and national interests of Russia. *Concept: philosophy, religion, culture*. 2018, no. 1, pp. 84–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2018-1-5-84-94>
8. Torkunov A. V. Education as a soft power tool in Russian foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*. 2012, no. 4 (25), pp. 85–93. (In Russ.).
9. Chumakov A. N. *Global world: collision of interests*. Moscow, Publishing House “Prospect”, 2018. 512 p. Available at: https://www.researchgate.net/publication/323783609_GLOBALNYJ_MIR_STOLKNOVENIE_INTERESOV (In Russ.).

10. Dewen T. (2017) Cultural exchanges as a pillar to the China-EU relations. In: Hong Zhou, ed. *China – EU Relations*. Singapore: SSAP-Springer.
11. Jones J. W. (2009/2010) European Union Soft Power: Cultural Diplomacy & Higher Education in Southeast Asia. *Silpakorn University International Journal*, vol. 9–10, pp. 41–70.
12. Lau J. International education ‘weaponised’ as geopolitical tension rises. *The Times Higher Education*. Available at: https://www.timeshighereducation.com/news/international-education-weaponised-geopolitical-tension-rises?utm_source=THE%20Website%20Users&utm_campaign=b022a6c3a9-EMAIL_CAMPAIGN_2020_11_13_03_47&utm_medium=email&utm_term=0_daa7e51487-b022a6c3a9-76415306
13. Luqiu L. R., McCarthy J. D. (2019) Confucius Institutes: The Successful Stealth “Soft Power” Penetration of American Universities. *The Journal of Higher Education*, vol. 90:4, pp. 620–643. DOI: 10.1080/00221546.2018.1541433
14. Myklebust J. P. (2020) Confucius institutions close as China relations deteriorate. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200513092025679>
15. Nye J. (2009) Smart Power. *New Perspectives Quarterly*, vol. 26, iss. 2, p. 17.
16. O’Malley B. (2020) MPs warn of China’s threat to UK academic freedom. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=2019111215390721>
17. Savahel Wagdy (2020) University partnerships – A carrot and stick approach. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200226130741533>
18. Wang T. (2020) Students caught between globalisation and nationalism. *The University world news*. Available at: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20200911103504970>

*

СТАНОВЛЕНИЕ ЮНОГО МУЗЫКАНТА В КОНТЕКСТЕ ОТНОШЕНИЙ «УЧЕНИК – МУЗЫКАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ»

УДК 37.013.77:78

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-164-178>

Б. В. Куприянов

Московский городской педагогический университет, Москва, Российская Федерация,
e-mail: KupriyanovBV@mgru.ru, ORCID: 0000-0002-1041-6056

Аннотация: В статье представлены результаты исследования функционирования музыкального инструмента в повседневности ученика детской музыкальной школы в контексте развития личности обучающегося. Новизна исследования состоит в реализации идеи понимания личности для интерпретации локального фрагмента повседневности ученика ДМШ; в обосновании возможности использовать для описания музыкального образования в контексте отношений «ученик – музыкальный инструмент» механизмы социокультурной идентификации, детско-взрослых конвенций, импринтинга (удовольствия/травмы), рефлексии социальных отношений, традиционный, институциональный, стилизованный механизмы развития личности юного музыканта; впервые описано явление фантомного музицирования. Теоретическая значимость исследования состоит в изучении музыкального образования как совокупности сложных многоаспектных процессов, интеграции культурных практик участников образовательных отношений, развитии концепции педагогики отношений благодаря осуществлению междисциплинарного подхода (использованию идей культурной антропологии, культуры повседневности, методов устной истории, социологического инструментария). Представленные результаты, скорее, только намечают линию междисциплинарного исследования инструментальных отношений в контексте развития личности.

Ключевые слова: развитие личности, детская музыкальная школа, повседневность, музыкальный инструмент.

Благодарности: Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890.

Для цитирования: Куприянов Б. В. Становление юного музыканта в контексте отношений «ученик – музыкальный инструмент» // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 164–178. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-164-178>

КУПРИЯНОВ БОРИС ВИКТОРОВИЧ – доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

KUPRIYANOV BORIS VIKTOROVICH – D.Sc. in Pedagogic Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Pedagogy, the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, the Moscow City University

© Куприянов Б. В., 2020

YOUNG MUSICIAN FORMATION IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP “STUDENT – MUSICAL INSTRUMENT”

Boris V. Kupriyanov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation, e-mail: KupriyanovBV@mgpu.ru, ORCID: 0000-0002-1041-6056

Abstract: The article presents the results of a study of the functioning of a musical instrument in the everyday life of a student of a children’s music school in the context of the development of a student’s personality. Novelty of research consists in implementing the idea of personality to interpret the local part of everyday life of the pupil of music school; to justify the possibility to use to describe music education in the context of the “Student – musical instrument” mechanisms of sociocultural identification, of children and adults conventions of imprinting (pleasure/trauma), reflection of social relations, traditional, institutional-style mechanisms of personal development of the young musician; first described the phenomenon of phantom music. The theoretical significance of the research presented in the article is: the study of music education as a set of complex multidimensional processes, the integration of cultural practices of participants in educational relations, the development of the concept of relationship pedagogy, through the implementation of an interdisciplinary approach (using the ideas of cultural anthropology, everyday culture, methods of oral history, sociological tools). The presented results rather only outline the line of interdisciplinary research of instrumental relations in the context of personal development.

Keywords: personality development, children’s music school, everyday life, musical instrument.

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-013-00890.

For citation: Kupriyanov B. V. Young musician formation in the context of the relationship “student – musical instrument”. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 164–178. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-164-178>

Счастлив инструмент, прижатый к угловатому плечу...
Б. Окуджава

В последние несколько лет по инициативе Президента России в стране развёрнута программа обеспечения организаций дополнительного образования музыкальными инструментами. Подобные меры государственной поддержки в этой сфере – явление не новое: аналогичную задачу успешно решало правительство СССР во второй половине XX века. Именно тогда в жизнь и домашний быт миллионов советских семей пришли музыкальные инструменты. Анализ сайтов отечественных предприятий и торговых организаций даёт возможность утверждать, что благодаря послевоенной государственной программе в СССР отры-

лись несколько десятков профильных производств, на каждом предприятии выпускали от 2 до 10 тысяч музыкальных инструментов в год. Упомянутая государственная программа была призвана обеспечить развитие сети детских музыкальных школ (детских школ искусств). По данным статистики, если в 1970-м в РСФСР функционировали 2 756 детских школ искусств, то в 1990-м – уже 5 582 [13, с. 369; 14, с. 233].

Сами по себе музыкальные инструменты, согласно данным Российской государственной библиотеки, становились объектом диссертационных исследований более 60 раз. Наиболее часто изучались этнокуль-

турный, исторический и историко-культурный, педагогический (образовательный), технический (технология изготовления музыкальных инструментов), искусствоведческий и филологический, экономический аспекты их существования и использования. Однако, согласно тем же данным РГБ, исследователи уделяли недостаточное внимание изучению музыкального инструмента в контексте развития личности юных музыкантов.

Для реконструкции процесса развития личности ученика детской музыкальной школы во второй половине XX века через диспозицию инструментальных отношений «ребёнок и музыкальный инструмент» исходными являются несколько *теоретических оснований*.

В качестве *первого основания* выступает совокупность идей Мартина Бубера об инструментальных отношениях Я-О-но (что-то), в этом случае человек взаимодействует с миром объектов (вещей), лишённых души. Бубер противопоставляет инструментальным отношениям отношения сопричастности (Я-Ты (кто-то), отношения подлинного диалога). Первое теоретическое основание нашего исследования включает также и критику А. М. Сидоркиным «теории диалога, которая может привести к иному, недиалогическому идеалу отношений» [16, с. 30]. Сидоркин утверждает, что «для дальнейшего развития педагогики отношений нужно избавиться от диалогических иллюзий» [16, с. 30]. При этом нам представляется интересным обратный ход – анализ инструментальных отношений на предмет скрытой диалогичности. Ведь диалог исполнителя и слушателя музыкального произведения осуществляется через использование исполнителем музыкального инструмента.

Вторым основанием является социально-педагогическая теория научной школы А. В. Мудрика (М. В. Воропаев, Б. В. Куприянов, Т. А. Ромм и другие). Следуя определению А. В. Мудрика, представляется допустимым в данном случае рассматривать развитие личности ученика детской музыкальной школы как обогащение и усложнение системы отношений: ученика к музыкальному инструменту (образ музыкального инструмента); ученика с музыкальным инструментом (культурные практики использования музыкального инструмента); ученика к себе как к лицу, использующему музыкальный инструмент; ученика с самим собой (самопринуждение заниматься музыкой, используя инструмент). Существенными также представляются идеи А. В. Мудрика о механизмах социализации (импринтинг, экзистенциальный нажим, подражание, идентификация, рефлексия и т.д.) [12, с. 33–36]. Согласно реконструкции Б. В. Куприяновым и И. Э. Смирновой образовательных результатов, достигаемых детской музыкальной школой (далее ДМШ)¹, развитие личности обучающегося происходит в рамках, с одной стороны, воспроизводства социально-профессиональных групп музыкантов и преподавателей музыки, а с другой – воспитания квалифицированных реципиентов музыкальной культуры. Личность выпускника ДМШ обогащается ценностным отношением к музыке, с явным приоритетом субъективного значения классического искусства, развития эмоционально-волевой сферы обучающихся (саморегуляция, самодисциплина, самоорганизация) и т. п. [8, с. 45–46].

¹ Часть респондентов училась на музыкальных отделениях детских школ искусств, однако для простоты изложения далее используется исключительно термин «детская музыкальная школа» (далее ДМШ).

Третье основание даёт исследование вещи в контексте повседневности, представленное работами таких авторов, как М. В. Капкан, О. А. Ковтун, В. В. Корнев, А. В. Кудряшев, В. Д. Лелеко, Д. Р. Рахманкулова. В частности, О. А. Ковтун указывает на то, что через свойства вещи «человек определяет себя и вступает в отношения с иным (внешним, неосвоенным), и ... то, что отличает его от иного ... вещь является специфическим средством идентичности, обеспечивающим ощущение стабильности индивидуального, Я человека, ощущение им своей самотождественности» [6, с. 13]. Д. Р. Рахманкулова утверждает, что человек в системе отношений «человек – вещь» «предстает не только как субъект, формирующий свою жизненную среду, но и как объект, изменяющийся под её воздействием ... Взаимодействие человека с вещами рассматривается как активный фактор, влияющий на формирование личности человека» [15, с. 2]. В этом аспекте чрезвычайно важным видится положение В. В. Корнева о том, что взаимодействие человека и вещи наполнено «подлинными антропологическими реалиями: свободой, выбором, самоидентификацией субъекта, отношением к другому и т.п. ... в отношении к вещи (в данном случае к музыкальному инструменту) сталкиваются противоположные психологические установки “притяжения-отталкивания” или “травмы-наслаждения”» [7, с. 10]. В. С. Мещерякова связывает получение музыкантом наслаждения/травмы с уровнем мастерства владения им музыкальным инструментом [11, с. 154–155].

Основываясь на этом подходе, чрезвычайно важными представляются социокультурные обстоятельства существования музыкального инструмента в повседневности школьника. Важно понимать, что му-

зыкальный инструмент не просто выступает вещью (предметом) быта, но и основным средством обучения, хотя и в факультативной области образования. Далее, музыкальный инструмент, обладая материальной ценностью, является не только личной вещью ребёнка, но и собственностью родителей (семьи), и важным является отношение взрослых членов семьи к музыкальному инструменту. Музыкальный инструмент несёт на себе символическую маркировку моды, культурных традиций, социально-экономических отношений.

Четвёртым основанием выступают искусствоведческие исследования музыкальных инструментов (С. М. Будкеев, С. А. Москвичёва, И. М. Шабунова и другие), где под музыкальными инструментами традиционно понимаются предметы, используемые для извлечения звуков и исполнения таким образом музыкальных произведений. Очевидно, что воздействие вещи в процессе развития личности ученика ДМШ происходит в ходе её активного применения (обеспечение существования и использования). В. М. Лензон обращает внимание на ключевую функцию музыкальных инструментов – «высвобождение эмоционально-психологических аффектов человека»: рождавшаяся при помощи музыкальных инструментов музыка становилась актуальной составляющей внутреннего мира человека. Он указывает также на то, что музыкальный инструмент имеет особое сходство с человеком («инструменты являются продолжением человека – его рук, интуиции, интеллекта»); исполнение музыки – автопортрет человека, который он производит, используя музыкальный инструмент; «инструмент – это психологический портрет некоего типа человека» [10, с. 76–77].

Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены тем, что начиная со второй половины 50-х годов XX века музыкальные инструменты стали частью жизни миллионов советских семей, создав новые специфические условия социализации подрастающего поколения, а в 1990-х годах появляется «огромное количество всевозможного компьютерного музыкального программного обеспечения», что начинает влиять на практики музыкального образования, в том числе и в ДМШ [4, с. 376].

Задача данной публикации – через призму инструментальных отношений охарактеризовать механизмы развития личности ученика детской музыкальной школы в нашей стране в 1960–1980-е годы XX века.

Эмпирическая часть реконструкции осуществлялась при помощи структурированного интервью с элементами нарратива [2, с. 29–38]. Методика исследования предполагала интервьюирование лица, обучавшегося в ДМШ во второй половине XX века. Интервьюер с разрешения опрашиваемого записывал беседу на диктофон и использовал автоматический набор текста. Обработка производилась в несколько этапов: сначала редактировалась стенограмма (текст, полученный автонабором, приводился в соответствие с аудиозаписью); стенограммы анализировались, выделялись фрагменты, где упоминались музыкальные инструменты, затем фразы респондента интерпретировались в контексте всего сообщения; далее осуществлялся поиск подобных утверждений у других респондентов, после чего тот или иной факт соответствующим образом оценивался.

Для изучения роли отношений ученика ДМШ к музыкальному инструменту и использования музыкального инструмента в различных культурных практиках

(по А. В. Мудрику, «отношений с музыкальным инструментом») в процессе развития его (ученика) личности использовались ответы на вопросы: о выборе музыкального инструмента, практиках игры на музыкальном инструменте, распоряжении музыкальным инструментом после окончания обучения.

Однако рассказы о тех или иных аспектах функционирования музыкального инструмента в жизни ученика влияли и в ответах на другие, заранее непрогнозируемые в этом аспекте вопросы. Всего для реконструкции указанных выше отношений в контексте развития личности ученика ДМШ были использованы 95 интервью, собранные в рамках проекта «Социально-педагогическая реконструкция внешкольной повседневности учащихся советских школ второй половины XX века» (осуществляется при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-013-00890).

Полевые исследования проводились в Воронеже, Евпатории, Калининграде, Костроме, Краснодаре, Москве, Нижнем Тагиле, Новосибирске, Саратове, Чебоксарах, Челябинске, Ялте. Выборка на 90% состояла из лиц 1960–1980-х годов рождения; 10% респондентов, соответственно, составили лица, родившиеся в 1946–58-х годах; в выборке представлено 88% женщин, 12% мужчин. В детстве 69% опрошенных проживали в центральных областях РСФСР (Москва, Воронежская, Костромская и другие области), 21% – в других районах России (Урал, Сибирь, Поволжье и т.д.) и только 10% – в союзных республиках, входивших в состав СССР (Азербайджан, Узбекистан, Украина). В период обучения в ДМШ 77% респондентов проживали в городах (в том числе в Москве – 18%), в посёлках, деревнях и сёлах – 23%. В крупнейших городах

(более 700 тысяч жителей), например, Воронеж, Нижний Новгород, Ташкент, Пермь – 9%, в городах от 100 тысяч до 700 тысяч (Кострома, Нижний Тагил, Симферополь, Ульяновск) – 28%, в городских поселениях до 100 тысяч жителей (Борисоглебск Воронежской области, Нерехта Костромской области, Соликамск Пермского края и т.д.) – 22% от общего числа респондентов.

Отношение к музыкальному инструменту (реконструкция образа музыкального инструмента и влияния этого образа на развитие личности обучающегося). Конечно, здесь следует отметить, что весьма сложно учесть различия в восприятии инструмента в детстве и настоящее время, скорее, перед нами в значительной мере осовремененные воспоминания. И тем не менее обратимся к реконструкции образа, по ходу оттеняя факты, полученные при интервьюировании.

Если основываться на социокультурной классификации музыкальных инструментов А. О. Аракеловой, то можно утверждать, что в ДМШ были представлены инструменты музыкальной культуры европейского типа и инструменты локальных народных культур СССР [1].

Согласно полученным в результате исследования данным, подавляющее большинство учеников ДМШ (64%) осваивали фортепиано, ещё 3% занимались на хорошем отделении с общим курсом фортепиано; играть на аккордеоне, баяне и гармонии учились 15%, на скрипке и виолончели – 8%, на гитаре, мандолина, домре – 9%; редким для обучения инструментом был кларнет – его назвал всего один респондент. Другими словами, факты свидетельствуют, что советская детская музыкальная школа 60–80-х годов XX века пропагандировала преимущественно классическую европейскую культуру.

Музыкальный инструмент как призма исследования позволяет зафиксировать особенности развития личности девочек и мальчиков. Среди инструментов можно, хотя и с некоторыми оговорками, выделить преимущественно «мужские» и преимущественно «женские» музыкальные инструменты, а также «универсальные», характерные для занятий музыкой учащихся обоих полов. Так, согласно полученным данным, преобладание фортепиано – характерно для музыкального образования девочек, домра также была преимущественно «женским» инструментом. У мальчиков более половины респондентов занимались на аккордеоне, баяне, гитаре, гармонии, балалайке. Кроме того, просматриваются различия в зависимости от типа поселения, в котором проживала семья: 2/3 юных москвичей обучались играть на фортепиано, 1/6 – на скрипке, а у сельских школьников распределение по инструментам было следующее: половина занималась на фортепиано, треть – на баяне, аккордеоне, гармонии. В других городах (кроме Москвы) на фортепиано играли 3/4 обучающихся, чуть больше 1/8 – на аккордеоне и баяне. Здесь просматривается направленное влияние образцов классической культуры на развитие личности девочек – жительниц городских поселений.

Эстетическое влияние музыкальных инструментов (М. В. Капкан) – аспект, связанный прежде всего с внешним видом инструмента, удалось зафиксировать в воспоминаниях о встрече с редкими и уникальными инструментами. Так, например, участники опроса вспомнили «шикарный белый аккордеон фирмы Hohner», аккордеон Weltmeister («красный, большой, звук волшебный»), «прекрасный немецкий инструмент Ronisch», «прекрасный чешский инструмент Petrof» и т.д. Думается, что

детское восприятие зафиксировало внешнюю эстетичность импортных инструментов, кроме того, это впечатление усилилось вследствие восхищения окружающих взрослых. В качестве характеристики образа музыкальных инструментов в памяти выпускников ДМШ сохранились и их размеры, например, «грандиозность рояля как сооружения». Респонденты вспоминали: «культурный шок у меня был от органа. Он останется навсегда моим самым любимым инструментом», «больше всего запомнилось выступление ... в концертном зале имени Гнесиных, где стоял большой орган».

Таким образом, субъективный образ музыкального инструмента запускал в процессе развития личности учащих механизмы идентификации и импринтинга. С большой долей уверенности можно предположить, что соответствующий образ классической европейской культуры оказывал более осязаемое влияние на девочек-горожанок, чем на мальчиков, проживавших в малых городах и сельских поселениях. Начиная обучаться музыке, советские дети рефлексировали превосходство музыкальных инструментов, изготовленных за рубежом.

Обстоятельства появления музыкального инструмента в повседневности обучающегося. Согласно данным исследования, в 45% семей до поступления ребёнка в ДМШ дома имелся музыкальный инструмент, нередко он даже был приобретён в предыдущем поколении (дедушками, бабушками ученика). Характерно то, что 16% родителей предпочли приобрести для ребёнка фортепиано, скрипку или виолончель, хотя дома имелся баян, гитара, гармонь. Здесь проявляется тенденция взрослых соответствовать эталонам культурности, актуальным для советского общества

этой эпохи. Музыкальный инструмент обеспечивал приобщение ребёнка к европейской культурной традиции за счёт следования родителями требованиям существовавшей в тот период моды. Всего же музыкальные инструменты были приобретены для 71% детей. Можно зафиксировать действие механизмов подражания и экзистенциального нажима.

Отдельного внимания в этом контексте заслуживает *событие приобретения музыкального инструмента*. Субъективная значимость для ребёнка момента покупки инструмента подтверждается множеством мелких деталей, которые запечатлелись в памяти респондентов. Можно уверенно утверждать, что покупка обсуждалась в семьях, в том числе и в аспекте стоимости (в воспоминаниях используются слова, подчёркивающие значение приобретения: «это было дорого», «это был дорогой инструмент» и т.д.). Многие респонденты называют точную сумму, нередко в сравнении с месячной зарплатой родителей («стоял 350 рублей», «стоит 700 рублей», а средняя заработная плата в СССР составляла 150–200 рублей). Порой респонденты восстанавливают в памяти дилемму, которая стояла перед их родителями: что купить – телевизор, мебель или фортепиано ребёнку? Вне зависимости от сложной конфигурации мотивов, которые двигали взрослыми при покупке музыкального инструмента, респонденты до сих пор испытывают благодарность к своим родителям, воспринимают приобретение музыкального инструмента как проявление любви и щедрости с их стороны. Детоцентризм родителей, несомненно, влиял на «образ Я» будущих учеников ДМШ, закладывая, с одной стороны, позитивное самоотношение ребёнка («меня любят»), с другой – создавая риск для раз-

вития инфантильно-эгоистических установок («мне должны создать условия»). В некоторых случаях дети ещё в дошкольном возрасте уговаривали родителей приобрести музыкальный инструмент: «когда мне было лет 5–6, я всегда говорила, что хочу настоящее пианино ... я совершенно серьёзно говорила, что мне не надо ни кукол никаких, ни игрушек, ни мозаик, ни лото, мне нужно пианино. И мне его купили».

Нередко ситуация приобретения музыкального инструмента и коммуникация в семье по этому поводу расширяли социальные представления – ребёнок получал свидетельства о наличии в советском обществе имущественного неравенства («так как пианино мы не могли себе позволить, мама решила отдать меня в класс аккордеона», «через год родители смогли найти средства и купили мне баян»). Особенностью советского общества был товарный дефицит, и встреча ребёнка с этим явлением также нередко происходила в ситуации приобретения музыкального инструмента («но фортепиано приобрести было не под силу даже большим начальникам того времени, и поэтому все играли на баяне»; «пианино не могли купить, не попало»»). Для небольшой категории детей инструменты вообще не приобретались: «я там проучился год, своего инструмента не было, баян был только в музыкальной школе. Я приезжал туда, там занимался».

Необычный юношеский сценарий поведения представлен рассказом респондента, который «в летний период устроился на работу, заработал денег и приобрёл себе аккордеон», чтобы преподаватель музыкальной школы по классу баяна могла научить играть на аккордеоне.

Таким образом, обстоятельства приобретения музыкального инструмента за-

пускали механизмы рефлексии, обогащая личность ученика (или будущего ученика) ДМШ социальными представлениями.

С событием приобретения непосредственно связаны *культурные практики выбора музыкального инструмента*. Анализ полученных данных показывает, что основными субъектами выбора выступали будущие обучающиеся (36%) и их родители (33%), в каждом пятом случае опрошенные свидетельствовали, что выбора музыкального инструмента у них не было. Можно утверждать, что мнение значительной части детей было определяющим, в ситуации выбора дети нередко проявляли настойчивость, одни инструменты нравились им больше, другие меньше. Фактически возникали ситуации детско-взрослых конвенций – процесса временных соглашений между детьми и родителями [9].

На основании обобщения материалов интервью просматриваются яркие *переживания от звучания музыкального инструмента*, обнаруживаются предпочтения к звучанию одного инструмента и отторжение другого. В нескольких воспоминаниях запечатлелась детская травма вынужденных занятий на нелюбимом инструменте – как правило, такого рода обстоятельства приводили к завершению занятий музыкой на ранних этапах обучения.

Определённое влияние на выбор инструмента оказывала мода: так, фортепиано считалось более престижным (данные интервью, публикации в периодической печати). Выбор скрипки обуславливался, с одной стороны, музыкальными способностями ученика (наличие хорошего или даже абсолютного музыкального слуха), с другой – отдельным фактором выступало удобство транспортировки («но не виолончель же мне с собой таскать»), а с третьей – меньши-

ми расходами на приобретение («на фортепиано денег не хватало»).

Культурные практики использования и распоряжение музыкальным инструментом. Важным элементом обучения в ДМШ были *домашние задания*, и то, как учащиеся относились к их выполнению, можно зафиксировать в рамках нескольких стратегий. В этих стратегиях проявлялась мотивация, «отношение с собой» (самоорганизация, самопобуждение): для одних учеников выполнение домашнего задания было связано с реализацией интереса к музыке, другие воспринимали музицирование как тяжёлый и безрадостный труд, третьи видели в домашних заданиях по музыке учебную рутину, причём факультативную по сравнению с общеобразовательной школой (совершенно спокойно приходили на занятия в музыкальную школу неподготовленными). Некоторый оттенок во второй сценарий добавляло участие родителей в выполнении домашних заданий. В одном случае родители поддерживали ребёнка, помогали справиться с трудностями, в другом – преодоление себя, самоограничение тренировали у юных музыкантов волевые качества, музыкальный инструмент становится единственным свидетелем победы над собой.

Кроме обязательного музицирования, следует зафиксировать и *инициативные занятия музыкой*. Как показывает исследование, для отдельной группы учащихся явным мотивом выступало желание воплотить новую мелодию. Музицирование создавало возможность предаваться грёзам, фантазировать: «играя на инструменте, мысли уходили куда-то далеко-далеко ... Я часто, играя на кларнете, перемещался в горы, представлял, как на вершине горы играю, и звук моей музыки доносится по

всем окрестностям. Мне хотелось играть и играть ...». Мотивированным детям было присуще самостоятельное (без заданий и побуждений со стороны взрослых) произвольное инициативное музицирование: разучивание произведений, подбор по слуху понравившихся мелодий или песен. Причём для одних детей такое поведение было характерно с раннего возраста, другие приходили к этому после достижения некоторого уровня исполнительского мастерства. Во время произвольного инициативного музицирования некоторые дети импровизировали, интерпретировали музыкальные произведения, и, как правило, это делалось в полном одиночестве, присутствие кого бы то ни было нарушало свободу экспериментатора. По данным настоящего исследования, более чем 40% выпускников ДМШ (как любители, так и профессионалы), став взрослыми, в свободное время занимаются произвольным музицированием, имеют устойчивые музыкальные пристрастия, используют игру на инструменте в релаксационных целях. Исследование показывает существование специфической культурной практики самообразования – *самостоятельного освоения* дополнительно ещё одного *музыкального инструмента*: это характерно для учащихся на завершающем этапе обучения в музыкальной школе. Мотивом выступала привлекательность инструмента (нередко гитары), возможность использовать новую компетенцию в публичных ситуациях, обеспечивающих признание окружающих.

Специфической практикой учеников ДМШ было *совместное музицирование* – после занятий дети приходили домой к кому-то из приятелей, где был музыкальный инструмент. Культурная практика совместного музицирования у некоторых респон-

дентов сохранилась до сих пор («очень любим поиграть с друзьями на работе, в 4 руки»). Результаты опроса свидетельствуют и о семейных практиках музицирования, когда все члены семьи включались в совместное исполнение, устраивали семейные концерты.

Особое место в жизни обучающихся ДМШ играли *практики публичного музицирования*, которые разворачивались на официальных площадках (концерты, отчётные выступления), на вечерах и дискотеках в школе и пионерском лагере, в гостях или у костра в туристическом походе. Такого рода практики давали подростку возможность быть в центре внимания, приобрести желаемый социальный статус в среде сверстников, повысить самооценку. В то же время в воспоминаниях нередко упоминается страх перед публичным музицированием, эта травма порой отражается в снах выпускников ДМШ спустя десятилетия.

Весьма неожиданной и любопытной оказалась *практика имитации игры на музыкальном инструменте* (фантомное музицирование). До поступления в ДМШ это была сюжетно-ролевая или имитационная игра. Например, дошкольники, играя в детский сад, брали на себя роли музыкальных работников и имитировали соответствующие действия. По воспоминаниям респондентов, для изображения действий музыканта использовался широкий круг предметов (диван, трюмо, прищепки на бельевой верёвке, краешек ванны). Наблюдая за имитационными практиками дошкольников, родители нередко принимали решение учить своего ребёнка в музыкальной школе и приобрести музыкальный инструмент. Однако иногда имитация имела весьма утилитарное значение – разработка пальцев для игры на фортепиано в условиях отсут-

ствия музыкального инструмента. Показательная ситуация описывается в воспоминаниях о детстве П. И. Чайковского, который «обнаруживал такую любовь к игре на инструменте, что, когда ему запрещали быть около него, продолжал просто на чём попало перебирать пальцами, в том числе на стекле оконной рамы. Увлёкшись, он так разошёлся, что разбил стекло и сильно ранил себе руку» [5, с. 139].

Имеются свидетельства о реализации учениками *игровой функции музыкального инструмента*, когда наиболее смелые учащиеся подшучивали над преподавателями. Например, шалость состояла в том, чтобы набить фортепиано старыми газетами и предложить преподавателю сыграть «что-то из Рахманинова». Когда тот пытался с большой силой нажать на клавиши, то они, к его удивлению, совсем не нажимались. Более простыми действиями в рамках игрового применения музыкального инструмента было «катание на футляре со скрипкой с горки» [17, с. 202].

Отдельным аспектом культурных практик эксплуатации музыкального инструмента была его *транспортировка*. Конечно, для 2/3 обучающихся, тех, у кого специальностью было фортепиано, музыкальный инструмент был представлен двумя одинаковыми или похожими предметами (один находился дома, другой – в музыкальной школе). Обучающиеся игре на фортепиано были избавлены от транспортировки («конечно, фортепиано гораздо интересней, потому что баян и аккордеон очень тяжёлые инструменты, в плане носить их с собой, а так пришёл, открыл крышку, сел и начал играть»). Примерно одна треть обучающихся вынуждена была доставлять свои скрипки, аккордеоны, домры и т.д. из дома в музыкальную школу и обратно во все дни занятий

по специальности. Процедура транспортировки вызывала у многих детей негативные переживания (иногда – настоящие психологические травмы). Скажем, стеснительная девочка, которая вынуждена была носить большую виолончель, испытывала неудобства при поездке в общественном транспорте, переживала отрицательные эмоции от поведения окружающих, которые иногда (и не всегда по-доброму) смеялись над маленьким ребёнком, с трудом перевозившим большой по габаритам инструмент.

Как и всякие другие вещи, музыкальные инструменты подвержены разрушению, требуют ремонта, их особенность – в необходимости регулярной настройки. В материалах исследования есть примеры ситуаций поломки отдельных деталей музыкального инструмента («когда я готовилась к поступлению, играла этюд Листа, так долбанула, что [струна] у меня “пэээум” и порвалась ...») или драматический рассказ о том, как девочка, решив похвастаться своим импортным аккордеоном, «оступилась и упала на бетонный пол, разбила инструмент – корпус лопнул».

Таким образом, можно обнаружить в процессе развития личности учеников ДМШ действие традиционного и институционального механизмов, механизмов импринтинга и экзистенциального нажима (отношение к выполнению домашних заданий, степень интенсивности произвольного инициативного музицирования, совместно-музицирования с родителями или сверстниками, травмирующий или самоактуализирующий образ практик публичного музицирования). Сосуществование практик домашнего музицирования в социальном окружении оказывало на учеников ДМШ влияние, аналогичное публичному музицированию. В качестве весьма специфиче-

ских проявлений зафиксированы фантомная игра на музыкальном инструменте, использование музыкальных инструментов в детских шалостях, опыт переживаний в связи поломкой инструмента. Отдельную роль в отношении к музыке и к самому себе (в том числе травматический опыт) играли практики транспортировки музыкального инструмента. Решимся предположить, что многочисленность и многообразие жизненных ситуаций, в которых в течение долгих 5–7 лет ребёнок взаимодействовал с музыкальным инструментом, сформировали у отдельной категории бывших учеников ДМШ особое иррациональное отношение к инструменту.

Важным аспектом изучения роли музыкального инструмента в развитии личности является его «судьба» после исполнения главной миссии – обеспечения условий для обучения музыке. Согласно результатам исследования, чаще всего (38% от числа упомянутых музыкальный инструмент в своих воспоминаниях) в настоящий момент инструмент всё же используется выпускником ДМШ для музицирования. В этой группе есть музыканты-профессионалы, которые поддерживают в своей квартире инструмент в рабочем состоянии, есть музыканты-любители (по профессии инженеры, бизнесмены, конструкторы одежды и т.п.).

В половине случаев люди сохранили музыкальные инструменты со времени обучения в музыкальной школе, другая половина приобрела новые инструменты (1/7 – электронные пианино, синтезаторы, 1/3 – традиционные классические аккордеоны и фортепиано). У представителей самой малочисленной группы (8% от числа рассказавших о судьбе музыкального инструмента) инструмент обеспечивал музыкальное образование детей респондентов.

Следует очертить группу тех, у кого в квартире (своей или родительской) инструмент остался, находится в разной степени сохранности, но никем не используется – их 12% от общего количества опрошенных. Возможно, проститься с ним не даёт то иррациональное отношение, которое упоминалось выше. В 32% случаев после окончания обучения в музыкальной школе инструмент был продан, передан родственникам или образовательным учреждениям, то есть семья с ним рассталась. Последнюю группу составили музыканты и работники культуры, которые в тот или иной момент расстались со своим домашним инструментом, при этом используют музыкальные инструменты, находящиеся на балансе учреждений (по месту работы).

Выводы. Роль музыкального инструмента в развитии личности ученика ДМШ обусловлена субъективным отношением ребёнка к музыкальному инструменту (образом инструмента в его сознании) и практиками взаимодействия ребёнка с музыкальным инструментом, отношением к себе как к юному музыканту и отношением с собой (саморегуляция, самомотивирование и т.д.).

Исследование инструментальных отношений в процессе развития личности (на примере музыкального инструмента в повседневности ученика ДМШ второй половины XX века) позволяет зафиксировать ряд социально-педагогических механизмов.

Механизм *социокультурной идентификации* обусловлен особенностями музыкального инструмента как вещи, принадлежащей к специфической традиции художественной культуры; отождествление себя с музыкантами-исполнителями, играющими на музыкальных инструментах, «открывает» дополнительный канал приобщения к классической музыкальной культуре.

В то же время через призму идентификации себя в качестве музыканта-исполнителя, использующего отдельный вид музыкальных инструментов (мужские – женские инструменты, модные, редкие, классические или народные), происходит переоформление образа Я.

Социально-педагогический механизм *детско-взрослых конвенций* (сопряжение собственных желаний ребёнка с установками родителей, традициями семьи, финансовыми возможностями и социальным капиталом родителей). Механизм детско-взрослой конвенции в контексте приобретения музыкального инструмента раскрывается в таких сценариях, как инерция (ребёнок начинал обучение на инструменте, который имелся в семье); достижение (получение возможности выбирать музыкальный инструмент в соответствии с собственными интересами); подчинение (подстраивание ребёнка под представления родителей о подходящем инструменте). Для значительной части детей приобретение родителями музыкального инструмента воспринималось как значимое событие, как исполнение желания или прямой просьбы ребёнка, как принимаемая жертва (спустя годы люди испытывают благодарность к родителям, воспринимают покупку инструмента как проявление любви и щедрости с их стороны). Детско-взрослые конвенции разворачивались как на площадках дома-семьи (традиционный вариант), так и музыкальной школы (институциональный вариант).

Механизм импринтинга (переживание наслаждения от реализации собственных желаний – получение возможности заниматься музыкой на субъективно значимом (любимом) музыкальном инструменте) разворачивался в значимых ситуациях (выбор, приобретение музыкального инстру-

мента), в практиках инициативного индивидуального или группового музицирования, в ситуациях публичного музицирования на сцене, фантомного музицирования, использования своих музыкально-исполнительских навыков для повышения своего статуса в дружеских компаниях. Родители-музыканты обеспечивали переживания наслаждения, вовлекая своих детей в совместное музицирование. Переживание ребёнком ярких положительных эмоций отмечается во время «встречи» с уникальными инструментами, а переживание травмы – от вынужденной эксплуатации нежеланного (нелюбимого) инструмента или от необходимости регулярной транспортировки крупногабаритных виолончели, аккордеона. В качестве травмы ученики ДМШ переживали и выполнение домашних заданий в то время, когда сверстники, не занимавшиеся музыкой, могли больше времени тратить на общение и свободное времяпрепровождение. Травматически воспринимались учениками музыкальной школы обстоятельства поломки инструмента.

Социально-педагогический механизм приобретения социальных представлений через рефлексию имущественных отноше-

ний, актуализированных в связи с приобретением музыкального инструмента (осознание различий в уровне материального достатка и социального статуса семей, товарного дефицита в СССР).

Стилизованный механизм (вовлечённость в культурные практики, доступные для лиц, занимающихся музыкой, использование музыкальных инструментов для проделок, детских шалостей и т.п.).

Распоряжение музыкальным инструментом после окончания курса обучения может рассматриваться как маркер влияния на процесс развития личности. Так, о высокой степени влияния свидетельствует подержание инструмента в рабочем состоянии, активное использование его для музицирования и/или для обучения музыке собственных детей. Сложно оценить значение, когда инструмент не эксплуатируется (может находиться в разной степени сохранности), а также когда инструмент передан или продан кому-то сразу после завершения начального музыкального образования.

Представленные результаты, скорее, только намечают линию междисциплинарного исследования инструментальных отношений в контексте развития личности.

Список литературы

1. Аракелова А. О. О развитии начального музыкального образования в России // Музыкальное образование: теория, методика, практика. 2012. № 1 (10). С. 176–181.
2. Арапова П. И. Нарративное интервью как метод исследования внешкольной повседневности советских школьников второй половины XX века // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 29–38. DOI: 10.15293/1813-4718.1805.03
3. Горбунова И. Б., Михуткина Н. В. Электронные музыкальные инструменты как часть современной культуры в системе современного музыкального образования // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 374–378.
4. Захаричева М. А. Условия формирования музыкального таланта П. И. Чайковского в родительской семье // Детство музыкантов : история, современность (междисциплинарный дискурс) : материалы Всероссийского симпозиума шестой сессии Научного совета по проблемам истории и музыкального образования. Москва : Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки ; Пермь : Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2017. С. 136–143.

5. Капкан М. В. Культура повседневности : учебное пособие. Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 2016. 108 с.
6. Ковтун О. А. Человек и вещь в культуре : предметное основание персональной идентичности : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Ковтун Ольга Автономовна. Челябинск, 2011. 25 с.
7. Корнев В. В. Вещь в сфере повседневности : антропологический подход : специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры» : автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора философских наук / Корнев Вячеслав Вячеславович. Томск, 2012. 34 с.
8. Куприянов Б. В., Смирнова И. Э. Детская музыкальная школа второй половины XX века (воссоздание результатов деятельности на основе современных воспоминаний) // Непрерывное образование: XXI век. 2020. № 2 (30). С. 40–56. DOI: 10.15393/j5.art.2020.5687
9. Куприянов Б. В. Детско-взрослые конвенции советского прошлого (по материалам современных воспоминаний о пионерском лагере 60–80 гг. XX в.) // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2020. Вып. 56. С. 41–56. DOI: 10.15382/sturIV202056.41-56
10. Лензон В. М. О персонификации музыкальных инструментов в художественном творчестве // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 3 (65). С. 75–80.
11. Мещерякова В. С. Специфика адаптации к музыкальному инструменту учащихся класса гитары в условиях дополнительного образования // Искусство и образование. 2019. № 2 (118). С. 152–157.
12. Мудрик А. В. Социализация человека : учебное пособие для студентов вузов. Москва : Academia, 2004. 299 с.
13. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет : статистический ежегодник / Государственный комитет РСФСР по статистике. Москва : Финансы и статистика, 1987. 470 с.
14. Народное хозяйство РСФСР в 1990 году : статистический ежегодник. Москва : Республиканский информационно-издательский центр, 1991. 592 с.
15. Рахманкулова Д. Р. Вещь как мера культуры человека : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата философских наук / Рахманкулова Дания Равилевна. Нижний Новгород, 2005. 27 с.
16. Сидоркин А. М. Я-для-Тебя : критика диалога // Фундаментальные проблемы воспитания в условиях современных социальных процессов : материалы международной научно-практической конференции (8–10 декабря 2020 г., Новосибирск) / под редакцией Т. А. Ромм, З. И. Лаврентьевой, Е. М. Скрыпниковой ; Институт стратегии развития образования РАО [и др.]. Новосибирск : Немо Пресс, 2020. С. 29–39.
17. Смирнова И. Э. «Не пойду в музыкалку!» : Проделки и шалости учащихся музыкальной школы второй половины XX века // Профилактика девиантного поведения детей и молодёжи : региональные модели и технологии : сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, 8–10 октября 2019 года / под редакцией Коврова В. В. Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. С. 199–207.

References

1. Arakelova A. O. On the development of primary music education in Russia. *Music education: theory, methodology, practice*. 2012, no. 1 (10), pp. 176–181. (In Russ.).
2. Arapova P. I. Narrative interview as a research method out-of-school everyday life of soviet schoolchildren. *Siberian Pedagogical Journal*. 2018, no. 5, pp. 29–38. (In Russ.). DOI: 10.15293/1813-4718.1805.03
3. Gorbunova I. B., Mikhutkina N. V. Electronic musical instruments as a part of contemporary culture in the system of contemporary musical education. *The world of science, culture and education*. 2019, no. 6 (79), pp. 374–378. (In Russ.).

4. Zakharishcheva M. A. Conditions for the formation of P. I. Tchaikovsky's musical talent in the parental family. In: *Childhood of musicians: history, modernity (interdisciplinary discourse): materials of the All-Russian symposium of the sixth session of the Scientific Council on history and music education*. Moscow, Perm, Publishing House of the All-Russian Museum Association of Musical Culture named after M. I. Glinka, Publishing House of the Perm State Humanitarian Pedagogical University, 2017. Pp. 136–143. (In Russ.).
5. Kapkan M. V. *Culture of everyday life*. Ekaterinburg, Publishing House of the Ural University, 2016. 108 p. (In Russ.).
6. Kovtun O. A. *Human and thing in culture: the subject basis of personal identity. Synopsis cand. philos. sci. diss.* Chelyabinsk, 2011. 25 p. (In Russ.).
7. Kornev V. V. *Thing in the sphere of everyday life: an anthropological approach. Synopsis dr. philos. sci. diss.* Tomsk, 2012. 34 p. (In Russ.).
8. Kupriyanov B. V., Smirnova I. E. Children's music school of the second half XXI century (reconstructions based on modern memoirs). *Nepreryvnoe obrazovanie: XXI vek [Lifelong education: the XXI century]*. 2020, no. 2 (30), pp. 40–56. (In Russ.). DOI: 10.15393/j5.art.2020.5687
9. Kupriyanov B. V. Children's and adults' conventions of the soviet past (on materials of present day memoirs about pioneer camps of the 1960–80s). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya IV: Pedagogika. Psikhologiya*. 2020, vol. 56, pp. 41–56. (In Russ.). DOI: 10.15382/sturIV202056.41-56
10. Lenzon V. M. About the personification of musical instruments in art. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2015, no. 3 (65), pp. 75–80. (In Russ.).
11. Meshcheryakova V. S. Specific adaptation to the musical instrument of guitar students in the context of additional education. *Art and Education*. 2019, no. 2 (118), pp. 152–157. (In Russ.).
12. Mudrik A. V. *Socialization of man*. Moscow, Publishing House "Academia", 2004. 299 p. (In Russ.).
13. *The national economy of the RSFSR for 70 years: statistical yearbook*. Moscow, Publishing House "Finance and Statistics", 1987. 470 p. (In Russ.).
14. *The national economy of the RSFSR in 1990: statistical yearbook*. Moscow, Published by Republican Information and Publishing Center, 1991. 592 p. (In Russ.).
15. Rakhmankulova D. R. *Thing as a measure of human culture. Synopsis cand. philos. sci. diss.* Nizhny Novgorod, 2005. 27 p. (In Russ.).
16. Sidorkin A. M. I-for-You: criticism of dialogue. In: Romm T. A., Lavrentieva Z. I., Skrypnikova E. M., eds. *Fundamental problems of education in the context of modern social processes: materials of the international scientific-practical conference (December 8–10, 2020, Novosibirsk)*. Novosibirsk, Publishing House "Nemo Press", 2020. Pp. 29–39. (In Russ.).
17. Smirnova I. E. "I will not go to the music school!": Tricks and pranks of students of a music school in the second half of the 20th century. In: Kovrov V. V., ed. *Prevention of deviant behavior of children and youth: regional models and technologies: a collection of articles based on the materials of an international scientific and practical conference, October 8–10, 2019*. Simferopol, 2019. Pp. 199–207. (In Russ.).

*

МЕДИАМАСТЕРСКАЯ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 374.1:004.738.5

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-179-190>

А. Д. Жуков

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Москва, Российская Федерация, e-mail: polkovodets@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу технологии творческой мастерской в системе дополнительного образования в области журналистики и медиа. Важность использования медиамастерских обусловлена нацеленностью на раскрытие индивидуальности человека, развитие творческих способностей. Таким образом, они в наибольшей степени способствуют овладению творческими навыками, одним из которых и является медиатекст в контексте личностно-деятельностной парадигмы образования. Рассматриваются особенности реализации семи основных элементов обучения медианавыкам в рамках медиамастерской НИУ ВШЭ. Делается вывод о том, что успешному внедрению медиамастерских способствует активное использование интерактивных технологий, в частности работы в малых группах, деловых игр, онлайн-опросов, технологий моделирования и прочих. В период коронавирусной пандемии, когда обучение происходит с использованием дистанционных образовательных технологий (ДОТ), это позволяет преподавателю точнее оценивать и корректировать траекторию усвоения слушателями медианавыков.

Ключевые слова: творческая мастерская, интерактивные технологии, медиамастерская, медианавыки, дополнительное образование.

Для цитирования: Жуков А. Д. Медиамастерская как педагогическая технология в системе дополнительного образования // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 179–190. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-179-190>

ЖУКОВ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ – прикрепленное лицо для подготовки диссертации на соискание учёной степени кандидата наук, кафедра педагогики, психологии и философии факультета государственной культурной политики Московского государственного института культуры, заместитель заведующего Центром медиапрактик Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

ZHUKOV ANDREY DMITRIEVICH – assigned person to prepare a dissertation for the degree of candidate of sciences at the Department of Pedagogy, Psychology and Philosophy, the Faculty of State Cultural Policy, the Moscow State Institute of Culture, Deputy Head of Media Practice Center, the National Research University Higher School of Economics

© Жуков А. Д., 2020

MEDIA WORKSHOP AS A PEDAGOGICAL TECHNOLOGY OF INTERACTIVE TRAINING

Andrey D. Zhukov

Moscow State Institute of Culture, Khimki City, Moscow Region, Russian Federation

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, e-mail: polkovodets@mail.ru

Abstract: The main focus of the article is the analysis of the creative workshop technology in the system of additional education in the field of journalism and media. The importance of using media workshops is due to the focus on revealing a person's individuality, the development of creative abilities. Thus, they are most conducive to the mastery of creative skills, one of which is the media text, in the context of the personality-activity paradigm of education. The features of the implementation of 7 basic elements of teaching media skills in the framework of the HSE media workshop are considered. The conclusion is made that the active usage of interactive technologies contributes to the successful implementation of media workshops (work in small groups, business games, online polls, modeling technology, et al). In the period of the coronavirus pandemic, when teaching is carried out using distance learning technologies (DOT), this allows the teacher more accurately estimate and modify the pattern of learners' appropriation of media skills.

Keywords: creative workshop, interactive technologies, media workshop, media skills, additional education.

For citation: Zhukov A. D. Media workshop as a pedagogical technology of interactive training. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 179–190. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-179-190>

В современных условиях дополнительное профессиональное образование (ДПО) как процесс овладения новыми современными знаниями не только способствует профессиональному развитию человека, но и повышению его конкурентоспособности в быстро меняющемся мире. В связи с кардинальным изменением в последние десятилетия способов коммуникации и передачи информации, а также формированием глобальной медиасреды на первый план выходит проблема обучения специалистов навыкам существования в этом новом медийном пространстве.

О том, что медиа всё больше и больше входят в нашу жизнь, свидетельствует, в частности, недавний ежегодный доклад аудиторско-консалтинговой компании Deloitte «Медиапотребление в России». Его главный вывод: пандемия коронавируса и связанные с этим ограничения (в том чис-

ле самоизоляции) ускорили медиатизацию всех сторон нашей жизни. Индекс медиаактивности вырос на 23% (это разница между теми, кто чаще стал заходить во Всемирную сеть, и теми, кто сократил время присутствия в ней) [12].

В ТОП-5 наиболее часто встречающихся целей захода в Интернет, согласно исследованию, входит поиск конкретной информации (98% опрошенных), ознакомление с новостями в соцсетях (94%) и дружеское, неформальное общение (92%). Следует отметить, что соцсети и блоги оказались на третьем месте среди источников получения информации (40% опрошенных предпочитают получать новости в блогосфере). И эта доля имеет существеннейший потенциал роста. Дело в том, что молодёжная аудитория рассматривает соцсети и блоги, согласно тому же исследованию, в качестве одного из двух ключевых источников узнавания

о происходящем (67% в возрастной группе 14–24 лет и 50% – в группе 25–34 лет).

Однако в сегодняшних реалиях «человек медийный» – это не только активный потребитель информации, но и её производитель. Современные платформы и гаджеты многократно упростили процесс донесения информации до потребителя, фактически превратив каждого из нас в «я – медиа» [2], или «сам себе медиа». В подтверждение этому можно сослаться на всё тот же доклад Deloitte, согласно которому в смартфоне среднестатистического россиянина сегодня находится 4 мессенджера (наиболее популярные – WhatsApp (88%), Viber (62%), Skype (52%), Telegram (50%) и Facebook Messenger (44%)).

Очевидно, что бурное развитие информационной среды ставит на повестку дня задачу адаптации к новым условиям и формирования адекватных медианавыков. При этом под медианавыками мы понимаем широкий набор компетенций (знаний, навыков, умений), которые позволяют современному человеку корректно оценивать поступающую информацию, проверять её на достоверность, формулировать и транслировать свои идеи в окружающий мир в виде сообщений разных жанров и через различные платформы.

Примечательно, что практически каждый третий россиянин (35%), согласно опросу ВЦИОМ, считает, что блогер – это профессия будущего, а 14% хотели бы видеть среди представителей этой профессии своих детей или внуков [16].

Ряд исследователей, в частности А. В. Минбалеев и Е. С. Бесова, выделяют семь направлений медиаобразования [13], среди которых дополнительное образование в рамках досуговых центров, дистанционное медиаобразование для школь-

ников, студентов и взрослых, самостоятельное медиаобразование в рамках концепции Lifelong Learning (непрерывного образования) и другие. Правда, при этом, на наш взгляд, смешиваются различные принципы классификации – возрастные (школьники, студенты, взрослые), по форме обучения (дистанционное обучение и очно-заочное) и т.д.

Г. П. Максимова [9] предлагает трёхчастное деление современного медиаобразования: на подготовку профессиональных медиарботников – будущих журналистов, специалистов по внутренним и внешним коммуникациям и других, на подготовку преподавателей в области медиа и на медиаобразование для всех как часть общего образования, которое может быть интегрировано в традиционные дисциплины или быть автономным.

В общем виде медиаобразование может быть поделено на два крупных блока:

- медиаобразование как направление профессиональной подготовки, то есть специализированная подготовка будущих журналистов, специалистов по внутренним и внешним коммуникациям, медиапедагогов и других;
- медиаобразование как блок надпрофессиональных гибких навыков (soft skills) – отдельный сегмент образования, который может быть как интегрирован в традиционные дисциплины, так и, напротив, оставаться автономным (отдельной программой или циклом курсов в рамках концепции непрерывного образования).

На сегодняшний день достаточно большое количество вузов, негосударственных образовательных центров предлагает всем желающим образовательные программы в области медиа. В конце 2019 года нами было проанализировано около 80 образо-

вательных программ в области медиа (40 из них предлагали вузы, в том числе МГУ, РУДН, РАНХиГС, РГГУ, РЭУ, около 20 – медиахолдинги (ТАСС, 1 канал, МИА «Россия сегодня») и столько же – негосударственные образовательные центры (в частности, Нетология, Институт профессионального образования и другие)). Выяснилось, что львиная доля (около 60%) носит ярко выраженный академический характер, фактически дублирует программу подготовки специалистов факультетов журналистики. С высокой степенью вероятности это избыточные знания для тех, кто связал свою судьбу с иной профессией, однако в силу личных качеств и/или профессиональной необходимости активно соприкасается с цифровой средой.

На наш взгляд, в современном образовательном процессе предпочтительней использование таких инструментов, которые позволяют сделать этот процесс, с одной стороны, максимально индивидуальным, лично ориентированным, а с другой – технологичным, практико-ориентированным. Справедливость этой точки зрения подтверждают программные документы Министерства образования и науки РФ, в частности Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 3++, который фиксирует лично-деятельностную парадигму образования. Её краеугольным камнем является компетентностный подход. Именно он в полной мере отвечает задачам овладения медианавыками [7].

ФГОС задаёт требования к результату образования в виде сформированных определённых универсальных (УК), общепрофессиональных (ОПК) и профессиональных компетенций (ПК) в зависимости от выбранного студентом образовательного про-

филя. В частности, ФГОС 3++ по направлению 42.03.02 «Журналистика» устанавливает восемь УК и семь ОПК [19].

При этом очевидно, что универсальные компетенции, то есть личные способности специалиста решать определённый класс профессиональных задач, должны формироваться и при обучении по иному образовательному направлению (в силу их универсального характера). Общепрофессиональные компетенции как набор навыков, общий для широкого круга профессий, может быть сформирован у студентов иных (нежурналистских) образовательных профилей в той или иной степени. Например, выпускник биологического факультета, выбравший научную стезю, безусловно, должен обладать навыком написания научных статей, то есть навыком создания важных для профсообщества и общества в целом медиатекстов (ОПК-1 по журналистике).

А вот профессиональные медиакomпетенции формируются на основании профессиональных стандартов тех или иных специальностей, а также на базе требований, которые предъявляет рынок труда, то есть, по сути, работодатели. Очевидно, что у студентов иных образовательных профилей они не формируются, хотя на сегодняшний день уже не редки случаи, когда работодатель требует от своих сотрудников ведения в том или ином виде личных блогов, то есть, по сути, журналистской деятельности по созданию медиатекстов.

ФГОС определяет девять профессиональных стандартов деятельности выпускников по направлению «Журналистика». В то же время, например, образовательные программы по направлению «Журналистика» факультетов журналистики МГУ и МГИК выделяют по семь ПК [14; 15]. Ключевые из них (несмотря на некоторые разли-

чия в формулировках) – умение создавать грамотные и подходящие именно данному типу медиа авторские произведения, опираясь при этом на общечеловеческие ценности и законы, способность участвовать в создании индивидуального и(или) коллек-

тивного медиапроекта, умение разделять журналистскую работу в команде, использовать в работе современные технологии и технические средства (программы), навыки продвижения своего текста и медиа (см. таблицу 1).

Таблица 1*

Код и наименование универсальной компетенции (УК)	Код и наименование общепрофессиональной компетенции (ОПК)	Профессиональные компетенции
УК-1. Способен осуществлять поиск, критический анализ и синтез информации, применять системный подход для решения поставленных задач	ОПК-1. Способен создавать востребованные обществом и индустрией медиатексты, и(или) медиапродукты, и(или) коммуникационные продукты в соответствии с нормами русского и иностранного языков, особенностями иных знаковых систем	ПК-1. Способен осуществлять авторскую деятельность с учётом специфики разных типов СМИ и других медиа и имеющегося мирового и отечественного опыта
УК-2. Способен определять круг задач в рамках поставленной цели и выбирать оптимальные способы их решения, исходя из действующих правовых норм, имеющихся ресурсов и ограничений	ОПК-2. Способен учитывать тенденции развития общественных и государственных институтов для их разностороннего освещения в создаваемых медиатекстах, и(или) медиапродуктах, и(или) коммуникационных продуктах	ПК-2. Способен осуществлять редакторскую деятельность в соответствии с языковыми нормами, стандартами, форматами, жанрами, стилями, технологическими требованиями разных типов СМИ и других медиа
УК-3. Способен осуществлять социальное взаимодействие и реализовывать свою роль в команде	ОПК-3. Способен использовать многообразие достижений отечественной и мировой культуры в процессе создания медиатекстов, и(или) медиапродуктов, и(или) коммуникационных продуктов	ПК-3. Способен участвовать в разработке и реализации индивидуального и(или) коллективного проекта в сфере журналистики
УК-4. Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке РФ и иностранных языках	ОПК-4. Способен отвечать на запросы и потребности общества и аудитории в своей профессиональной деятельности	ПК-4. Способен организовывать процесс создания журналистского текста и (или) продукта

*Источник: ФГОС 3++ по направлению 42.03.02 «Журналистика», Основные образовательные программы высшего образования бакалавриата по направлению подготовки 42.03.02 «Журналистика» МГИК.

УК-5. Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах	ОПК-5. Способен учитывать в профессиональной деятельности тенденции развития медиакоммуникационных систем региона, страны и мира, исходя из политических и экономических механизмов их функционирования, правовых и этических норм регулирования	ПК-5. Способен участвовать в производственном процессе выпуска журналистского текста и(или) продукта с применением современных редакционных технологий
УК-6. Способен управлять своим временем, выстраивать и реализовывать траекторию саморазвития на основе принципов образования в течение всей жизни	ОПК-6. Способен использовать в профессиональной деятельности современные технические средства и информационно-коммуникационные технологии	ПК-6. Способен продвигать журналистский текст и(или) продукт путём взаимодействия с социальными группами, организациями и персонами с помощью различных каналов коммуникации
УК-7. Способен поддерживать должный уровень физической подготовки для обеспечения полноценной социальной и профессиональной деятельности	ОПК-7. Способен учитывать эффекты и последствия своей профессиональной деятельности, следуя принципам социальной ответственности	ПК-7. Способен учитывать общечеловеческие ценности в процессе создания журналистского текста и(или) продукта
УК-8. Способен создавать и поддерживать безопасные условия жизнедеятельности, в том числе при возникновении чрезвычайных ситуаций		

Именно на овладении этими компетенциями базировалась практическая работа автора статьи в Центре медиапрактик НИУ ВШЭ в рамках проекта «Медиа-мастерская».

Вообще, формат творческих (педагогических) мастерских известен довольно давно. Его изобретение связывают с деятельностью так называемой Французской группы нового воспитания. Она была создана в 20-е годы XX века такими известными психологами, как Анри Валлон, Поль Ланжевен, Жан Пиаже и другими. В фокусе их внимания была личность, а ключевой идеей – отбросить всё то, что мешает человеку стать

истинно свободным и счастливым. Как отмечает Г. С. Селевко, концепция «нового воспитания» основывается на идеях свободного воспитания и человека естественного Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого, С. Френе, а также психологии гуманизма Л. С. Выготского, Ж. Пиаже, К. Роджерса [18].

Спустя почти семь десятилетий после создания, в 1989 году, на встрече представителей «Французской группы нового образования» из разных стран в Марселе были продекларированы ключевые положения технологии творческой мастерской:

1. Ученики находятся не в пассивной позиции, как в традиционной педагогике,

а в активной позиции. Они сами «конструируют» свои знания таким образом, чтобы максимально раскрылся их внутренний потенциал.

2. Новому времени – новые ценностные ориентиры. В основу развития учеников должны быть положены идеи самостоятельной и творческой личности, которая несёт всю ответственность за свои поступки.

3. «Каждый талантлив по-своему». Задача образования – найти область специфического таланта ребёнка и использовать такие инструменты, которые позволят таланту раскрыться. Это и будет «равенством на деле».

4. Интенсификация обучения. Вместо транслирования знаний от педагога ученику – самостоятельное строительство знания учащимся, опирающимся на критическое мышление.

5. Учитель – не авторитарный наставник, но проводник в мире знаний. Он должен относиться к ученику не свысока, но как к равному.

6. Учёт психологии и расчёт психологического воздействия.

Таким образом, технология педагогической мастерской сфокусирована на раскрытии индивидуальности человека, его неповторимого таланта и творческих способностей. Е. В. Пискунова обращает внимание на то, что в мастерской педагог «демонстрирует образцы знания или действия» [17, с. 144]. Развёрнутое определение технологии даёт в своём диссертационном исследовании Н. И. Белова: «Мастерская – синтетическая, многомерная, интегрированная образовательная технология, потому что даёт продукты диалоговой деятельности учеников и учителя различных планов: интеллектуального, эмоционального, этического, коммуникативного, психологическо-

го, где учащиеся могут обрести живое знание о мире и осознать ценность своего Я» [4, с. 12].

Целью мастерской как педагогической технологии является, таким образом, совместный поиск знаний и/или выбор лучших практик. И в этом смысле идея мастерских, безусловно, восходит ещё к античным традициям и знаменитым сократическим диалогам, когда в процессе диалога или полилога Сократа с учениками рождалась истина, а учитель «подталкивал» учеников к тем или иным логическим выводам. Отличительной чертой технологии, по образному замечанию Е. Ю. Бухтияровой, можно считать «максимальное приближение к реальному опыту истинно научного или художественного постижения мира» [5].

Очерчивая рамки творческой мастерской, исследователи выделяют разные наборы постулатов и принципов (у Г. С. Селевко – 10, у Т. Н. Бабкиной – 8 [3], у А. В. Кирьяковой, Л. В. Мосиенко, Т. А. Ольховой – 7 [8]). На основе синтеза их идей, можно выделить следующие:

- всеобщее равенство участников, в том числе и мастера-руководителя;
- совместное творчество и поиск оптимального решения;
- данное каждому право на ошибки;
- передача знаний не линейно от преподавателя ученику, а выстраивание компетенций в процессе работы;
- творческая деятельность – это «выход за рамки», а значит, оценка к ней не применима;
- свобода в рамках принятых правил рождает внутреннюю независимость участника, стимулирует его творческую активность;
- диалог как главный принцип взаимодействия.

В конце 80-х – начале 90-х годов XX века технология творческих мастерских начинает активно распространяться по миру. В то же время с ними активно знакомятся и начинают использовать и российские педагоги. Очевидно, распространение технологии не в последнюю очередь связано с тем, что, как показывают исследования, именно интерактивные методы обучения способствуют максимальному усвоению материала: участие в дискуссии позволяет усваивать до 70% материала, различные деловые игры и симуляции – до 90% того, что участники говорят и делают [20].

Автору статьи довелось в 1998 году принять участие в работе такой мастерской.

Мастерская по тележурналистике (TV-Journalism Workshop) была организована сотрудниками BBC для Ассоциации региональных телевещателей CIRCIM Regional и собрала более 30 журналистов из стран Центральной и Восточной Европы. Её итогом стала подготовка участниками новостного выпуска, снятого и смонтированного по журналистским канонам, принятым на BBC.

В 2000-е годы этот же формат начинают использовать и российские вузы. Например, на сайте факультета журналистики МГУ творческие мастерские и сегодня фигурируют как «один из новых форматов занятий». Судя по сайту, факультет журналистики МГУ предлагает 4 действующих мастерских, ещё 17 программ находится в архиве.

Современные исследователи [6] выделяют семь основных этапов/элементов технологии:

- **индукция** (наведение) – определённый эмоциональный настрой, рождение сопричастности, личного отношения к предмету;

- **самоконструкция** – создание участниками своих вариантов гипотез, идей, проектов;

- **социоконструкция** – выстраивание этих элементов в малых группах;

- **социализация** – предъявление того, что было создано индивидуально или в небольшой группе, всем участникам как вариант обмена опытом, чтобы каждый смог найти для себя нечто новое в решениях других;

- **афиширование** – представление работ и всеобщее ознакомление с ними;

- **разрыв** – осознание участниками мастерской эволюции своей мысли или идеи, пути от старого знания к новому;

- **рефлексия** – отражение чувств, ощущений, переживание опыта мастерской.

Теперь рассмотрим, как организована работа в Медиамастерской НИУ ВШЭ и как в ней реализованы основные элементы этой образовательной технологии.

Содержательный аспект работы Медиамастерской. Сам проект Центра медиапрактик задумывался как площадка, на которой студенты, желающие создать свои медиаканалы, смогут получить необходимые навыки: от работы с журналистским текстом до методик продвижения своего канала. Итогом работы должны стать личные медиаканалы участников, заработавшие в новых медиа.

В диалоговом режиме преподаватели Медиамастерской определили список наиболее актуальных в работе блогера тем. Среди них – современный человек в эпоху информационного взрыва, журналист в поисках объективности, специфика работы с информацией, методы сбора и источники информации, факт-чекинг, жанры медиасреды, этическое и правовое регулирование медиасреды. По наше-

му мнению, это даёт возможность сформировать когнитивный компонент профессиональной компетентности в медиасреде. Кроме того, студенты получили возможность на мастер-классах получить «из первых рук» знания о технологии работы новых медиа от практикующих специалистов – известных журналистов, блогеров, специалистов в области коммуникации. Таким образом, содержание лекций составила практико-ориентированная информация. Акценты были сделаны на лучших практиках и кейсах.

Содержание занятий было обусловлено педагогической целью – развить умения и отрефлексировать личный опыт слушателей. Это также способствовало развитию способностей студентов к творческому, аналитическому и критическому мышлению, формированию умений для активной деятельности.

Технологический аспект. В рамках Медиамастерской нами были использованы следующие инновационные методики и средства обучения:

- интерактивные методы: опросы, онлайн-голосования, мозговой штурм, диалоги, деловые игры;
- эмпирические методы: индивидуальная и групповая работа в малых группах над практическими заданиями, моделирование рабочих ситуаций;
- использование средств визуальной наглядности;
- использование новых медиа, в том числе Telegram-канала, для совместной работы.

Организационно-прикладной аспект. Медиамастерская состоит из трёх этапов:

- теоретического курса, в рамках которого известные журналисты и блогеры рассказывают о технологиях работы медиа;

- практического курса, в рамках которого участники, поделившись на команды, отрабатывают навыки коллективной работы в деловых играх и симуляциях;

- индивидуального курса, посвящённого шлифовке медиаидей каждого участника.

Надо отметить, такое деление весьма созвучно тем предложениям, которые выдвигают и другие исследователи творческих мастерских [1]. Очевидно, это связано с тем, что оно позволяет наиболее успешно реализовать все этапы технологии медиамастерской.

В нашем случае в качестве индукции студентам было дано задание ответить на вопросы анкеты, в частности, рассказать, на какие образцы творчества и медиаканалы они ориентируются, что считают для себя эталоном.

Затем студенты должны были придумать и представить концепцию своего медиа и объяснить, почему это важно для них и для будущей аудитории. Процесс социоконструкции заключался в том, что слушатели, разделившись на команды, имитировавшие микроредакции, проходили все этапы создания журналистского текста – от придумывания идеи до продвижения текста (при помощи рекламы, кросс-постинга и т.д.) в тех или иных медиа.

В рамках социализации каждая команда (в весенней Медиамастерской 2020 года их было пять) представляла каждый этап своей работы на обсуждение и выступала оппонентом другой команды.

На этапе афиширования созданные представителями каждой команды тексты публиковались в Telegram-канале Медиамастерской для всеобщего ознакомления.

Чтобы зафиксировать этап разрыва, нами была проведена серия опросов, в рамках которых респондентам предлагалось

оценить полезность каждого из приглашённых преподавателей, а также написать свои отзывы на первый и второй этапы Медиа-мастерской. Кроме того, педагоги индивидуально разбирали тексты студентов, предлагали варианты улучшения работ и новые повороты тех или иных тем, отмечали удачу и недостатки работ.

На этапе рефлексии студенты имели возможность поделиться своими размышлениями об участии в проекте, в том числе в рамках финальной презентации своих проектов.

Медиамастерскую успешно прошли 21 человек, которые создали 14 медиаканалов (8 в Telegram, 5 в Instagram, 1 – в «ВКонтакте»). В основном это были образовательные и просветительские проекты на совершенно разные темы – от блога-помощника в поступлении для школьников и абитуриентов (<https://www.instagram.com/easypass.ru>) и рассказа о корейской кухне и традициях (<https://www.instagram.com/asia.popularinsider/?igshid=l8vrn4bz46t1>) до канала, посвящённого финансовой грамотности (https://t.me/money_question) и медиа о студентах Вышки (<https://t.me/vnevyshki>).

Важно отметить, что в начале работы только у 5 студентов (24%) были оформившиеся идеи своих медиа, у 11 – первоначальные идеи были существенно уточнены

или видоизменены (52%), и ещё 5 человек первоначально говорили, что у них нет идеи медиа или в итоге реализовали не тот проект, о котором заявляли изначально (24% слушателей).

Как мы видим, что технология медиа-мастерской является эффективным педагогическим инструментом для развития навыков в области коммуникации. Два взгляда на работы Медиамастерской (студентов и преподавателей) были опубликованы на сайте НИУ ВШЭ. Примечательно, что в большинстве моментов положительные оценки использованной технологии и результатов совпали [10; 11].

Подводя итог, следует сказать, что у участников медиамастерской развивается креативное мышление, а знания и навыки быстрее и лучше усваиваются. Также улучшаются навыки командной работы, формируется ответственность, навык выполнения задачи в срок (работа на dead-line). При этом технология творческой мастерской оказывается востребованной студентами не только журналистских, но и иных специальностей в силу того, что получаемые профессиональные компетенции воспринимаются ими как важные надпрофессиональные навыки, которые окажутся востребованными, независимо от выбранного в будущем профессионального профиля.

Список литературы

1. Авдонина Н. С. Опыт организации занятий в технологии творческой мастерской у студентов-журналистов // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (55). С. 203–211.
2. Асмолов А. Г., Асмолов Г. А. От Мы-медиа к я-медиа : трансформации идентичности в виртуальном мире // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 3–20.
3. Бабкина Т. Н. Технология творческих мастерских как средство формирования коммуникативных навыков // Педагогика : традиции и инновации : VI Международная научная конференция (г. Челябинск, февраль 2015 г.) / [ответственные редакторы : Г. А. Кайнова, Е. И. Осянина]. Челябинск : Два комсомольца, 2015. С. 110–112.
4. Белова Н. И. Педагогическая мастерская как средство развития личности участников образовательной деятельности : специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и

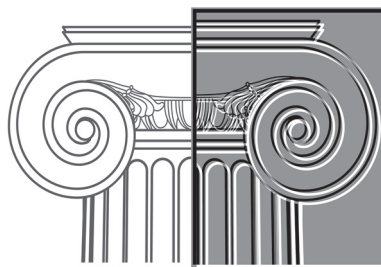
- образования» : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата педагогических наук / Белова Надежда Ивановна. Санкт-Петербург, 2000. 22 с.
5. Бухтиарова Е. Ю. Новые технологии в системе непрерывного дополнительного образования в профессиональном развитии педагога // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 17–19.
 6. Воронина И. Р., Чеснокова П. А., Бородина Е. Д., Казанцева Г. А. Использование технологии педагогической мастерской в вузе // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2020. № 7 (49). С. 189–193.
 7. Жуков А. Д. Формирование медианавыков в концепции компетентного подхода в образовании // Воспитательная работа в образовательной организации: состояние, проблемы, перспективы развития : сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Москва, 25–26 ноября 2020 г.). Москва, 2020. С. 264–270.
 8. Кирьякова А. В., Мосиенко Л. В., Ольховая Т. А. Французская мастерская как аксиологическая технология : учебно-методическое пособие. Оренбург : ИПК ГОУ ОГУ, 2011. 107 с.
 9. Максимова Г. Технологии медиаобразования // Высшее образование в России. 2005. № 6. С. 131–134.
 10. Медиамастерская Вышки: взгляд изнутри [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ : [официальный сайт]. URL: <https://www.hse.ru/our/news/371963135.html>
 11. Медиамастерская – 2: с надеждой на офлайн [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ : [официальный сайт]. URL: <https://www.hse.ru/our/news/397846137.html>
 12. Медиапотребление в России [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html>
 13. Минбалеев А. В., Бесова Е. С. Допрофессиональное медиаобразование и журналистика // Медиаобразование. 2008. № 4.
 14. Основная профессиональная образовательная программа высшего образования. Направление подготовки (специальность) высшего образования 42.03.02 Журналистика [Электронный ресурс] // Факультет журналистики МГУ : [официальный сайт]. URL: http://www.journ.msu.ru/downloads/2020/OPOP_BAK%20_ZHURN_3%20_plyus_plyus.pdf
 15. Основная профессиональная образовательная программа высшего образования. Направление подготовки (специальность) высшего образования 42.03.02 Журналистика [Электронный ресурс] // Московский государственный институт культуры : [официальный сайт]. URL: http://www.mgik.org/upload/iblock/4ef/opop_42.03.02_30.10.17.pdf
 16. От блогеров – к инфлюенсерам: борьба за внимание и влияние на аудиторию. Новые тренды [Электронный ресурс] : совместный аналитический доклад ВЦИОМ и Центра социального проектирования «Платформа» // ВЦИОМ новости : [сайт]. 24 сентября 2020 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy>
 17. Пискунова Е. В. Социокультурная обусловленность изменений профессионально-педагогической деятельности учителя. Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ имени А. И. Герцена, 2005. 324 с.
 18. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии : учебное пособие. Москва : Народное образование, 1998. 256 с.
 19. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика [Электронный ресурс]. URL: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/420302_B_3_30062017.pdf
 20. Giorgdze M., Dgebuadze M. (2017) Interactive teaching methods: challenges and perspectives. *IJAEDU-International E-Journal of Advances in Education*, vol. III, issue 9. URL: https://www.researchgate.net/publication/322056077_INTERACTIVE_TEACHING_METHODS_CHALLENGES_AND_PERSPECTIVES

References

1. Avdonina N. S. Organizational and pedagogical conditions of organizing the professional workshop classes with journalism students. *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. 2018, no. 4 (55), pp. 203–211. (In Russ.).

2. Asmolov A. G., Asmolov G. A. From We-Media to I-Media: identity transformations in the virtual world. *Moscow University Psychology Bulletin*. 2010, no. 1, pp. 3–20. (In Russ.).
3. Babkina T. N. Technology of creative workshops as a means of forming communication skills. In: *Pedagogy: traditions and innovations: VI International scientific conference (Chelyabinsk, February 2015)*. Chelyabinsk, 2015. Pp. 110–112. (In Russ.).
4. Belova N. I. *Pedagogical workshop as a means of personal development of participants in educational activity. Synopsis cand. ped. sci. diss.* St. Petersburg, 2000. 22 p. (In Russ.).
5. Bukhtiarova E. Yu. New technologies in the system of continuing additional education in the professional development of a teacher. *The world of science, culture and education*. 2020, no. 5 (84), pp. 17–19. (In Russ.).
6. Voronina I. R., Chesnokova P. A., Borodina E. D., Kazantseva G. A. Using the technology of the pedagogical workshop at the university. *Innovative economy: prospects for development and improvement*. 2020, no. 7 (49), pp. 189–193. (In Russ.).
7. Zhukov A. D. Formation of media skills in the concept of a competence-based approach in education. In: *Educational work in an educational organization: state, problems, development prospects: collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Moscow, November 25–26, 2020)*. Moscow, 2020. Pp. 264–270. (In Russ.).
8. Kiryakova A. V., Mosienko L. V., Olkhovaya T. A. *French workshop as an axiological technology*. Orenburg, Publishing House of the Orenburg State University, 2011. 107 p. (In Russ.).
9. Maksimova G. Technologies of media education. *Vyshee Obrazovanie v Rossii [Higher Education in Russia]*. 2005, no. 6, pp. 131–134. (In Russ.).
10. *HSE Media Workshop: an inside look*. Available at: <https://www.hse.ru/our/news/371963135.html> (In Russ.).
11. *Media workshop – 2: with hope for offline*. Available at: <https://www.hse.ru/our/news/397846137.html> (In Russ.).
12. *Media consumption in Russia*. Available at: <https://www2.deloitte.com/ru/ru/pages/technology-media-and-telecommunications/articles/media-consumption-in-russia.html> (In Russ.).
13. Minbaleev A. V., Besova E. S. Preprofessional media education and journalism. *Media education*. 2008, no. 4. (In Russ.).
14. *The main professional educational program of higher education. Direction of training (specialty) of higher education 42.03.02 Journalism*. Available at: http://www.journ.msu.ru/downloads/2020/OPOP_BAK%20_ZHURN_3%20_plyus_plyus.pdf (In Russ.).
15. *The main professional educational program of higher education. Direction of training (specialty) of higher education 42.03.02 Journalism*. Available at: http://www.mgik.org/upload/iblock/4ef/opop_42.03.02_30.10.17.pdf (In Russ.).
16. *From bloggers to influencers: the fight for attention and influence on the audience. New trends. Joint analytical report of VTsIOM and the Center for Social Design "Platform"*. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/ot-blogerov-k-inflyuenseram-borba-za-vnimanie-i-vliyanie-na-auditoriyu-novye-trendy> (In Russ.).
17. Piskunova E. V. *Sociocultural conditionality of changes in the teacher's professional-pedagogical activity*. St. Petersburg, Publishing House of the Herzen State Pedagogical University, 2005. 324 p. (In Russ.).
18. Selevko G. K. *Modern educational technologies*. Moscow, Publishing House "Narodnoe obrazovanie", 1998. 256 p. (In Russ.).
19. *Federal State Educational Standard of Higher Education – Bachelor's Degree in the field of study 42.03.02 Journalism*. Available at: http://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/420302_B_3_30062017.pdf (In Russ.).
20. Giorgdze M., Dgebuadze M. (2017) Interactive teaching methods: challenges and perspectives. *IJAEDU-International E-Journal of Advances in Education*, vol. III, issue 9. URL: https://www.researchgate.net/publication/322056077_INTERACTIVE_TEACHING_METHODS_CHALLENGES_AND_PERSPECTIVES

НОВЫЕ КНИГИ

*Ф*ИЛОСОФИЯ СМЫСЛА:
ОТ ЭКЗИСТЕНЦИИ К ТАИНЕ БЫТИЯ

Рецензия на книгу В. В. Варавы «Седьмой день Сизифа.
Эссе о смысле человеческого существования»
(Москва : Родина, 2020. 320 с.)

УДК 128:123.2:130.3

<https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-192-198>

С. С. Черных

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова,
Новочеркасск, Ростовская область, Российская Федерация, e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Аннотация: В статье представлена рецензия на книгу В. В. Варавы «Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования». В ней эксплицированы философские и этико-культурные аспекты творчества мыслителя.

Ключевые слова: русская философия, экзистенциализм, смысл человеческого существования.

Для цитирования: Черных С. С. Философия смысла: от экзистенции к тайне бытия. Рецензия на книгу В. В. Варавы «Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования» (Москва : Родина, 2020. 320 с.) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 6 (98). С. 192–198. <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-192-198>

PHILOSOPHY OF MEANING:
FROM EXISTENCE TO THE MYSTERY OF BEING

Review of the book by V. V. Varava

“The Seventh Day of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence”
(Moscow, Publishing House “Rodina”, 2020. 320 p.)

Sergei S. Chernykh

Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Rostov Region, Russian Federation,
e-mail: s.s.chernykh@mail.ru

Abstract: The article presents a review of the book by V. V. Barava “The Seventh Day of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence”. The article explicated the philosophical, ethical and cultural aspects of the thinker’s creativity.

Keywords: Russian philosophy, existentialism, the meaning of human existence.

For citation: Chernykh S. S. Philosophy of meaning: from existence to the mystery of being. Review of the book by V. V. Varava “The Seventh Day of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence” (Moscow, Publishing House “Rodina”, 2020. 320 p.). *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2020, no. 6 (98), pp. 192–198. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1997-0803-2020-698-192-198>

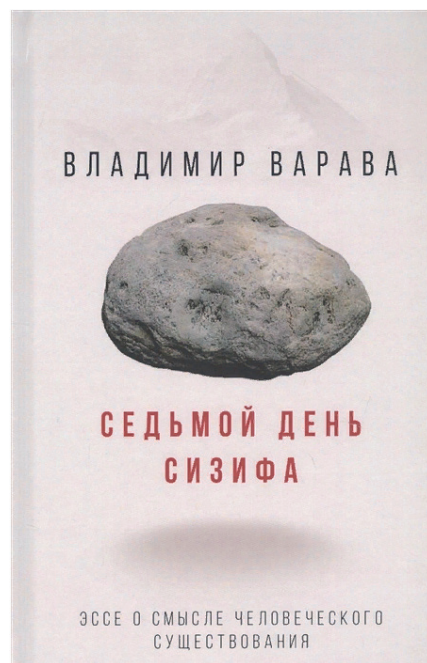
ЧЕРНЫХ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – доктор философских наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

CHERNYKH SERGEI SERGEEVICH – DPhil, Professor at the Department of Social and Humanitarian Sciences, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI)

© Черных С. С., 2020

В своём произведении «Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования», которое, несомненно, полностью выдержано в духе и истине философии экзистенциализма, российский философ и писатель Владимир Владимирович Варава, как и французский писатель и философ А. Камю, обращается к фигуре древнегреческого страдальца Сизифа, который стал символом бессмысленных мучений на почве издевательского, тотально-отчуждённого труда. Кроме добротного художественного стиля, которым написаны представленные в книге эссе, к достоинствам работы можно отнести значительный массив глубоко проработанного философского и литературного материала. Собеседниками В. В. Варава в представленном произведении органично и последовательно выступают: царь Соломон, мудрости и экзистенциальному пафосу которого в иудеохристианской духовной традиции приписывают авторство библейской книги «Екклесиаст», философы и писатели Платон, Кьеркегор, Шопенгауэр, Ницше, Хайдеггер, Ясперс, Камю, Сартр, Достоевский, Толстой, Фёдоров, Соловьёв, Розанов, Франк, Шестов, Бердяев, Бубер, Левинас, Витгенштейн, Янкелевич, Сиоран, Платонов, Чехов, Кафка, Савенков, Карсавин, Бильнов, Финк, Кристева, Маркузе, Слотердайк и многие другие; автор эссе обращается к поэзии Пушкина, Вяземского, Целана и современному кинематографу, к искусству таких режиссёров, как Ларс фон Триер и Белла Тарр. Пожалуй, что перед нами фундаментальный труд по экзистенциализму, без которого в последующие годы не смогут, например, обойтись многие, в особенности начинающие, философы, желающие написать диссертацию по данной проблематике.

Книга В. В. Варава посвящена подробному философскому разбору бессмысленности человеческого существования, сквозь призму которой можно угадать и прочувствовать его смысл. Уже в «библейские» или, по крайней мере, в древнейшие времена мудрецы понимали тщету бытия и своего положения в космосе. Вместе с тем смысл оказывается необходимым условием рационализации собственного существования и даже субстанциальным ресурсом понимания окружающей действительности. Тем более смысл проявляется в силе, когда человек вовлечён в производительную деятельность, или, как прямо говорят об этом процессе марксисты, когда он трудится, то и получает удовлетворение от его осязаемых результатов. Но потом человека снова настигает хандра, которая зачастую преследует людей именно творческих, в большей степени работающих на ниве духовного производства, например, поэтов, философов и писа-

телей, занятых производством самих смыслов, в том числе и смыслов об отсутствии таковых. Действительно, наивно надеяться, что в будущем будут открыты принципиально новые смыслы существования, неизвестные философской мудрости. «Современность ничего не добавляет к бытийному факту бессмысленности, – пишет В. В. Варава, – который пронизывает всё историческое существование человека, насколько оно нам доступно» [1, с. 8]. Поэтому остаётся два пути работы с этим фактом (возможно, как всегда несчастного) сознания: либо игнорировать его, продуцируя всё новые инструментальные смыслы локального бытия, или, напротив, ринуться прямо навстречу бессмыслице и, очутившись в объятиях абсурда, стяжать его благодать. В любом случае В. В. Варава напоминает, что «все существующие смыслы есть лишь культурные, то есть *конвенциональные* образования, нужные для того, чтобы человек не умер от истины» [1, с. 8]. Ведь не нужно забывать, что истина – боль, а смыслы, как правило, выполняют функцию анестетиков.

В своём произведении В. В. Варава стремится описать конфликт, возникающий между культурой, наиболее мощным орудием которой является текст, и обнажённым бытием, шокирующим своей фактичностью. В принципе, голая реальность оказывается для сознания невыносимой, травматичной, опасной пыткой; другое дело – культура, представляющая как бы воплощённый итог всей работы воображения, обитель институционализированных фантазий, помогающих не сойти с ума и тем самым справиться с данностью бытия. Очевидно, что осознание абсурда существования уже свидетельствует об осмыслении реальности и, может быть, и есть интуитивно верно схваченный отчёт о самой её структуре. Культура, со-

гласно мысли философа, это прежде всего текст, который стремится поглотить само бытие, вернее, как бы прикрыть его наготу фиговым листом, тем самым сделав его приличным на потребу публике и удобным для дальнейшей герменевтики. Философ считает, что редукция всех смыслов к тексту и знаку является источником обмирщения. «Секуляризация в действительности – это не *обмирщение религиозного*, сколько *профанация бытийного*» [1, с. 35]. Поэтому, как считает В. В. Варава, нельзя говорить, что секуляризация появилась вчера или тысячу лет тому назад, поскольку она ровесница самой культуры. При этом философы не должны игнорировать библейские тексты, однако читать их нужно соответствующим образом, может быть, напрямую. Ведь, в конце концов, философствование, в отличие от теологии, есть серия свободных мыслительных экспериментов.

Автор книги предлагает своё понимание не только смысла жизни, но и смерти, свой взгляд на религиозное сознание. Экзистенциалисты обратили внимание не только на страх смерти, но и на то, что она может быть лекарством против бессмысленности человеческого существования. «Смерть, – замечает автор этой книги, – останавливает ужас бессмысленности» [1, с. 54]. В принципе, с подобной истиной могут согласиться и многие христианские, причём вполне ортодоксальные богословы, которые считают, что Бог дал людям смерть, чтобы их существование не превратилось в нескончаемый ад на земле. Вместе с тем В. В. Варава довольно точно схватывает цель религиозно-аскетических практик, направленных на успокоение человеческой плоти. «Поскольку религия угнетает именно витальность, то вместе с ней уходит и страх смерти, так как на место жизненной силы,

воли к жизни, на место пылающего эроса приходит воля к ничто и блаженному покою» [1, с. 57]. К тому же итогом победы над буйством плоти и страстями является смирение, когда человек понимает, что ничего изменить невозможно, а потому глупо и смешно жалеть о каких-то якобы упущенных бытийных возможностях.

Человек не только пребывает в истине бытия, иногда мечтая о последнем и великом искуплении и преображении своего существа, но и является производителем ошибок, заблуждений и откровенной лжи, которые остаются и действуют в истории на протяжении тысячелетий. В данной связи нельзя забывать, что радикализм и критическая позиция В. В. Варава в суждениях о природе человека сущностно связаны с его ролью адвоката философии. В век тотального неверия и «постпостмодернизма» мыслитель не стесняется прибегать к этическому пафосу в отношении основных задач и целей философствования. «Мишень философии, – пишет В. В. Варава, – глупость, невежество, лицемерие, подлость, трусость, конформизм, консерватизм, косность, идолопоклонство, раболепие, фобии, предрассудки, суеверия, мнения, авторитеты, власть, идолы, кумиры, устои, традиции, законы, “истины”, “боги” ... иначе всё то, что держит человека в состоянии “спячки”, нежелании смотреть правде в глаза, искать истину и подлинный смысл» [1, с. 96]. Таким образом, философия – инструмент, похожий на знаменитый молот Ницше, которым мыслитель способен крушить заскорузлые пласты культуры и репрессивных традиций.

Можно сказать, что люди нуждаются в смысле, желают знать, что их жизнь имеет непреходящее космическое значение, отличное от других живых существ.

Часто мы сталкиваемся с мнением о том, что смысл жизни заключается в самой жизни. Вернее, как полагает философ В. В. Варава, речь здесь идёт о «чувстве смысла», которым прошита биологическая составляющая человеческой природы и которое помогает ему выживать в его обыденном существовании, особенно, в трудах, заботах о собственном организме и продолжении рода. «Но это доказывает лишь то, что в наличной жизни смысла нет, и не было, и, скорее всего, не будет. И лишь *тоска по смыслу* и есть самое сокровенное и потаённое, возможно, последняя надежда и утешение» [1, с. 98]. Пожалуй, что когда человек от деятельности переходит к созерцанию, то на его глазах автоматически совершается деконструкция всех смыслов. «После того, как смысл отработал своё, он исчезает, испаряется, давая дорогу другим, таким же эфемерным смыслам» [1, с. 131]. Поэтому важно подчеркнуть, что основная проблема всех инструментальных смыслов, которые призваны до поры до времени поддерживать жизнь индивида в стабильном и безопасном состоянии, заключается в том, что они *временны*. И не случайно, что люди жаждут вечных смыслов, которые, в свою очередь, также могут навевать кромешную скуку. И всё-таки В. В. Варава признаёт, что «помимо страха смерти и воли к жизни человек жив ещё одним мотивом – тайной надеждой» [1, с. 132]. По сути, отказаться от базисной экзистенциальной надежды оказывается практически невозможно, даже если человек, вслед за Спинозой, отчётливо понимает, что надежда есть удовольствие непостоянное, замешанное на сомнениях в успехе, а следовательно, переходящее в страдание.

Важное место в работе отведено анализу скуки, которая проявляется всегда вопре-

ки человеческой воле. Человек не может скучать по собственной воле, и наоборот, когда кажется, что всё хорошо, вдруг наступает скука. Конечно, речь идёт не об обычной скуке, возникающей в результате пресыщения, а о фундаментальной скуке, переходящей в беспредметную тоску. И из неё, как полагает автор, можно извлечь пользу для собственного духовного развития, по крайней мере, она приводит к бескорыстному, незаинтересованному отношению к миру, особого рода философскому настроению. Другое дело, что далеко не все люди, не обладающие необходимой подготовкой, способны справиться с подобной экзистенциальной скукой, что приводит их к ноогенному неврозу, серьёзной фрустрации, за которыми следует длительное, болезненное и медикаментозное лечение. И всё же В. В. Варавы полагает, что в модусе базисной скуки мы получаем доступ к трансценденции и грустим об утраченном (или воображённом) рае. «Скука возвращает нам подлинное человеческое величие, – уверенно сообщает автор, – которое мы бесконечно утрачиваем, оскорбляя своё достоинство бесчисленными делами, которые отвлекают нас от главного» [1, с. 140]. Более того, она помогает нам оказаться в «ситуации Сизифа», проникнуть в смысловую структуру столь значимого культурного мифа. Здесь от себя можно добавить, что скука – сильный стимулятор воображения. Поэтому если бы человек был лишён такой способности, то не смог бы развиваться в интеллектуальном и, что особенно важно, эстетическом плане.

В книге В. В. Варавы мы находим интересные и очень точные оценки истоков и сути современной культуры. Метафизическое переживание абсурда бытия, которое мы обнаруживаем в произведениях Ницше,

Кафки, Беккета и Платонова, как он считает, непременно связано с трагическим чувством самой жизни. Однако в современной массовой культуре и связанных с ней медийных практиках абсурд существования зачастую превращается в развлечение, источник смеха и лёгкого веселья. «Медийное пространство меняет природу абсурда: это скорее всего не Абсурд, но абсурдный эффект, который появляется в результате повторения одного и того же слова, фразы, жеста, действия, в итоге становящегося бессмысленным. Здесь нет ни этики, ни метафизики, ни трагедийности» [1, с. 175]. По мнению В. В. Варавы, мы являемся свидетелями «смерти вещи», которая, завершая череду разнообразных смертей – «смерть Бога», «смерть человека», «смерть автора», демонстрирует нам художественными средствами, что самое главное в вещи не её «вещность», а именно её несущественность. На фоне постоянного схлопывания всех вещей мира мы получаем удовольствие от негативности, которая парит над миром, не стремясь к каким-либо синтезам. «Кажущаяся на первый взгляд невинность информационного потока на деле оказывается не такой уж и безобидной: медийная картина мира манифестирует действительность как процесс не связанных друг с другом фрагментов. Если посмотреть на это со стороны, то формально этот процесс будет похож на киноленту, где отдельные кадры не представляют собой последовательность одной большой истории, даже истории авангардной, сюрреалистической или арт-хаусной» [1, с. 181]. Вместе с тем в философской традиции есть примеры наиболее адекватной работы с подобной фрагментированной реальностью, потоком кадров из бессмысленной информации. Это, например, мысль Шопенгауэра, согласно которой

за всеми мимолётными феноменами можно обнаружить злую и слепую иррациональную волю.

В целом складывается впечатление, что ближе к концу произведения мысль В. В. Варавы всё больше приобретает черты теистического экзистенциализма. «Только понимание того, – пишет автор, – что смерть есть способ осознания нашей вечности, а не факт, делающий жизнь конечной, а значит, поистине бессмысленной и бесперспективной, приближает нас к истине» [1, с. 258]. Но вместе с тем философ не стремится, да и не должен стремиться к однозначной экспликации человеческой ситуации в бытии-к-смерти, как это делают теологи, а должен сохранять истину в режиме тайны и напряжённого противоречия.

В последних эссе представленной работы В. В. Варавы снова возвращается к рассмотрению надежды, в её сравнении и противопоставлении мечте. Философ считает, что надежда, как правило, возникает в кризисном состоянии, «по мере приближения безнадёжности», тогда как мечта есть прихоть, напрямую связанная с желанием и работой воображения. «Мечта – это работа воображения и фантазии в модусе желания. Мечта причинна, объектна и в принципе достижима» [1, с. 264]. В данной связи В. В. Варавы к месту цитирует строки Пушкина – «Мечта знакомая вокруг меня летает». Потеря надежды ведёт к отчаянию и гибели, тогда как с прежними мечтами люди расстаются более безболезненно. При этом тот, кто пребывает в мечтах или сладостной дрёме, не всегда несчастлив, в отличие от человека, который всё ещё надеется на лучшее. В надежде человек не ставит себе целей, тогда как к своей мечте, вполне возможно, стремится на основе рационально выстроенного плана. Надежда пре-

имущественно обращена в будущее, но есть модус надежды, направленный в прошлое, и это ностальгия. «Надежда позволяет нам больше понять бесцельность, а ностальгия приблизить к целому. Целое бесцельно, а жизнь бессмысленна – вот что обнаруживается в горизонте ностальгии и надежды» [1, с. 272]. Поэтому в ностальгии человек успокаивается, погружаясь порой в приятную грусть, созерцает прошедшие события, тогда как в надежде он пребывает в модусе беспокойства. В заключение одного из эссе В. В. Варавы резюмирует, что «надежда – это ностальгия по будущему, а ностальгия – это надежда на прошлое» [1, с. 272].

Мир – чудо, он не объективируем и не может быть превращён философией в законченную схему, но вместе с тем он выступает источником рефлексии и осмысления действительности. Мир, по мнению В. В. Варавы, не репрессивен для человеческого сознания. Невозможность определить цель, причину и смысл существования мира является источником его тайны. «Будь мир всеединым, – отмечает философ, – была бы видна единая смысловая основа мира, которая поражала бы всякого в мир приходящего своей очевидностью и нудящей необходимостью» [1, с. 283]. Мир, собственно, и есть источник философского удивления и знающего незнания. Поэтому философ, как считает В. В. Варавы, в отличие от учёного, который познаёт мир (опредмечивая его воображаемые части посредством соответствующих схем), и от религиозного субъекта, отрицающего мир ради его Создателя, собственно открыт миру, стремится к соединению с ним в интимной непосредственности.

Побочный эффект разумности человека даёт о себе знать в обнаружении у него несчастного сознания, в котором он замечает

абсурд всего с ним происходящего и страдает от отсутствия смысла жизни. Человек, конечно же, знает о своей неминуемой гибели и пытается рационализировать для себя её последствия, но при этом всё-таки надеется на тайну бытия, избавление от тотальной скуки и суевы существования и даже на чудесное спасение.

Без преувеличения можно сказать, что в произведении В. В. Варавы «Седьмой день Сизифа» мы сталкиваемся с цельным ти-

пом философствования, референтного лучшим образцам русской философии и традиции экзистенциализма. В данной работе философ демонстрирует прекрасное знание классических философских, литературных и поэтических текстов, при этом чувствуется его оригинальная способность чтения и интерпретации классиков. Несомненно, что проделанная работа предстаёт сложным и многомерным произведением, требующим неоднократного чтения.

Список литературы

1. Варова В. В. Седьмой день Сизифа. Эссе о смысле человеческого существования. Москва : Родина, 2020. 320 с.

References

1. Varava V. V. *The Seventh Day of Sisyphus. An essay on the meaning of human existence*. Moscow, Publishing House "Rodina", 2020. 320 p. (In Russ.).

*